

СТРАНА И МИР

• das land und die welt • our country and the world • le pays et le monde • el pais y el mundo •

- НОВОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ
- ОПАСНЫЙ ПРИМЕР СТАРШЕГО БРАТА
- ГЕОГРАФИЯ УРАНОВЫХ РУДНИКОВ
- ПОДСУДИМЫЙ МАРЧЕНКО
- АРЕСТ И КАЗНЬ БЕРИИ
- ПРАВО ПОКИНУТЬ СТРАНУ
- АЛМАЗНЫЙ КАРТЕЛЬ
- НОЧЬ В ЙОХАННЕСБУРГЕ
- ЗЕМЛЯ, ОБЩИНА И БОГ
- ВАВИЛОНСКОЕ ПЛЕНЕНИЕ ЦЕРКВИ
- РЕЛИГИЯ — ОПИУМ ДЛЯ ЭФИОПОВ
- БОГОИСКАТЕЛЬ С БЕРЕГОВ ИССЫК-КУЛЯ
- ПИСЬМО ВАСИЛИЮ ИВАНОВИЧУ
- ПОЭМА О ГРОБОКОПАТЕЛЯХ

Общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал "Страна и мир" издается в Мюнхене один раз в два месяца под редакцией Кронида Любарского и Бориса Хазанова. Оформление Б.Рабиновича. Представители журнала: в США Марк Поповский, в Израиле Рафаил Шапиро. Корреспонденты журнала: В.Кучинский, Е.Эткинд (Париж), М.Филлимор (Лондон), Б.Вайль (Копенгаген), Б.Шрагин (Нью-Йорк). Стоимость годовой подписки в Европе 60 нем. марок, в США, Канаде и Израиле – 106 нем. марок, в Австралии, Новой Зеландии и на Тайване – 116 нем. марок. Стоимость доставки включена в подписную плату; в неевропейские страны журнал доставляется подписчикам авиапочтой. Цена одного номера – 12 нем. марок. Подписка принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека, высылаемого в редакцию. Мнение, выраженное автором, может не совпадать с точкой зрения редакции. Все права сохраняются за авторами. Непринятые рукописи возвращаются с письменной мотивировкой.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Политический дневник	1
<i>Р. Бахтамов.</i> Ирония судьбы	11
Вести из СССР	24
<i>А. Марченко.</i> Живи как все. Отрывки из книги. Окончание	30
<i>А. Антонов-Овсеенко.</i> Конец Берии	43
<i>У. Лакер.</i> Споры о тоталитаризме	52
<i>К. Головин.</i> Грядет день	58
"Немедленное развертывание кампании по устранению зла религии".	65
"Меня называют утопистом..." Интервью с епископом Л.Проаньо	69
<i>Т. Венцлова.</i> Южноафриканский дневник	76
<i>К. Кемпбелл.</i> Тайное сотрудничество	85
<i>Э. Эрлих, Г. Слонимский.</i> Грани алмаза	89
<i>О. Максимова.</i> Учись, мой сын	96
<i>М. Мирский.</i> А все-таки экономика...	100
<i>Р. Б.</i> Экономика на дыбе политики	106
<i>В. Ерашов.</i> Открытое письмо редколлегии журнала "Наш современник" и писателю В. Белову	107
Письма в редакцию	109
<i>Е. Гессен.</i> Таланты и тотемы	118
<i>Э. Маркштайн.</i> Соблазны гласности	127
<i>М. Каганская.</i> Миф Двадцать первого века. Часть III	131
<i>Е. Эткинд.</i> Письма из Парижа	137

Das Land und die Welt e.V.

Schwanthaler Str. 73, D-8000 München 2, Federal Republic of Germany

Tel. (089) 530514; telex 5218017 unbt d.

Deutsche Bank München, Konto 331 9613 (BLZ 700 700 10)

Postgiroamt München, Konto 223981-804 (BLZ 700 100 80)

ISSN 0178—5036

СТРАНА И МИР

IV год издания

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

ЧЕРЕЗ ДЕВЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ

Со смешанными чувствами наблюдают в Восточной Европе за бурными событиями в доме Старшего Брата. Перестройка, гласность, ускорение — далеко не все встречают эти лозунги с энтузиазмом. Преобладает осторожность, скрытая, а иногда и открытая враждебность.

Пожалуй, наиболее последовательный и открытый сторонник горбачевских реформ — это польский лидер генерал Войцех Ярузельский. Под напором со стороны хоть и подавленной, но все еще активной оппозиции он делает шаг за шагом в сторону расширения демократии и экономической либерализации польского общества. В некоторых отношениях — как, например, объявив политическую амнистию, — Ярузельский опережает Горбачева, подает ему пример. Правда, действовать Ярузельскому приходится в иных условиях, чем советскому лидеру. После бурного периода "Солидарности" и расцвета подлинной народной инициативы либеральные шаги Ярузельского воспринимаются лишь как косметические меры, да скорее всего таковыми и являются.

Горбачев же, если и чувствует давление снизу, то, пожалуй, лишь со стороны тех, кто хотел бы притормозить "ускорение", которое чревато не-

предсказуемыми результатами. Поэтому его шаги, даже менее решительные, чем шаги Ярузельского, воспринимаются как нечто революционное, а потому опасное. Так смотрит на горбачевские реформы не только собственная партийная бюрократия, но и руководство "братских" социалистических стран.

Даже Венгрия — традиционный бастион экономического либерализма в соцлагере — не торопится выказывать восторг в связи с происходящим в Советском Союзе. Более того, последние месяцы в этой стране ознаменовались скорее ретроградным развитием. Культурный климат похолодел, резко усилилась цензура, служба безопасности начала охоту за самиздатскими изданиями и диссидентскими организациями.

Секретарь ЦК Венгерской социалистической рабочей партии, бывший посол в Москве Матиаш Суерос, выступая по радио, отдал долг уважения мужеству "советских товарищей", но тут же заявил, что советские реформы не могут служить образцом для Венгрии. "Любая попытка подражания была бы ошибкой, — заявил Суерос. — Каждая партия независима и суверенна и работает в особых условиях своей страны. Следовательно, опыт каждой из них не может быть механически перенесен в другую". М.Суерос в последнее время все чаще и чаще рассматривается как возможный преемник Я.Кадара, чей уход по биологическим причинам неизбежен в скором будущем.

С нескрываемой неприязнью относятся в ГДР к событиям в Советском Союзе. Восточногерманская печать либо обходит молчанием происходящие там реформы, либо всячески подчерки-

вает, что для условий ГДР все это неактуально. И сам Эрих Хонеккер, и его сотрудники в последнее время всячески расхваливают эффективность их собственной экономической и политической системы, делая упор на то, что ни в каких реформах она не нуждается.

Болгария, как всегда, следует твердому курсу: "чего изволите", но явно нуждается в том, чтобы ей конкретно указали – что и в каком направлении перестраивать. Самостоятельный Чаушеску о гласности и реформах не хочет и слышать.

С тревогой и настороженностью встречает горбачевские инициативы официальная Прага. Само слово "реформа" после разгрома "пражской весны" 1968 г. было поставлено в список тех слов, которые цензоры старательно вычеркивали, допуская лишь эвфемическое выражение "изменения". Об "изменениях" в СССР первоначально также сообщалось лишь очень скупое. Ряд речей Горбачева, в которых он наиболее горячо защищал перестройку и реформы, "Руде право" вообще не опубликовало, ссылаясь на "технические причины". Обсуждение горбачевских инициатив сопровождалось оговорками о необходимости "взвешивать любые нововведения с учетом опыта конца 60-х гг."

С опаской ожидался в Праге намеченный на начало апреля визит М.Горбачева. За три недели до него Густав Гусак, выступая с речью перед ЦК КПЧ, неожиданно заговорил о необходимости перемен, аналогичных тем, что проводятся в Советском Союзе. М.Гусак обещал крупные изменения в руководстве экономикой, говорил о необходимости устранения ограничений в информационной политике, о желательности рассмотреть возможность введения при выборах в партии тайного голосования и т.п.

Мало кто, однако, воспринял речь М.Гусака как предвестие действительных реформ. Наблюдатели обратили внимание и на то, что само слово "реформа" Г.Гусак старался не употреблять (чехословацкие вожди боялись его по-прежнему, как купчиха у Островского боялась слова "жу-пел"). Он выдал из себя лишь нечто о "новом экономическом и социальном механизме, или, если хотите, реформах". Замечено было и то, что во всей своей длинной речи глава КПЧ ограничился общими рассуждениями, не связав себя никакими конкретными обязательствами, не предложив ни одного действительного проекта реформ (или хотя бы "изменений"). Речь Г.Гусака единодушно была расценена как попытка накануне визита притупить разговоры о разногласиях с "советскими товарищами", создать видимость единства с ними.

В ожидании Горбачева

Среди рядовых чехов и словаков визит М.Горбачева, напротив, ожидался с радостным нетерпением. Советское радио и телевидение стали в Чехословакии весьма популярными – из них можно было почерпнуть куда больше о происходящем в СССР, чем из собственных средств массовой информации. За всеми шагами Горбачева следили с огромной симпатией, видя в нем второго Дубчека – а это, кроме симпатии, означает еще и тревогу за него. "Какая разница между Горбачевым и Дубчексом?" – гласит свежий пражский анекдот. – "Никакой. Только Горбачев об этом еще не знает".

Накануне визита М.Горбачева из Пльзеня и Братиславы поступили сообщения о том, что большие группы рабочих вышли на улицы, неся лозунги: "Мы хотим Горбачева!" С приветственными заявлениями выступили многие чехословацкие интеллектуалы, участники "Хартии-77". Большая группа видных деятелей "пражской весны", в том числе бывших членов ЦК КПЧ, во главе с бывшим министром иностранных дел Иржи Гаеком и драматургом Вацлавом Хавелом передала в советское посольство в Праге следующее письмо:

"Дорогой товарищ Горбачев!

Мы горячо приветствуем Вас в Праге. С огромной симпатией и интересом мы следим за новым революционным развитием, за начатой под Ва-

шим руководством перестройкой советского общества. Это развитие событий в Советском Союзе возродило наши надежды на то, что пришло время, когда и наше общество может вступить в период оживления. Мы, которые в течение десятилетий честно трудились ради осуществления идей социализма, приветствуем Ваш призыв к новому политическому мышлению. Этот призыв имеет революционный и объединяющий характер и затрагивает все человечество.

Новый революционный курс существенно меняет старое видение мира, видение, которое привело человечество на грань ядерной войны и экономического разрушения. Ваши слова о том, что необходимо вернуться к общечеловеческим ценностям подталкивали нас как дуновение свежего ветра. Мы полностью согласны, что одним из главных препятствий на пути к новому видению мира является взаимное недоверие. Необходимо, чтобы человечество вновь обрело веру в себя, в свою силу, чтобы оно могло свободно дышать. Нам как воздух необходима социалистическая демократия. Вы сказали, что не нужно бояться демократии. Тот, кто боится демократии, — боится народа, но народа бояться не надо. Его надо понимать. Те, кто боятся собственного населения, едва ли смогут понять истинную суть социализма. Мы против недоверия к народу, мы считаем принципиально важным, чтобы все было сделано для того, чтобы каждый член нашего общества мог участвовать в перестройке.

Мы очень хотим иметь возможность содействовать восстановлению традиционной дружбы между нашими народами, дружбы, которой был нанесен ущерб тем, как прежнее советское руководство реагировало на процесс обновления в нашей стране в 1968 г. Мы готовы сделать все, что в наших силах, чтобы содействовать перестройке нашего общества. Мы твердо надеемся, что это произойдет скоро, и что это будет подлинная перестройка. Мы были бы счастливы, если бы Ваш визит был тем толчком, который откроет двери для общественной активности. Мы убеждены, что это увеличит веру в наше общее дело. Чехословацкий народ хочет преодолеть все препятствия, которые сдерживают творческие силы страны и тех сотен тысяч людей, которые устранены из общественной деятельности.

Уважаемый товарищ Горбачев, мы желаем Вам приятно провести время в нашей стране, мы желаем Вам успеха в работе”.

Долгожданный визит начался с запозданием на один день — со ссылкой на насморк М.Горбачева, и М.Горбачев во время своих выступлений несколько раз демонстративно сморкался, желая показать, что этот насморк не был диплома-

тическим. Закончился визит тоже на сутки раньше, на этот раз без всяких объяснений, оставив после себя впечатление недоговоренности и некоторого смятения.

Популярность, которую завоевал в стране М.Горбачев, проявилась в полной мере — сотни тысяч людей с непритворной радостью приветствовали его на пути из аэропорта в город, тысячи выходили на улицы, чтобы приветствовать его, пожать руку, когда он в сопровождении чехословацких хозяев ходил по городу. Улыбки и открытость М.Горбачева продолжали завоевывать сердца.

Но помимо улыбок, улы, ничего не произошло. Мы уже не говорим о том, что слухи о том, что Горбачев намерен встретиться в Братиславе с Дубчеком, так слухами и остались. Горбачев не сказал ни слова о том, что советские войска, наконец, будут выведены из Чехословакии, — а от него этого ждали многие. Он не осудил советской интервенции 1968 г. Напротив, в косвенной форме он даже одобрил ее: “Мы пережили тогда вместе важный период, но вышли из него с честью и достоинством”, — сказал Горбачев. — Были приняты правильные решения. Посмотрите, как прогрессировала Чехословакия после 1968 г.!” Многих неприятно поразила публичная поддержка Г.Гусаку, которую демонстрировал советский гость: поднимал его руку вверх, как у боксера-победителя, целовал прилюдно — в худшей брежневской манере.

Неизвестно, правда, получил ли и Гусак что-либо конкретное от этого визита, кроме горячих поцелуев. Похоже, что тоже нет. Есть все основания думать, что в течение трех дней визита Горбачев пытался убедить своих хозяев в неизбежности реформ. Со всеми осторожными оговорками (“Мы далеки от того, чтобы просить кого-либо копировать нас”) советский гость все-таки не устал повторять: “Мы не собираемся скры-

На встречу с советским генсеком

вать нашей убежденности в том, что процесс перестройки, начатый в Советском Союзе, отвечает самой сущности социализма". Правда, Горбачев, судя по всему, к выкручиванию рук при этом не прибегал, предпочитая ограничиваться убеждением, — что само по себе вовсе не плохо.

Несмотря на некоторое разочарование чехов и словаков — магических последствий визит далеко не имел, — большинство все-таки старается "войти в положение" советского лидера. Горбачев, считают многие, имеет достаточно трудностей дома, чтобы нагружать себя новыми проблемами в отношениях с социалистическими соседями. Сыграло свою роль и двусмысленное положение, в котором оказался Горбачев, находясь в гостях у такого хозяина как Гусак. "Он не мог осудить реформы (пражской весны), не бросая тень на свои собственные цели, и не мог извиниться за советское вторжение, не ставя под сомнение основу власти нынешних чехословацких руководителей", — сказал известный чехословацкий диссидент Вацлав Хавел.

В Москве же, за пределами чехословацких границ, представитель советского МИД Геннадий Герасимов был спрошен в лоб западным корреспондентом: "Какая разница между реформами Дубчека и реформами Горбачева?"

"Девятнадцать лет", — ответил Герасимов.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПО СОДЕРЖАНИЮ...

Оставалось лишь несколько дней, как по всей Югославии должны были начать расклеивать плакат, посвященный Дню югославской молодежи, который отмечается ежегодно 25 мая, в день рождения покойного президента Тито. Плакат получил первую премию на всеюгославском конкурсе, и репродукция его была опубликована в газетах.

Все было бы хорошо, если бы не один дотошный белградец, который обратил внимание на то, что премированный плакат является точной копией известного плаката 30-х годов "Третий рейх" работы художника-нациста Рихарда Клейна. Плакат Клейна и плакат ко Дню молодежи оба изображали одинаковых обнаженных молодых людей, стоящих на одинаковых пьедесталах и держащих одинаковые факелы. Ну, говоря честно, копия была не совсем точна. В югославском варианте имперский орел в верхнем левом углу был заменен голубем, свастика — югославским гербом, а внизу появилась подпись: "Dan Mladosti", "День молодежи".

Конфузный плакат быстро уничтожили, заменив его тем, что занял второе место. От словенской молодежной организации, представившей плакат на конкурс, потребовали разыскать авторов "провокации". Ими оказалась группа худож-

ников-авангардистов из Любляны, выступающая под названием "Новый коллективизм". Загребская газета "Vjesnik" обвинила их в уравнивании фашизма и коммунизма. Художники своей вины, однако, не признали, заявив, что их плакат должен символизировать победу над всеми формами тоталитаризма. Пока они, насколько известно, не наказаны.

Весь этот эпизод сослужил плохую службу партийно-государственным руководителям Словении, которые в своей республике и без того вызывали большое недовольство участием в организации дорогостоящих торжеств в день рождения Тито. За пределами республики словен, напротив, упрекают в потакании инакомыслию.

Но это, так сказать, уроки, извлеченные на местном уровне. Более же общая мораль этой смешной истории вовсе не нова: тот факт, что эстетические нормы и принципы *любых* форм тоталитарного искусства одинаковы, давно уже стал общим местом в трудах историков искусств.

АЗИЯ

АФГАНИСТАН: ПЕРЕГОВОРЫ И БОМБЫ

Женевские переговоры между Пакистаном и кабульским режимом при посредничестве ООН начались. Сенсационных результатов пока не видно, хотя Диего Кордовес, представляющий на переговорах ООН, объявил по окончании первого тура, что разногласия несколько сгладились: разрыв в сроках вывода из Афганистана советских войск, предлагаемых обеими сторонами, сократился до одного года.

Тем временем кабульский лидер генерал Наджиб старается казаться все более и более националистически и происламски настроенным. В середине февраля он встретился со старейшинами племен в западных провинциях страны и заявил им: "Мы сделали серьезные ошибки, мы виноваты, мы пренебрегли глубоко укоренившейся афганской традицией уважения к старшим и следования их советам. Скажите нам теперь, что делать, и мы сделаем это". Ответ старейшин гласил: "Мы слишком стары, чтобы выступать с оружием в руках. Иди и спроси тех, кто сражается с тобой".

Несмотря на миролюбивые заявления в Женеве и дома, положение на полях сражений далеко от

затишья. Поступают сообщения об ожесточенных стычках в городе Кандахаре и в одноименной провинции. В Кандахарский аэропорт с базы ВВС в Шинданде были переброшены крупные подкрепления. Свежие советские войска сконцентрированы в провинции Нангархар. Бои и бомбардировки продолжаются в провинции Пактия близ Хоста и в провинции Кунар. Несколько раз был обстрелян ракетами Кабул. Советские военные конвои были атакованы партизанами в районе перевала Саланг. Сообщения о боях поступают из Газни, Герата и многих других мест.

Усилились бомбардировки приграничных районов Пакистана, где нашли убежище беженцы. 26 февраля, на второй день после начала женевских переговоров, 16 самолетов советской и кабульской авиации бомбардировали деревни Гулям-Хан и Сайдгай в пакистанской провинции Северный Вазиристан, убив 40 и ранив 200 человек — афганских беженцев и местных жителей. Пакистанские газеты называли это "самым большим количеством жертв в результате афганской бомбардировки Пакистана со времени начала войны". Во время налета на следующий день было убито 35 и ранено 47.

Пакистанские протесты не возымели действия. Бомбардировки пограничных поселков продолжались. 23 марта, по сообщению представителя пакистанского МИД, предыдущий "рекорд" был превзойден: при налете было убито не менее 85 и ранено 123 человека. В этих условиях Пакистан был вынужден отдать приказ об отражении налетов. 30 марта пакистанские истребители сбили ракетой кабульский самолет, вторгшийся на 16 км вглубь территории Пакистана к северу от приграничного города Парачинар. Пакистан предупредил Кабул, что в случае продолжения налетов самолеты-агрессоры будут сбиваться и впредь.

Цель бомбардировок ясна — не только уничтожить лагеря беженцев, служащие базами для повстанцев, но и оказать давление на Пакистан, чтобы сделать его более уступчивым на переговорах. Этой же цели служит и развертывание террористической деятельности в пограничных пакистанских провинциях. В качестве наемников-террористов используются жители мелких приграничных племен — для этого идут в дело и прямой подкуп, и игра на племенных разногласиях. То здесь, то там в городах и селах взрываются бомбы, бьют по домам жителей ракеты. Местные жители, особенно в северо-западной пограничной провинции, чувствуют себя как во фронтовом районе.

Терроризм на местах имеет целью не только давление на правительство в Исламабаде, но и возбуждение ненависти местных жителей к афганским беженцам, принесшим с собою беды и на головы пакистанцев. Этот расчет начинает сбавывать. 19 февраля в Пешаваре произошел мощный взрыв, в результате которого было убито 14 и ранено 70 местных жителей, включая детей (преимущественно детей беженцев). Сразу после взрыва к месту происшествия сбежалось большое число хорошо вооруженных местных политических активистов. Начался погром. В афганских беженцев стреляли, их лавки поджигали. В результате погибло еще несколько человек. Это было первое вооруженное столкновение между афганскими беженцами и местными жителями.

Но не последнее. Вскоре по провинции прокатилась целая волна демонстраций, направленных против беженцев и против партизан. Атмосфера страха и напряженности нагнетается все более.

Атмосфера, разумеется, не лучшая для подлинного успеха переговоров в Женеве. ●

КАМПУЧИЯ: ПОВОРОТ К КАПИТАЛИЗМУ

Политическое будущее Кампучии вот уже в течение многих лет остается неясным. У власти стоит поставленное интервентами-вьетнамцами правительство, но это правительство само едва ли испытывает к своему покровителю нежные чувства. Однако оно вынуждено сотрудничать с вьетнамцами, чтобы выдержать напор повстанцев. В ряду повстанцев первую скрипку играют "красные кхмеры", в свое время осуществившие, пожалуй, самую кровавую в истории резню своего собственного населения. Сейчас они, тем не менее, наживают политический капитал в качестве борцов против иностранной оккупации. За сценой стоят Китай, поддерживающий повстанцев, и Советский Союз, поддерживающий Вьетнам. Положению правительства премьеры Хун Сена, пожалуй, не позавидуешь.

За переплетением политических страстей менее заметными кажутся экономические инициативы правоверного коммунистического руководства этой многострадальной страны. Между тем, они заслуживают внимания.

Несколько примеров. Восемь лет назад Сент Венг открыл в Пном Пене в небольшой деревняной развалюхе авторемонтную мастерскую. Сейчас у него работает 10 человек. Каждый из них зарабатывает ежемесячно до 500 долларов, в то время как средняя месячная зарплата в этой стране составляет 20 долларов.

Конг Суон — хозяин мастерской по изготовлению мебели. Теоретически изготавливаемые им столы и стулья среднему кампучийцу не по карману. Однако у него успешно работают 12 человек, зарабатывая при этом в 10 раз больше, чем государственные служащие.

От ювелирной мастерской до женщины, торгующей на рынке свежими фруктовыми соками, — все говорит о том, что частный сектор в этой стране преуспевает. В Пном Пене — столице социалистического бесклассового государства — самыми процветающими предприятиями являются частные салоны красоты, частные портняжные мастерские, частные бензоколонки...

12 лет назад в трех странах Индокитайского полуострова — Вьетнаме, Лаосе и Камбодже (ныне Кампучии) — восторжествовал социализм. С тех пор низкая производительность труда, хронический недостаток товаров, безработица, развал сельского хозяйства стали постоянными чертами жизни этих стран. Их экономика составляла резкий контраст с бурно развивающейся экономикой их некоммунистических соседей — Таиланда и Сингапура (см. "Страна и мир", № 11 за 1986 г.).

Столкнувшись с ростом общественного недовольства и сопротивлением со стороны рядовых членов собственных партий, руководители этих стран в последнее время, не без влияния событий в стране-патроне — Советском Союзе, развернули кампанию самокритики, борьбы с бюрократизмом и коррупцией.

В качестве лекарства предлагалось увеличение автономии руководителей предприятий и местных властей, расширение торговли с Западом и привлечение западных инвестиций. Постоянно возникали разговоры об участии частного сектора в экономическом обновлении, но дальше символических жестов дело не шло.

Во Вьетнаме были разрешены небольшие частные предприятия и снижены барьеры в частной торговле потребительскими товарами. В Лаосе все чаще говорят о смешанных государственно-частных предприятиях, о нормализации отношений с Таиландом и установлении приграничной торговли. Но и в Ханое, и во Вьентьяне поворот к частному сектору экономики происходит крайне непоследовательно и осторожно: в руководстве, очевидно, нет единства мнений о масштабах и темпах допущения несоциалистических элементов в экономику. "Твердолобые" боятся за идеологическую чистоту партии. Существует также страх возрождения мощной буржуазии, группы, в которой в этих странах исторически доминировали китайцы.

В Кампучии, напротив, частный сектор пере-

живает бум. Марксистские экономические принципы истолковываются весьма либерально. Партийное руководство защищает нынешнюю систему как "экономическую реальность", диктуемую крайней бедностью страны и трудностями, вызванными гражданской войной.

В столице открыто около десятка частных рынков. На прилавках и на полках магазинчиков — целый набор импортных товаров, от растворимого кофе и датского пива до золотых часов, детских игрушек и стереоустановок с наборами кассет рок-музыки.

"У нас нет черного рынка, — заявляет представитель правительства, — у нас свободный рынок".

Если политически Кампучия изолирована, то об экономической изоляции нет и речи.

Динамический частный сектор в стране уже вызвал к жизни небольшой, но быстро растущий и процветающий слой новой буржуазии — городских торговцев, мелких предпринимателей. Это они носятся по улицам Пном Пеня на новеньких японских мотоциклах "Хонда", импортируемых из Таиланда по 1500 долларов за штуку. Это они заполняют многочисленные частные ресторанчики, заказывая омара и импортное пиво — блюда, которые государственному служащему стоили бы пятимесячной зарплаты.

Премьер-министр Хун Сен открыто заявляет, что капитализм жизненно важен для перестройки экономической жизни Кампучии. "Нам следует бояться не экономики свободного рынка, — говорит он. — Нам нужно бояться народной бедности".

Руководство коммунистической Кампучии отдает себе отчет в возникновении нового привилегированного класса, но его это не пугает. "Мы не эгалитарное общество, — заявил один из ведущих партийных деятелей. — Мы принимаем это как данность. Для нашего правительства важно улучшить жизнь беднейших слоев, а не сокрушать богатых".

Большая часть потребительских товаров прибывает в Пном Пеня из Таиланда и Сингапура через остров Коп Конг в Сиамском заливе. Таиландские товары обычно проходят через Сингапур, ибо правительство в Бангкоке официально торговых отношений с Пном Пенем не поддерживает. Труднее определить источники валюты, на которую кампучийцы осуществляют закупки. Говорят, что многие кампучийские семьи все еще откапывают фамильные драгоценности, припрятанные во время власти "красных кхмеров". Другие полагают, что из Кампучии в Таиланд и Сингапур идет встречный поток товаров, прежде всего сушеная рыба и омары.

Премьер-министр Хун Сен

Однако большинство кампучийцев, живущих в рамках официального социализма, в этой торговле не участвует. Расслоение общества порождает новую напряженность.

Служащая государственной гостиницы, например, зарабатывает ежемесячно 200 риелей. Это 6 долларов по официальному курсу и 1,5 доллара по курсу, принятому в лавках и ресторанах. Работать приходится семь дней в неделю по 14 часов в день, и она жалуется, что у нее нет времени, чтобы открыть свое собственное дело, где бы она могла немного подзаработать.

Каждый из 224 рабочих государственной велосипедной мастерской зарабатывает 300–500 риелей в месяц. Это считается хорошим заработком для государственного служащего, но в 10 раз меньше того, что платит своим рабочим упомянутый нами Сент Венг.

Впрочем, высшие слои государственных служащих от такого неравенства не страдают: коррупция в стране достаточно развита. Об этом знают все, и это отнюдь не уменьшает социальной напряженности.

В отличие от Кампучии, во Вьетнаме допуск частного сектора в экономику происходит куда более медленно и в гораздо более ограниченных масштабах. От избранного на пост генсека Нгуен Ван Линя (см. "Страна и мир", № 1, 1987 г.), снижавшего себе репутацию реформатора в бытность его на посту мэра города Хо Ши Мин, ожидали каких-то важных реформ. Надежды эти не

оправдались. Линь все еще пытается примирить внутрипартийные разногласия и определить, каким же будет его собственный экономический путь.

В своем недавнем интервью в Бангкоке посол Вьетнама в Таиланде Ле Май сказал, что целью его правительства является совместить централизованное государственное планирование с экономическими законами спроса и предложения. Он заявил, что вьетнамское руководство ныне признает, что частный сектор играет важную роль.

Есть признаки, что это действительно так. Например, разрешено продавать золото в государственный банк по ценам, близким к ценам черного рынка. Еще недавно это было просто невозможным, ибо само обладание золотом и драгоценными камнями считалось незаконным. На дорогах и реках 11 марта устранены контрольные пункты, чтобы, как заявила правительственная газета "Нян Зян", "расширить обращение товаров". Отменены обязательные лицензии на небольшие частные предприятия, такие, как парикмахерские, мастерские по ремонту велосипедов и т.п.

До кампучийского "капитализма" Вьетнам предстоит еще долгий путь. Похоже, что оккупированная страна сможет преподнести оккупанту наглядный урок экономики. ●

НА АДЕНСКОМ ВУЛКАНЕ

Год назад Народно-демократическая республика Южного Йемена — единственное марксистское государство аравийского полуострова — пережила суровый катаклизм, отнюдь не геологического свойства, хотя столица НДРЮЙ Аден расположена в кратере потухшего вулкана. В течение нескольких дней в Адене шли кровопролитные бои между сторонниками двух соперничающих фракций правящей компартии. Бывший президент Али Насер Мохаммед потерпел поражение и вместе с несколькими тысячами своих сторонников бежал в северный Йемен. На поле боя осталось 10 тысяч мертвых. Начались полавальные аресты.

Аденский взрыв был для советских покровителей йеменских коммунистов как нельзя нестати. На йеменском острове Сокотра в Индийском океане находится советская военно-морская база, да и сам аденский порт с его удобной гаванью — удобная стоянка для советских ВМФ. Раскол в руководстве НДРЮЙ ставил советских руководителей перед тяжелой задачей выбора стороны. Сначала фаворитом был Али Насер Мохаммед, хотя Москва старалась внешне быть

подчеркнуто нейтральной. Потом пришлось признать "политическую реальность" и оставить Мохаммеда. Но он далеко не списан со счета. Мохаммед пользуется сильной поддержкой в Северном Йемене, Ливии и Сирии (где сейчас живет его семья). Полковник Менгисту Хайле Мариам, вождь Эфиопии — личный друг Мохаммеда.

После долгих оттяжек нынешний вождь йеменских коммунистов Али Салем аль-Беедх был в феврале этого года принят в Москве. Горбачев пообещал ему экономическую помощь и даже согласился нанести ответный визит (не уточнив даты). Однако он не преминул при этом выразить надежду, что братская партия "исправит прошлые ошибки", явно имея в виду прошлогоднюю резню и раскол рядов.

Что касается раскола рядов, то ему, по-видимому, предстоит лишь углубиться. Новые руководители явно не оставили мысли свести старые счефы. Правда, масштабы планируемых расправ пришлось под давлением извне скрывать: после посещения в декабре прошлого года Южного Йемена делегациями "Международной амнистии" и Союза арабских юристов 4200 человек, содержащихся в тюрьмах после путча, были освобождены. Но от идеи судебной расправы над побежденными противниками руководство отнюдь не отказалось.

С декабря в Адене тянется бесконечный процесс: судят 94 человека, в том числе четырех министров бывшего правительства. Еще 48 человек судят заочно, в их числе сам Али Насер Мохаммед. Он, кстати, отнюдь не смирился со своей судьбой и из изгнания в Северном Йемене готовит свое возвращение. Недавно семеро его сторонников были захвачены и осуждены за попытки саботажа.

"Большой процесс" в Адене идет неторопливо и со вкусом. Каждый вечер телевидение передает подробные репортажи с очередного заседания. Успокоению умов процесс отнюдь не содействует. На дорогах вновь появились патрули солдат, усилены другие меры безопасности. Исход суда затронет не только самих обвиняемых. Верхний слой полуторамиллионного йеменского общества очень тонок, а родственные связи разветвлены. У обвиняемых много близких родственников и среди нынешней правящей элиты. О племенных связях мы уже не говорим.

Процесс продлится еще не один месяц. Если он завершится массовыми казнями, аденский вулкан может взорваться вновь. Предотвратить это — еще одна забота Горбачева и Шеварднадзе, отнюдь не желающих терять столь важный форпост на Индийском океане. ●

АФРИКА

ЭФИОПИЯ СТАЛА НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ

Через 12 лет после того, как военные свергли императора Хайле Селассие, Эфиопия официально стала Народно-демократической республикой, в которой "ведущей и направляющей силой" является марксистская Рабочая партия. На референдуме 1 февраля была официально одобрена новая конституция страны, означающая переход от военного к гражданскому правлению.

Эфиопский лидер Менгисту Хайле Мариам сообщил, что 96% избирателей приняли участие в голосовании — первом за 2500-летнюю историю Эфиопии. Из них 81% проголосовал за новую конституцию, 18% — против и 1% бюллетеней оказался испорченным. Как заявил полковник Менгисту, новая конституция закрепляет законодательно марксистские идеалы, за которые боролись эфиопские революционеры, и вводит Эфиопию в ряды стран социалистического лагеря.

Рабочая партия Эфиопии провозглашается единственной легальной партией, партией "авангарда". В авангарде состоит 50 тысяч членов при населении страны в 44 миллиона. Позднее в этом году кандидаты, одобренные Рабочей партией, будут баллотироваться в Шенго — первую выборную национальную ассамблею. Шенго изберет президента республики на 5-летний срок. Мало сомнений в том, что им станет генсек Рабочей партии Менгисту Хайле Мариам.

Национальные проблемы в Эфиопии всегда были очень остры. Практически все время после свержения императорской власти военное правительство вело кровопролитные войны с повстанцами, добивавшимися национального самоопределения для национальных меньшинств в провинциях Эритрея и Тигре. Новая конституция — что обещает национальным меньшинствам — лишь туманные перспективы на некое "самуправление в рамках унитарного государства".

Что касается религиозных свобод, то они "не могут осуществляться в противоречии с интересами государства и революции". Между тем, почти все население страны глубоко религиозно: около 60% составляют православные христиане, около 40% — мусульмане.

Конституция несколько вводит в рамки судебный произвол. Так, ранее местные комитеты, кебеле, имели право задерживать людей без предъявления обвинения на срок до 2 месяцев. Сейчас этот срок сокращен до двух дней. Однако такого рода косметическими поправками и ограничивается "демократический" характер новой конституции.

Эфиопия вступила в новый этап: революционный произвол получил теперь юридическое оформление. Новое тоталитарное государство обретает законченный облик. ●

КАДДАФИ ПРОСИТСЯ В СОЮЗНИКИ

В конце марта полковник Муамар Каддафи дал сенсационное интервью американской телекомпании NBC, в котором он заявил, что собирается разрешить установку на территории Ливии советских ракет с ядерными боеголовками.

"Ливия объявит себя коммунистической страной, войдет в Варшавский пакт и установит советские ракеты по средиземноморскому побережью, — сказал Каддафи. — Когда мы станем единым военным лагерем, возможным будет все. Это значит, что, когда Ливия станет коммунистической, это решение будет окончательным. Соединенные Штаты должны знать, что, если они продолжат свою агрессию, это заставит Ливию присоединиться к советской стороне и это перевернет баланс сил в регионе". Каддафи сказал также, что он разрешит открыть в Тобруке советскую военно-морскую базу.

Это уже не первый раз, когда Каддафи обсуждает возможность присоединения к Варшавскому пакту. Но конкретные предложения о военной базе и размещении в Ливии советских ракет он делает впервые.

Похоже, однако, что он опоздал. Шансы на то, что М.Горбачев клюнет на эту приманку, сейчас равны нулю. Принять предложение полковника — значит демонстративно отказаться от курса на переговоры о разоружении, которому М.Горбачев сейчас следует, совершить, по сути дела, политическое самоубийство. К тому же репутация ливийского вождя сейчас такова, что политическим самоубийством была бы любая ассоциация с ним, пусть даже не влекущая за собою установки ядерных ракет.

Очевидно понимая, что его сенсационное заявление так и будет расценено как блеф, Каддафи продолжает крепить связи с куда более реальными, хотя и менее могущественными союзниками. Недавно Ливию посетили несколько радикальных палестинских лидеров — среди них Наиф Хаватме из Демократического фрон-

та освобождения Палестины и представитель группы Абу Нидалья, организовавшего кровавую бойню в римском аэропорту в 1985 г.

Каддафи сообщил в интервью, что это была встреча для установления единства, и что ему наплевать, если мир будет рассматривать ее как собрание террористов. "Если эти палестинцы террористы, — сказал Каддафи, — то я террорист тоже".

И это уже не блеф. ●

СТАРЕЮЩАЯ КУБА

Едва ли среди стран социалистического лагеря есть другая, которая в такой степени зависела бы от поддержки своих союзников по лагерю, как Куба. 85% всего объема торговли и 89% экспорта Кубы приходится на социалистические страны. В ближайшем будущем эта зависимость еще более возрастет: президент Фидель Кастро распорядился вдвое сократить импорт из стран, где платить приходится твердой валютой, хотя в прошлом году этот импорт и без того достиг минимума, составив всего 1,2 миллиарда долларов. Это значит, что удельный вес торговли с соцстранами, где твердая валюта не тратится, существенно увеличится.

Разумеется, все это резко ограничивает возможности Кубы в развитии отношений со странами Латинской Америки и, соответственно, снижает влияние Кубы в этом регионе. Ограничивает это и возможности установления более тесных связей с западными странами: долг Кубы этим странам превышает уже 3 миллиарда и на новые кредиты рассчитывать не приходится. Пытаясь делать хорошую мину при плохой игре, кубинские лидеры то винят во всем Соединенные Штаты, то заявляют, как, например, вице-президент Карлос Родригес, что Куба вовсе не заинтересована в развитии отношений с Западом и стремится к еще большей интеграции со странами соцлагеря.

Все это совершается в то время, когда эволюция других социалистических стран идет в противоположном направлении — выхода на мировой рынок, модернизации промышленности, развития торговых отношений со всеми странами.

Отношения Кубы с СССР, по всей видимости, крепки как и прежде. Кубинское руководство, видимо, не сомневается, что советские субсидии будут поступать при Горбачеве столь же неуклонно, как они поступали ранее. Хотя цифры не публикуются, и кубинские руководители любые вопросы на эту тему рассматривают как враждебные, тем не менее наблюдатели считают, что советская помощь достигает сейчас 4 миллиардов долларов в год (не считая оружия, которое поставляется бесплатно). На увеличение этой помощи, однако, едва ли можно рассчитывать.

При всех добрых отношениях с Советским Союзом кубинская пресса очень мало пишет о реформах в СССР. Исключение делается лишь для призывов к повышению эффективности производства и укреплению дисциплины — эти места из речей Горбачева воспроизводятся полностью.

Это и неудивительно. На самой Кубе возможность реформирования экономических структур даже не обсуждается. Упор по-прежнему делается на "трудовой энтузиазм", хотя призывы эти давно уже не срабатывают. "Революционное сердце значит больше, чем любые деньги, — заявляет Хильберто Вальдес, глава аналитического отдела Центральной плановой комиссии. — Люди, однако, слишком много думают теперь о желудке, вместо того, чтобы думать о сердце и душе".

С такими настроениями в наше время трудно найти союзника даже среди социалистического лагеря. Закономерно поэтому тесное сближение с Северной Кореей — страной, также находящей мало поклонников и среди самых ортодоксальных "народных демократий". Ф.Кастро подчеркивает, что Северная Корея и Куба — это две страны, "непосредственно противостоящие агрессору" (имеются в виду, разумеется, Соединенные Штаты). Поэтому обе они нуждаются в "более сильной и чистой идеологии". Ф.Кастро — единственный из коммунистических лидеров, поддерживающий угрозы Северной Корее бойкотировать Олимпийские игры в Сеуле.

Ф.Кастро по-прежнему прочно держит в руках бразды правления, и нет ни малейших признаков того, что кто-то может бросить ему вызов. Но он стареет, как стареет и дряхлеет его революция. Когда в силу естественных причин ему придется уйти, перемены окажутся неизбежными. Харизматические лидеры, как показывает история, могут, пока они живы, гальванизировать умирающую систему. Но они не оставляют жизнеспособного наследства. ●

Комментирует
Р.БАХТАМОВ

Рисунки Т.Кофьян

ирония

судьбы

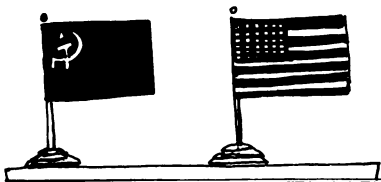
Восьмьдесят шестой год был богат событиями. Нам не дано предугадать, какие из них останутся событиями года, а какие, потянув за собой цепочку других, войдут в историю. Все-таки одно событие я рискнул бы выделить уже сейчас: встречу Горбачева и Рейгана в Рейкьявике.

Вспомним сопутствующие обстоятельства. Инициатором встречи был Горбачев, а предложение провести ее в октябре и в Рейкьявике было в какой-то мере неожиданным. Раньше, на первом свидании в Женеве, лидеры согласились, что следующий тур переговоров состоится в конце 1986 — начале 1987 года, когда Горбачев придет в Соединенные Штаты. Внезапное и резкое изменение программы, видимо, означало, что у советского руководителя появились новые идеи. Настолько новые и важные, что он не может ждать своего официального визита в США и предпочел бы обсудить их в тишине провинциального Рейкьявика.

Естественно, мы не знаем всех деталей переговоров, да, пожалуй, они и не столь существенны. В главном позиции сторон ясны. К примеру, советскую концепцию М.С.Горбачев излагал многократно: и сразу же, по горячим следам событий, на пресс-конференции в столице Исландии, и в выступлениях по советскому телевидению, и в беседах с иностранными гостями. "Мы стремились к тому, — сказал он 13 октября, — чтобы на встрече в Рейкьявике во главу угла поставить главные вопросы мировой политики — прекращение гонки вооружений, ядерное разоружение. Так, собственно, оно и произошло".

Это верно. Горбачев предложил сократить в течение первых пяти лет стратегическое ядерное оружие наполовину, а затем ликвидировать его вовсе. Вторая идея касалась ракет средней дальности, размещенных в Европе: предлагалось либо уничтожить их полностью, либо убрать из этого региона. В третьих, речь шла о том, чтобы стороны обязались соблюдать — хотя бы еще десять лет — заключенный в 1972 году договор об ограничении средств противоракетной обороны и согласились на полное запрещение ядер-

ных испытаний. Наконец, в-четвертых, и Соединенные Штаты, и Советский Союз должны были отказаться от практической работы по созданию космического оружия. Это последнее условие — я специально вынес его в отдельный пункт — сводилось, в сущности, к тому, чтобы Соединенные Штаты заморозили СОИ — проект, который на Западе именуют Стратегической оборонной инициативой, а в СССР — программой "звездных войн".

Глава I,

**о проекте СОИ и праве
именоваться сверхдержавой**

Если верить последующим заявлениям, именно последний пункт и привел к неудаче переговоров. Во всяком случае, Горбачев твердо отстаивал именно такую трактовку событий. "Итог был такой, — подчеркнул он в своем выступлении перед телезрителями, — по стратегическим наступательным вооружениям и по средним ракетам появилась возможность приступить к разработке соглашений".

До этого, как мы знаем, дело не дошло. Странно, однако, что и после неудачи переговоров Горбачев решительно настаивал, чтобы близость позиций по первым двум пунктам рассматривалась как неофициальное, но обязательное для сторон соглашение. Позиция, не имеющая, по-моему, прецедентов в истории дипломатии...

Американская администрация, включая самого президента, отзывалась о встрече в Рейкьявике куда более сдержанно. Похоже, поразмыслив здраво, руководители США не пришли в восторг от идеи ликвидировать ядерное оружие. "Реальность такова, — сказал Рональд Рейган, — что пока нам все еще приходится полагаться на это оружие в деле сдерживания войны". Еще яснее выразился бывший министр обороны США Дж.Шлесинджер: "Тупик, возникший из-за СОИ, спас нас от конфуза, когда мы заключили бы соглашение, от которого впоследствии нам пришлось бы отказаться". Самое поразительное, однако, что его оценку переговоров — "безрассудство в Рейкьявике" — разделяют политические деятели многих стран Западной Европы. Те самые деятели, которые лишь несколько лет назад с большой неохотой согласились на размещение в Европе американских ракет средней дальности.

Чтобы разобраться в этом клубке противоречий, надо учесть, что советская и западная оценки истоков нынешней ситуации отнюдь не совпадают. Советский Союз утверждает, что основная причина мировой напряженности — огромные арсеналы ядерного оружия. Сокращение этих арсеналов (в идеале — уничтожение такого оружия) приведет к снижению напряженности, а затем и к полной разрядке в отношениях.

Позиция Запада (наиболее четко ее сформулировала Маргарет Тэтчер) заключается в том, что накопление оружия — не причина, а следствие напряженности. И опасность войны создает не оружие, хотя бы и атомное, но политика государств. Разрядка должна начинаться с отказа от идеологии, которая предусматривает уничтожение иного строя — все равно, в ходе войны или революции. Тогда процесс разоружения станет естественным: оружие утратит роль главного аргумента в идеологической дискуссии...

Без отказа от этой политики разоружение бессмысленно, оставшегося оружия вполне хватит для войны (Четвертая мировая война, заметил Эйнштейн, будет вестись дубинами). Строго говоря, ликвидация ядерного оружия даже увеличит опасность войны. И потому, что война снова станет "осмысленной", ибо у агрессора появятся шансы ее выиграть. И потому, что возврат к обычному оружию позволит Советскому Союзу

использовать свои преимущества в географии, численности населения и армии, в запасах обычного оружия.

Для большей наглядности доведем эту мысль до логического конца. Готов ли Советский Союз отказаться от любых "средств массового уничтожения": авиации, танков, артиллерии, пулеметов, автоматов и сохранить на вооружении только "личное" оружие — винтовки и пистолеты, а еще лучше — дубинки, копья или стрелы? Очевидно, нет. Почему? А потому, что при этом Запад, может быть, и проиграет, но Советский Союз мало что выиграет, ибо военное превосходство перейдет к таким странам, как Китай и Индия...

Почему же Рейган согласился (хотя бы устно, хотя бы предварительно) на безъядерный, то есть по сути тоже промежуточный, невыгодный для Запада вариант? И почему Горбачев не поймал его на слове, не использовал уникальную возможность получить очевидные преимущества?

С Рейганом более или менее ясно. Ядерная война — действительно страшная вещь. Настолько страшная, что на ее фоне потускнели ужасы обычной войны. Говоря языком психологии, перед нами то *сильное свойство* предмета, что затеняет, скрадывает, маскирует его менее яркие свойства. Рискну предположить, что и Рональд Рейган при всей своей твердости поддался общему гипнозу. Мысль одним росчерком пера избавить мир от ядерного кошмара была слишком заманчива.

Труднее объяснить мотивы Горбачева. Договорившись — если не о ликвидации, то о весьма существенном сокращении атомного оружия, — он вдруг делает крутой поворот и отказывается от соглашения. Причина — СОИ.

Советское отношение к проекту СОИ вообще густо окрашено *мистикой*. Чистая фантастика, нечто совершенно нереальное, выбрасывание на ветер колоссальных средств. Крайне опасная программа, угрожающая самому существованию человечества. Советский Союз без труда найдет ответ на СОИ, — правда, ответ это будет асимметричным. Не исключено, впрочем, что в процессе работы над проектом американцы натолкнутся на идею какого-нибудь совершенно неслыханного оружия...

Интересно, что все эти доводы приводились не последовательно, не в разное время, а *одновременно*. Советское руководство было не слишком озабочено логикой. Веря и не веря, пугаясь и грозя, перемежая жалобные всхлипы ругательствами, оно было явно озабочено лишь одним: любыми средствами задержать развитие этого чудовища. Этого монстра, который способен — пусть теоретически, пусть в отдаленном будущем — превратить в кучу хлама атомные бомбы, ракеты, стратегические бомбардировщики. Не только фундамент военного могущества СССР, но и предмет особой гордости социалистического государства, сертификат на ее право именоваться сверхдержавой.

Этот метафизический ужас был сильнее любых доводов разума. И потому стал фактором реальной политики. Политики внешней и особенно внутренней — картой в той сложной игре сил, которая определяет положение генерального секретаря ЦК КПСС в иерархии власти.

Судя по многим признакам, Горбачев — человек трезвый. Не исключено, что в иных обстоятельствах он махнул бы рукой на СОИ, предоставив президенту США тешился будущей игрушкой, в обмен на вполне реальные выгоды в настоящем. Но привычный стереотип мышления сработал и тут. Партийное руководство не могло допустить, чтобы капитализм, хотя бы гипотетически, был в состоянии овладеть оружием, которого нет у социализма. Это именно тот случай, когда чрезмерная трезвость могла стоить Горбачеву власти. Нужно было либо добиться запрещения программы СОИ, либо вступать в состязание.

Технически проект СОИ сложен, многие его детали пока не ясны даже тем, кто проект разрабатывает. Но основная мысль ясна: создать не новый меч, но новый щит, или, если угодно, зонтик. Систему, которая лишит противника возможности нанести

атомный удар, ибо ракеты и другие средства доставки будут взорваны через несколько минут после запуска — вероятнее всего, над его же собственной территорией.

Горбачев не раз повторял, что Советский Союз найдет ответ на американскую программу, но ответ будет "асимметричным". Откуда такая нелюбовь к симметрии? Система, способная уничтожить объекты, летящие с космической скоростью, требует использования средств, которые и сейчас еще граничат с фантастикой. Чтобы создать такие средства, нужно вывести науку и технику на следующий виток спирали — в область сверхмощных лазерных установок, протонных "пушек" и т.п.

В принципе советская наука способна совершить этот скачок: талантами российская земля не оскудела. Однако современная наука жива не только талантами. Не меньшую роль играют такие факторы, как организация, оборудование, приборы, материалы. Но если об исходе состязания на лабораторном уровне еще можно спорить, то на промышленном — его исход, пожалуй, предрешен. У советского производства, запрограммированного плановым хозяйством на медленное, эволюционное развитие в заранее заданных направлениях, просто нет шансов.

Любопытная деталь. На переговорах в Рейкьявике Горбачев не возражал против исследований по программе СОИ, но решительно противился выводу работ "за пределы лабораторий". "Почему вы требуете запретить испытания СОИ на десять лет? Полагаете, за это время вы сумеете нас догнать?" — спросил Рейган. "СССР все равно догонит США", — буркнул Горбачев мрачно. — "В таком случае зачем же нам прерывать работу над проектом?" — удивился президент.

Теперь понятно, почему советское руководство делает ставку на "асимметричный ответ". Если страна пока не в состоянии создать собственный противоракетный щит, то зато она может усовершенствовать меч. Никакая система защиты не абсолютна, какое-то количество ракет (скажем, 5 процентов) она прохлопает. Решение напрашивается: увеличить число ракет в такой степени, чтобы прорвавшихся было достаточно для уничтожения противника.

Логично? Однако сразу же возникает жутковатый вопрос: а что будет с теми ракетами, которые противник уничтожит вскоре после взлета? Допустим, атомного взрыва удастся как-то избежать. Но уже одно только распыление радиоактивных веществ создаст такой фон, что атака станет формой самоубийства.

Кроме чисто военных соображений существуют и другие. Резкое увеличение производства стратегических ракет связано с огромными затратами. Придется отложить на неопределенное время перестройку экономики: джигит, как писал я однажды, не меняет коня в пути. Дальнейшее снижение жизненного уровня и рост дефицита усугубят и без того напряженную социальную обстановку в стране.

А ведь тут тоже есть пределы, переходить которые опасно. Советская пропаганда долго и с откровенным наслаждением обсасывала броский лозунг западных пацифистов: "Лучше быть красным, чем мертвым". Не случится ли так, что даже в умах долготерпеливых советских людей сложится альтернативный вариант: "Лучше быть белым, чем сначала нищим, а потом и мертвым". Может быть, именно эту опасность имел в виду Горбачев, когда в беседе с писателями сказал: "Наш враг нас разгадал. Их не пугает наша ядерная мощь. Они не начнут войну".

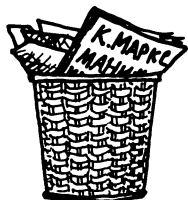
Возникает и еще один вопрос. А что, собственно, мешает советскому руководству использовать выгодную ситуацию: начать войну в тот период, когда ядерное оружие будет уже ликвидировано, а программа СОИ еще не войдет в строй? Мешает многое. Обладая превосходством в количестве оружия, Советский Союз заметно уступает Западу в качестве. Моральный дух армии, как показала война в Афганистане, невысок. Экономика расшатана. Союзники — страны Восточной Европы — ненадежны. Ненадежен и тыл — Китай. Короче, исход войны сомнителен. А советское руководство очень не любит риска, предпочитая действовать медленно, зато наверняка.

Впрочем, достаточно сомнительно, чтобы Запад вообще допустил "зазор" в своих военных программах. Дело тут не в Рональде Рейгане. Если бы в Рейкьявике он и согласился на "нулевой вариант", на уничтожение всех видов атомного оружия к 1996 году, это вызвало бы сильнейшие возражения и в Европе, и в Америке. Почему? А потому, что мир постепенно дошел до понимания основной идеи советской политики, выраженной в краткой ленинской формуле: "кто кого".

Так что если всерьез думать о мире (а без этого действительно невозможны ни перестройка, ни повышение жизненного уровня), то первый шаг к нему — не разоружение, а отказ от концепции "колеса истории". Колеса, которое крутится (или которое крутят) так, что в конце концов исключает возможность существования любой модели политического устройства, кроме советской.

Есть немало признаков того, что еще до Рейкьявика (а после него и подавно) у Горбачева возникли сомнения в применимости ленинской формулы к современным условиям. Правда, советская пропаганда по-прежнему поминает историческое колесо. Но его постепенно заслоняет другая формула: *новое мышление*.

Глава II,

**о семьдесят втором месте в мире
и о кандидате наук, посмевшем
замахнуться на классиков**

Как полагается по ранжиру, о появлении нового мышления объявил генеральный секретарь ЦК. Затем член Политбюро и министр иностранных дел Шеварднадзе призвал руководителей других стран проникнуться этим новым мышлением. Наконец, в "Правде" от 14 ноября 1986 г. появилась статья кандидата исторических наук Плимака "Марксизм-ленинизм и революционность конца XX века".

Начинает автор с цитат из классиков. Давно известно, что таким способом можно доказать все. Например, что вождь революции был добродетельным супругом, почтенным членом общества и вообще убежденным противником всяких революций.

Соответствующей техникой Плимак владеет в совершенстве. *"Деятельность вождей пролетариата — Маркса, Энгельса, Ленина — подтвердила: созданная ими наука представляет собой громадное поле, постоянно открытое для дальнейшего поиска. И это понятно: она изучает общество, объект, которому присущи неисчерпаемость, гигантская многосложность, динамизм"*.

С объектом все обстоит именно так. Однако столь же очевидно и другое. К примеру, Владимир Ильич Ленин воспринимал этот объект достаточно одномерно. В его понимании, динамизм мира выражался в одном — в движении от капитализма к социализму. Что касается многосложности, то она касалась лишь форм перехода. В идеальном случае капиталисты сами продадут веревку, на которой их повесят; в иных случаях веревку надо будет приобретать хитростью или силой. Возможность других, "неверевочных" отношений с капитализмом Ленин никогда не принимал всерьез.

Не думаю, чтобы тут нужны были цитаты. Да и дела в этих случаях важнее слов. Объявив в состоянии эйфории, вызванном неожиданной октябрьской победой, что любой народ бывшей царской России может выйти из состава империи, Ленин затем сделал все, чтобы вернуть эти народы обратно. Советская пропаганда до сих пор со слезами умиления описывает доброту Владимира Ильича, который отдал Финляндию финнам. О последующих боях в районе Кимас-озера пропаганда не вспоминает...

Установку Ленина "кто кого" разделяли все его преемники. Вместе с тем — обстоятельство немаловажное — внутренняя мотивировка этой позиции изменилась. Ленин верил в идею: мировая революция, освобождение пролетариата, всеобщее коммунистическое счастье. Уже Сталин понимал, что это утопия. Мировой пролетариат вовсе не жаждет освобождения. Хуже, однако, другое. Созданный в стране режим, вполне удобный для правящего класса, внутренне не стабилен. Чтобы сохранять равновесие, нужны специальные средства. Террор, дезинформация, наглухо заколоченное окно в Европу — все это полумеры. Чтобы утвердить социализм, придать ему внутреннюю устойчивость, надо сделать эту модель общественного устройства *единственной*. А поскольку ожидать революции в демократических странах нет оснований, остается всего один способ достижения искомого результата — война.

Разумеется, и сам Сталин, и его наследники прямо об этом не говорили. В ходу была обычная марксистская терминология: пролетариат, борьба классов, ход истории. Однако чем дальше, тем очевиднее становилось, что как раз история идет не так и не туда. Пролетариат на Западе не нищает абсолютно и не растет относительно. Революционная ситуация не складывается. Самая передовая социалистическая экономика все сильнее отстает от загнивающей капиталистической: по уровню жизни СССР находится на 72-м месте в мире.

На что можно рассчитывать в этих обстоятельствах? Только на силу. И вот сквозь прозрачную фразеологическую обертку все явственнее проглядывает кулак: "Лучше быть красным..." Аргумент, может быть, и не совсем корректный, но по-своему убедительный.

Ядерное оружие нанесло этой философии тяжкий удар. Если война кончится гибелью всего человечества, то погибнет ведь и его прогрессивная часть — та, которой по условию принадлежит будущее... Тем не менее хозяева Кремля продолжали громко твердить о грядущей революции и потихоньку готовиться к войне. Они верили: рано или поздно подходящая ситуация возникнет.

Стратегическая оборонная инициатива угрожает лишить их и этой надежды. Но еще раньше втравить в такую гонку вооружений, которая жестко зафиксирует нынешние беды советской экономики: отсталость, малоподвижность, неэффективность. Убедить американцев отказаться от этой программы не удалось. И солидная, тщательно подготовленная операция в Женеве, и лихой кавалерийский наскок в Рейкьявике доказали это с полной очевидностью.

Горбачев точно оценил ситуацию и отважился на шаг, который должен привести в ужас любого правоверного марксиста: дал понять, что возможен отказ от основополагающего принципа, от *философского обоснования агрессии*. Понятно, делалось это без особого шума. Туманное замечание о новом мышлении, несколько мимоходом брошенных фраз (почему-то больше в беседах с иностранцами), а вот теперь эта статья кандидата наук. Такие статьи (да еще под рубрикой "Вопросы теории") мало кто читает. Азбучные истины, обычная пропагандистская жвачка.

С этих истин Плимак и начинается. Маркс, Энгельс, Ленин. Поворот совершается плавно. *"Капитализм сумел привести в действие немалые резервы. Он сделал технологический рывок... За последние десятилетия обозначился существенный рост валового национального продукта на душу населения"*. Собственно, все это известно. Новизна лишь в том, что напечатано это в "Правде". Дальше, однако, нам сообщают вещи в самом деле новые. Оказывается, разрыв с капитализмом теперь *"мыслится прежде всего как мирный путь социалистической революции"*. Но и этот путь отнюдь не гарантирован, ибо *"принимая в ряде случаев демократическую альтернативу капитализму, массы в своем большинстве пока не способны принять альтернативу социалистическую"*.

Скажем проще. Капитализм при всех его недостатках (действительных и мнимых) "пока" (или теперь?) привлекает массы больше, чем скомпрометировавший себя социа-

лизм. Что касается "демократической альтернативы" (демократический способ производства?), то ее в природе не существует. Парадоксально, но демократия неизменно сопутствует капитализму, тогда как реальный социализм почему-то всегда выступает в обрамлении диктатуры. Ирония судьбы.

Однако следуем дальше. *"Идеи основоположников марксизма блестяще подтвердились в ходе революционной борьбы колониальных и полуколониальных стран. Восток в общем и целом показал перспективность исторического пути, который открыла социалистическая Россия: создание передовых форм государственной власти для подтягивания с ее помощью отсталой страны до высот мирового производства и мировой культуры"*.

Легко заметить, что о применимости идей основоположников к свободным странам Запада уже не говорится. Но и с Востоком далеко не все ясно. Не станем спорить, насколько успешно решила задачу "подтягивания" "передовая власть" России. Спросим, какие еще отсталые страны социализм поднял "до высот". Может быть, Китай? Но тогда почему эта страна возвращается к использованию "элементов капитализма"? Вьетнам? Но экономику этой страны социализм довел до такого состояния, что пришлось срочно снимать руководство. Или Куба (если считать ее Востоком) с разваливающимся хозяйством и карточной системой да Кампучия с ее полной нищетой и таким пламенем социалистической культуры, что за несколько лет в нем сгорели миллионы? Голодающая Эфиопия... Воистину блестящее подтверждение идей основоположников!

Все это, однако, частности. Подозреваю, что автору статьи эти рассуждения нужны были как трамплин для прыжка в неизведанное. Ныне, замечает он, на передний план выступает борьба за мир, за реальные гарантии права людей на жизнь. Ибо *"если они не будут обеспечены – нечего будет ни преобразовывать, ни улучшать, ни исправлять"*.

Не сразу, далеко не сразу на Западе узнали, какой смысл советское руководство вкладывает в термин *разрядка*. Но теперь они это знают. И Плимак знает, что они знают. Западу и адресована следующая, несколько неожиданная сентенция: *"Разрядка открывает не 'улицу с односторонним движением' (к советской модели – заметим мы от себя). Это путь к такому переустройству мира, в рамках которого каждый народ строил бы свою жизнь так, как он считает нужным, – не опасаясь вмешательства извне.."*

Положим, подобные заявления мы слышали давно. Но уже следующий абзац заставляет задуматься. *"Объединенное человечество мыслилось Марксом как созданное на коммунистической основе. Появление глобальных проблем выдвигает задачу создания целостного, взаимозависимого, живущего мирной жизнью человечества еще в условиях социально разнородного мира"*.

Мысль выражена так, что не сразу замечаешь это хитрое слово еще. Ясно, что *разнородное* состояние мира – явление временное, преходящее, рано или поздно мир объединится на коммунистической основе. Что ж, Плимак, как и всякий из нас, вправе нарисовать в воображении любую модель будущего. Главное, чтобы эту модель нам не навязывали.

Если верить автору, об этом теперь нет и речи. *"В ядерную эру... насилие может легко превратиться из 'повивальной бабки' истории в ее 'могильщика'". Социальные роды могут оказаться социальной смертью.*" Не нужно быть знатоком марксизма, чтобы понять – происходит ревизия классиков. И Маркса: насилие как повивальная бабка истории – это его лексикон; и Ленина – с его неизменным "кто кого".

"В 70-е годы, – продолжает Плимак, – коллективная марксистская мысль сделала важнейшее предупреждение: проблема выбора правильных форм борьбы перерастает ныне в проблему самого существования человечества". Правильно, сделала. Только мысль была не коллективная: "предупреждение" исходило от еврокоммунистов, советское же руководство заклеило его как измену марксизму.

Наконец, заключительный аккорд. Оговорившись, что сохранение в ряде стран диктаторских режимов и возросший экспорт контрреволюции не позволяют вообще снять с повестки дня вооруженные формы борьбы, Плимак предупреждает: *"определенная исключительность" некоторых стран из общих условий ядерной эры, как и возможность эры "доядерной", является относительной; к тому же любой локальный конфликт имеет тенденцию перерасти в конфликт региональный, даже мировой. Ядерная эра требует от революционных сил предельной взвешенности при принятии решений о вооруженной борьбе, принципиального отказа от различных проявлений левацкого экстремизма. С другой стороны, эта эра отнюдь не сняла необходимости давать решительный отпор реакции и контрреволюции там, где они пытаются силой ликвидировать демократические и социалистические завоевания народа, повернуть вспять исторический процесс"*.

Я потому позволил себе привести эту длинную цитату, что в ней выражена, по-моему, суть новой политики Горбачева. Речь идет о попытке переосмыслить и осуществить на практике знаменитую сталинскую идею построения социализма в одной отдельно взятой стране.

Разумеется, с кое-какими поправками на время. Первая относится к географии. Строительство предполагается вести уже не в одной стране, а в группе стран социалистического лагеря, ибо известно, что с возу упало, то пропало. Вторая поправка касается внешней политики: теперь мы действительно готовы оставить мир в покое — если он оставит в покое нас. Почему готовы? И потому, что ныне трогать его смертельно опасно, еще одна попытка повернуть колесо истории может оказаться последней. И потому, что, кажется, генеральный секретарь верит: осуществив перестройку, очистив социализм от бесчисленных наслоений переходного (от Ленина к Горбачеву) периода, он сумеет создать систему, вполне пригодную для жизни. А значит, стабильную, жизнеустойчивую, способную сосуществовать с Западом.

Понятно, четких формулировок Горбачев избегает. Но ссылки на отдельные элементы этой программы можно найти почти в каждом его выступлении. "Еще в начале века, — сообщил он участникам так называемого Иссык-Кульского форума, — В.И. Ленин высказал мысль колоссальной глубины — о приоритете общечеловеческих ценностей над задачами того или иного класса. Сегодня значимость этой мысли ощущается особенно остро. И очень хотелось бы, чтобы и в другой части мира тоже поняли и приняли тезис о приоритете общечеловеческих ценностей над всеми другими, к которым привержены те или иные люди."

В самом деле, что мешает людям в другой части мира принять этот замечательный ленинский тезис? Увы, мешает позиция самого Ленина. Ни в более поздних работах, ни в своей практической деятельности к этому случайно брошенному замечанию вождь никогда более не возвращался. Напротив, он подчеркивал, что интересы пролетариата (как он их понимал) — это и есть интересы человечества, даже если само человечество этого еще не осознало. Что такое слово (а главное — действие!) в сочетании с эпитетом "пролетарский" обретает особый, надчеловеческий смысл. Вспомним хотя бы *"пролетарский гуманизм"*.

Нет, ни Ленину, ни его наследникам не нужен был тезис о приоритете общечеловеческих ценностей. Он понадобился М.С. Горбачеву, чтобы обосновать новое мышление — то есть попросту отказ от философии агрессии как основного принципа советской внешней политики. А вот другая горбачевская формулировка, которая создает предпосылки для ревизии советской внутренней политики. "Человек — это, в конечном счете, самое главное. Если прогресс в той или иной области сопровождался человеческими потерями — не только духовными и политическими, но и физическими, то система, допускающая такие потери, должна быть поставлена под сомнение."

Тут, похоже, Горбачев поторопился. Может быть, в том обществе будущего, которое существует пока лишь в его воображении, социализм сумеет обходиться без челове-

ческих потерь. Однако реальный социализм, чья история у нас перед глазами, этим никак похвастаться не может. Слишком свежи в памяти миллионы жертв сталинской эпохи, слишком впечатляющи немногие, но яркие примеры эпохи самого Горбачева.

Интересно, что эта несообразность была почти сразу же замечена. Если в первом, кратком сообщении о беседе генерального секретаря с участниками форума (см., например, "Правду" от 21 октября 1986 г.) вышеприведенный пассаж присутствует, то в полном тексте беседы, напечатанном в "Литературной газете" и в журнале "Коммунист", его уже нет. Печальная деталь...

И тем не менее мы, несомненно, имеем дело с новой *установкой*. Вопрос лишь в том, каково ее *назначение*. Иначе говоря, намерен ли Горбачев изменить агрессивную природу строя как такового или все сведется к новой тактике: более разумной, гибкой, современной, обусловленной пониманием конкретных военных и экономических реалий эпохи.

Глава III,

где автор пытается доказать, что мир — не Верховный Совет, а договориться о запрете ядерного оружия труднее, чем об обмене театральными коллективами

Собственно, с каким-то уровнем понимания этих реалий мы встречались и раньше. "Мирное сосуществование", "разрядка", "детант", "политика невмешательства" прочно вошли в советский лексикон задолго до Горбачева. По-моему, сейчас уже всем ясно, что это были уловки, тактические приемы.

Возьмем хотя бы политику невмешательства. Всякая попытка Запада увидеть, что происходит за фасадом *разрядки* или сказать вслух, что негоже, к примеру, преследовать тех, кто наблюдает за выполнением Хельсинкских соглашений, вызывали праведное негодование. Шпионаж, идеологическая диверсия, вмешательство в наши внутренние дела... Вместе с тем само собой разумелось, что Советский Союз вправе ввести свои войска в Афганистан, вправе снабжать оружием террористов, переводить деньги бастующим шахтерам Британии, распространять явную и достаточно смехотворную клевету (СПИД — изобретение американской разведки), провоцировать беспорядки в любой части света. Логика этой двойной бухгалтерии проста: таков ход истории, и нелепо ожидать, что мы откажемся от своей роли зодчих прогресса.

Горбачев, может быть, первый советский руководитель, который начал понимать: внешний мир — не Верховный Совет, где любое предложение будет принято единогласно. Если вы действительно хотите договориться, вы должны считаться с тем, что у другой стороны есть *свои* интересы, отличные от ваших, *свое* понимание событий, *свой* взгляд на вещи. Есть даже право не доверять вам — тем более, что положила руку на сердце, вы должны признать, что история дает для этого основания...

В Рейкьявике руководители двух сверхдержав разошлись во взглядах. Ничего удивительного. Было бы удивительно, если бы они сошлись. Тем более, что обсуждался вопрос не об обмене театральными коллективами, а об отказе от ядерного оружия, с какой-то каждой из сторон связывает стратегическую концепцию обороны. Более того, от американцев требовали прекращения работ над проектом СОИ. Проектом, который обещает обеспечить безопасность страны и навсегда избавить мир от гнусной дилеммы "красный или мертвый".

И еще. Программа СОИ обладает свойствами лакмусовой бумажки. Неспособность Советского Союза создать эффективную систему противоракетной обороны демонстрирует (и уже не только собственному народу, но и всему миру) отсталость советской

науки и техники, неспособность конкурировать с Западом даже в заповедной области советской экономики — военной.

От всех этих очевидных преимуществ Рейгану надлежало отказаться. Во имя чего? Очевидно, во имя тех самых "общечеловеческих ценностей", о которых Ленин говорил в начале века. Тот факт, что десятки лет советские руководители только и делали, что навязывали миру собственную шкалу ценностей, никакого значения не имел. Рейган просто обязан был поверить заверениям нового советского руководства, умилиться его согласием уничтожить атомное оружие, войти в его нелегкое положение...

Да, путь к миру проходит через доверие. Однако история учит, что через доверие идет и дорога к войне. Дело, очевидно, в пропорциях доверия и осторожности, в чувстве меры. Государственный деятель — не Красная Шапочка, ему надлежит понимать, что волку изменить голос проще, чем собственную природу.

Легко понять, почему Горбачев, со своей стороны, не слишком верит в мирную направленность СОВИ и в готовность Соединенных Штатов поделиться с Советским Союзом достижениями в этой области. Но в таком случае он должен понимать и позицию оппонента.

Можно спорить о том, сколь значительны перемены во внутренней жизни СССР. В любом случае ясно, что природу системы они пока не затронули. И я говорю сейчас не о тех "завоеваниях социализма", о которых трубят советская пропаганда, — не о социалистической собственности на орудия и средства производства, не о планировании и бесплатном медицинском обслуживании. Речь идет о завоеваниях другого рода, не столь популярных, но не менее впечатляющих. О неограниченной власти партийной верхушки, позволяющей ей ни у кого не спрашивая начать войну. О ее праве принимать любые законы и нарушать их. По своему усмотрению карать и миловать. Окружать и настоящее, и прошлое завесой тайны. Дозировать гласность. Умиляться крохам правды и откровенно лгать — при всем честном народе.

Но если, повторяю, о внутренней политике можно спорить, то о внешней и спорить нечего. Судорожные дерганья в Афганистане. Поддержка самых агрессивных и террористических сил на Ближнем Востоке. Поставки оружия диктаторскому режиму Никарагуа. Почти неприкрытое вмешательство во внутренние дела Польши. Советские гарнизоны в странах Восточной Европы. Маниакальное, на грани психоза, нежелание вернуть Японии захваченные у нее островки.

Однако разве нельзя допустить, что в Рейкьявике Горбачев честно стремился к миру, искренне верил, что разоружение откроет путь к доверию между народами, поможет ему расчистить завалы и в самом Советском Союзе, и в отношениях с другими странами? Разумеется, можно. Серьезный наблюдатель вообще не вправе исключать а priori любую возможность.

Но если так, не значит ли это, что в исландской столице Запад упустил уникальный шанс? Как сказал М.С.Горбачев: "Находясь в одном или буквально двух-трех шагах от принятия решений, которые могли стать историческими для всей ядерно-космической эпохи, мы этого шага или этих шагов не смогли сделать. Поворота в мировой истории не произошло. Хотя он — еще раз об этом говорю убежденно — был возможен".

После Рейкьявика Горбачев не однажды выступал с заявлениями о советской позиции в переговорах. Отдадим ему справедливость, он не стучал башмаком по столу, не жевал жвачку и, в общем, неплохо обосновал *свою* точку зрения. Напрасно, однако, мы будем искать в его пространственных рассуждениях попытку понять позицию *другой стороны*, взглянуть на проблему глазами Соединенных Штатов. Да и зачем? Мы к этому не привыкли. Гораздо проще оперировать стереотипами советской пропаганды. Агрессивные круги... Военно-промышленный комплекс... Переговоры с позиции силы...

Но, может быть, перед нами тот редкий случай, когда позиция одной из сторон настолько бесспорна, что любое другое мнение не выдерживает критики? Однако акаде-

мик Андрей Дмитриевич Сахаров, выступая в середине февраля на международном форуме "За безъядерный мир, за выживание человечества", высказал взгляды, отличающиеся и от советских, и от американских.

Начнем с последних. *"Я убежден, — сказал Сахаров, — что система СОИ неэффективна для той цели, для которой она, по утверждению ее сторонников, предназначена. Объекты ПРО, размещенные в космосе, могут быть выведены из строя еще на неядерной стадии войны и, особенно в момент перехода к ядерной стадии, с помощью противоспутникового оружия, космических мин и других средств. Также будут разрушены многие ключевые объекты ПРО наземного базирования. Использование ракет с облегченной головной частью и твердотопливных баллистических ракет, имеющих уменьшенное время прохождения активного участка, потребует непомерного увеличения числа космических станций СОИ. Системы ПРО обладают особенно малой эффективностью в отношении крылатых ракет и ракет, запускаемых с близкого расстояния. Результативным способом преодоления любой системы ПРО, в том числе и СОИ, является простое увеличение числа ложных и боевых головок, использование помех и различных способов маскировки. Все это и многое другое заставляет считать СОИ своего рода "космической линией Мажино" — дорогой и неэффективной."*

Однако Сахаров никак не одобряет и принятый советской стороной принцип "пакета", согласно которому соглашение по СОИ является необходимым условием заключения других соглашений по разоружению. *"Я считаю, — сказал он далее, — что принцип "пакета" может и должен быть пересмотрен. Соглашения о разоружении, в частности о значительном сокращении баллистических ракет и о ракетах средней дальности и поля боя, должны быть заключены как можно скорей, независимо от СОИ, в соответствии с линиями договоренности, наметившимся в Рейкьявике."*

Мораль из всего этого та, что ни у кого, даже у генерального секретаря ЦК КПСС, нет патента на истину. Да и существует ли одна единственная истина, когда речь идет о безопасности разных народов? Советская истина не только субъективно, но и объективно может не совпадать с американской или французской. Не знаю, повлияли ли на позицию генерального секретаря доводы А.Д.Сахарова или это простое совпадение. Факт, однако, что предложение Горбачева убрать из Европы советские и американские ракеты средней дальности означает отказ от принципа "пакета". Принципа, который совсем недавно считался единственно возможным, разумным и справедливым.

И тут мы подходим к проблеме, которая представляется мне самой важной. В сравнении с ней даже атомное разоружение кажется частностью. Я имею в виду отношение к истине, к праву разных людей и стран воспринимать мир иначе, чем воспринимаем его мы. От признания этого фундаментального положения зависит, по-моему, все: и судьбы людей, и успех перестройки в Советском Союзе, и надежды человечества на выживание.

Возьмем последнее советское предложение о ракетах средней дальности. При одном подходе в нем можно видеть свидетельство мирных намерений СССР, доказательство доброй воли и т.д. и т.п. Однако возможен и другой подход. Можно, например, спросить: как вообще возникла такая ситуация? Ответ, увы, известен. В середине семидесятых годов Советский Союз оснастил свою армию ракетами средней дальности. Формально это не противоречило соглашениям об ограничении стратегического оружия, ибо ракеты, установленные в европейской части СССР, не могли достичь территории Соединенных Штатов. Но радиус их действия был достаточно велик, чтобы уничтожить столицы всех европейских государств — союзников США.

После долгих попыток усовестить советских руководителей американцы предложили установить в Европе свои ракеты той же дальности. Идея вызвала возражения. Во-первых, европейцы боялись, что это приведет к усилению военной напряженности. Во-вторых, наивно надеялись, что Советский Союз сам поймет неестественность ситуации.

Ничуть не бывало. Американцам пришлось разрабатывать новые ракеты, выжидать, уговаривать сомневающихся, преодолевать сопротивление парламентов, правительств, пацифистов... А ныне советское руководство делает широкий жест: да ради Бога, давайте уничтожим эти ракеты, кому они нужны...

Но теперь сами европейцы не в восторге от этого миролюбивого жеста. Во-первых, без этих ракет превосходство Советского Союза в Европе станет еще более ощутимым. По количеству солдат, числу танков и орудий, запасам атомных тактических ракет СССР превосходит все европейские армии, вместе взятые. Во-вторых, каждая из сторон, по договору, вправе сохранить сто ракет: Советский Союз — за Уралом, США — на своей территории. Понятно, что перевезти их обратно через Урал технически много проще, чем через Атлантический океан. И наконец, легко представить себе, какое сопротивление и в США, и в Европе вызвала бы попытка нарушить соглашение и вернуть ракеты обратно. А если бы такое решение приняло советское руководство? Мы бы о нем и не узнали. Наша печать, выражающая, как известно, волю народа, с возмущением отвергла бы очередные измышления империалистов, гнусные попытки оклеветать Советский Союз. Тем, кто забыл, как это делается, стоит перелистать советские газеты времени карибского кризиса, когда на последней странице еще ожесточенно отрицалось наличие советских ракет на Кубе, а на первой, переверстанной в последнюю минуту, сообщали, что Советский Союз согласился ракеты вывезти.

Оказывается, и в вопросе сокращения вооружений могут существовать разные мнения. И еще оказывается, что наши вроде бы сугубо внутренние дела имеют самое непосредственное отношение к проблемам войны и мира. Неплохо сказал об этом Сахаров. *"Необходимо разрешение региональных конфликтов на основе компромисса; восстановление стабильности всюду в мире, где она нарушена; прекращение поддержки дестабилизирующих и экстремистских сил, всех террористических группировок; не должно быть попыток расширения зоны влияния одной стороны за счет другой; необходима совместная работа всех стран для решения экономических, социальных и экологических проблем. Необходимо большая открытость и демократизация нашего общества — свобода распространения и получения информации, безусловное и полное освобождение узников совести, реальная свобода выбора страны проживания и поездок; свобода выбора проживания внутри страны; реальный контроль граждан над формированием внутренней и внешней политики... Без решения политических и гуманитарных проблем прогресс в области разоружения и международной безопасности будет крайне затруднен или вовсе невозможен."*

Создается впечатление, что советское руководство постепенно приближается к пониманию этих очевидных истин. Об этом свидетельствуют многие факты: освобождение политических заключенных (само существование которых Горбачев еще недавно отрицал), предложение "усовершенствовать" систему выборов, отказавшись от идеальной схемы с одним кандидатом, статья А.Васинского "Баллада о разных мнениях" (*Известия*, 23 октября 1986 г.)...

Два слова об этой статье. Ее главная тема — *предрассудок одномыслия*. Анализируя последствия этого феномена, автор констатирует: "Так закладывается, да еще с помощью методик, однотипность мышления, непрестижность строптивого, непохожего, самобытного, неписывающегося мнения. Так закладывается самое вредное — взаимозаменяемость умов". И дальше: "К разнообразию следует относиться нормально, как к естественному состоянию мира... Именно не "стиснув зубы", а нормально, как к непреложному свойству общественной жизни".

Тут все замечательно. И особенно замечательно, что нашу общую с Васинским точку зрения разделял, оказывается, и Владимир Ильич. "Нельзя, — учил он, — писать про товарищей... таким языком... который сеет ненависть, отвращение, презрение и т.п. к несогласномыслящим". Ай да Ильич.

Короче, "Балладу" следовало бы рассматривать не просто как статью, а как новое общественное явление. Если бы не одно обстоятельство. Васинский (о Владимире Ильиче я не говорю) считает, похоже, что нормальные методы полемики обязательны только в отношениях с *товарищами*, а в полемике с "идеологическими противниками" ярлыки и оскорбления естественны и необходимы. Что того же Рональда Рейгана можно именовать поджигателем войны, можно публично призывать к уничтожению капитализма, можно объяснять вторжение советских войск в Афганистан чьими-то происками. И при всем этом — договариваться с Западом о мире и разоружении.

Но главное наше расхождение не в этом. Свою "Балладу о разных мнениях" Васинский сопроводил подзаголовком "Полемические заметки о культуре полемики". Я же думаю, что говорить следует о чем-то большем: о культуре *жизни*. В конце концов навешивание ярлыков можно списать на издержки темперамента. А на что списать уничтожение миллионов "несогласномыслящих", процессы над диссидентами, психбольницы? И зачем советские войска вторглись в Венгрию, Чехословакию, Афганистан? Да затем, конечно же, чтобы заставить народы этих стран жить *правильно*. Однако вопрос ставится куда шире. Если нельзя покончить с несогласномыслящими в одной отдельно взятой стране, значит надо сделать так, чтобы в мире не осталось мест, где могут существовать мысли, отличные от наших.

И это, в общем, не так уж трудно. Достаточно поставить человека перед альтернативой: *got oder tot*, красный или мертвый.

На январском пленуме ЦК КПСС Горбачев подчеркнул, что внешняя политика СССР прямо связана с внутренней политикой. Эта связь бесспорна. У свободной и процветающей страны нет причин стремиться к войне. Нечего ей и бояться чужого оружия. Думаю, ни один здравомыслящий человек не поверит, что американцы просто так, из чистой неприязни к социализму, начнут атомную войну. (Напомню: "Они не начнут войну", — сказал Горбачев на июньской встрече с писателями.)

Ну, а если Соединенные Штаты будут и дальше развивать программу СОИ? Тем хуже для них. Государство будет выбрасывать миллиарды на ветер. Только ведь это фантастика. В условиях свободной страны никто не разрешит президенту тратить деньги на дорогие игрушки. Того же мнения придерживается, например, Сахаров. "*Я считаю, — сказал он, — что с большой долей вероятности США просто не решатся на развертывание СОИ в условиях сокращения вооружений, учитывая крайне отрицательные последствия этого шага в политическом, экономическом и военно-стратегическом смысле... Как полагают видные политические деятели США, Конгресс этого не допустит*".

Да, позволить себе такую роскошь может не каждый. Могут Каддафи, Асад, саудовские принцы. И еще, к сожалению, мы. Вот эта особенность нашей системы, позволяющая одному или нескольким вождям тратить любые средства на вооружение, а то и начать войну по собственному усмотрению, — и есть то самое качество, которое заставляет мир бояться нас, которое оправдывает в его глазах программу СОИ. Снова — ирония судьбы. ●

ОСВОБОЖДЕНИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Процесс освобождения политических заключенных продолжается. Хотелось бы сказать — "набирает силу", но это было бы преувеличением. Освобождение идет медленно, как бы через силу, но все же идет, и нет никаких признаков того, что процесс этот намереваются прекратить.

По-прежнему один за одним освобождают тех, кого в свое время осудили за "антисоветскую агитацию". Можно с уверенностью сказать, что сейчас их освобождено больше, чем осталось в лагерях. Немногим больше, но все же освобожденные преобладают. Среди новых, ставших нам известными имен — члены Московской Хельсинкской группы Виктор Некипелов, Иван Ковалев и Татьяна Осипова, основатель Христианского комитета защиты прав верующих отец Глеб Якунин, социалисты Михаил Ривкин и Вячеслав Демин, пятидесятник Павел Ахтеров, член Украинской Хельсинкской группы Мирослав Миринович и многие другие. Есть среди освобожденных и такие, имена которых нам только что стали известны. Это значит, что освобождены они не в результате кампании в их защиту на Западе.

Наблюдая за происходящим, убеждаешься, что происходит "позапный вывод ограниченного контингента" советских политзаключенных из лагерей. Вторым этапом, очевидно, стала статья 190¹ УК РСФСР — "распространение клеветнических измышлений". Первых эзков, осужденных по этой статье, стали освобождать еще в феврале, но сейчас количество освобожденных значительно увеличилось. Следует особо выделить из их числа Сергея Ходоровича, бывшего распорядителя Фонда помощи политзаключенным (в лагере он получил еще и второй срок — "за злостное неповиновение" начальству), и еврейских активистов-отказников (сейчас из их числа в лагерях осталось только двое — Алексей Мага-

рик и Юлиан Эдельштейн, но и их освобождение по всем признакам не за горами; впрочем, эти политзеки были осуждены по сфабрикованным уголовным обвинениям, а не по ст. 190¹).

Долгое время вызывало тревогу, что среди освобожденных нет "религиозников" — тех, кто попал в лагерь исключительно за несанкционированную сверху религиозную деятельность. Теперь лед тронулся и здесь. Вышли на свободу печатники подпольного баптистского издательства "Христианин" из г. Иссык Алма-Атинской обл. Иван Плетт, братья Андрей и Егор Вольфы. Освобождены тяжело больная Ульяна Германюк и еще несколько человек. Подошел срок идти в лагерь Серафиме Юдинцевой, для которой исполнение давно вынесенного приговора было отложено. Срок подошел — но ее не посадили.

Вышли на свободу все без исключения арестованные пятидесятники знаменитой общины из г. Чугуевки Приморского края, которые коллективно добиваются эмиграции (см. "Страна и мир", № 1-2, 1985 г.). Одна чугуевская семья уже получила разрешение на выезд в ФРГ.

Добрые вести стали поступать и из психбольниц, где на "вечной койке" годами содержались политзаключенные. Вышли на свободу член Литовской Хельсинкской группы Альгирдас Статкявичюс и многолетний узник украинец Анатолий Лупинос. Освобожден и баптист Владимир Хайло. Некоторые заключенные еще не освобождены из спецпсихбольниц, но переведены в обычные психбольницы — как правило, это переходный этап к полному освобождению. Так поступили с Низаметдином Ахметовым и Александром Ригой.

Наконец, первое, хотя еще и неясное движение намечилось в лагере особого режима в Пермской области. Этого лагеря — самого страшного из всех политических лагерей — пока еще процесс освобождения не коснулся. Но одного из заключенных — писателя Леонида Бородина —

недавно вывели из лагеря в Лефортовскую тюрьму КГБ в Москве. До сих пор такой перевод (по месту ареста) обычно предшествовал освобождению. Кто знает, может быть, и в этом случае...

Что хорошо, то хорошо.

Есть все основания думать, что освобождение политзаключенных — это всерьез и надолго. В этой надежде укрепляет и то, что после 6 января (когда во Львовской области был арестован баптист Василий Березовский) нам не известно ни одного политического ареста. Арестовали было 2 апреля литовскую католическую активистку Нилью Садуните, около 5 лет находившуюся на нелегальном положении, но отпустили... через два часа, сделав строгое внушение. Решения о разгрузке лагерей были приняты где-то между 6 и 20 января — именно в этот день были вывезены из лагерей в тюрьмы по месту жительства первые политзаключенные.

Там — по месту жительства — шла обработка политэков. Условием освобождения было написание заявления — какого угодно. Сначала речь шла о выражении раскаяния и обращении с просьбой о помиловании. Так, забегая вперед, представил иностранным корреспондентам процесс освобождения политзаключенных представитель МИДа Г. Герасимов. Однако на такое пошли немногие. Тогда стали удовлетворяться любой бумажкой: заявлением о намерении выехать из СССР; согласием — "не возражаю, чтобы меня освободили" (?) ; откровенно издевательскими текстами вроде того, что написал Валерий Сендеров: "готов подчиниться любому решению Государственной Думы, даже если оно будет принято по предложению фракции большевиков" (!).

Тех, кто отказывается написать *хоть что-нибудь*, — не освобождают, отправляют обратно в лагерь или продолжают держать в ссылке (со ссылными ведут переговоры на месте). Так вернули дьякона Владимира Русака и Валентина Новосельцева; так надолго застряли в ссылке супружеские пары Миколы и Раисы Руденко и Зои Крахмальниковой и Феликса Светова.

В чем дело? Зачем это нужно? Все это кажется иррациональным, необъяснимым.

Между тем, смысл есть. Если пресса продолжает, говоря о "перестройке", повторять, что ее надо сделать "необратимой", то освобождение политзаключенных хотя и проводится так, чтобы оно ни в коем случае не стало необратимым. Освобождение не должно быть признанием ошибочности (а тем более беззаконности) ареста. Освобожденные перестают быть *заключенными*, но остаются *преступниками*, обратившимися с просьбой об освобождении. При перемене поли-

тической погоды всегда можно вернуться к исходному состоянию.

Один из освобожденных, Янис Рожкалнс, посетил заместителя прокурора Латвии Интса Батаракса и спросил его о возможности реабилитации. "Об этом нечего и мечтать, — резко ответил Батаракс. — Вы по-прежнему остаетесь преступником, а на свободе вы потому, что *держат вас за решеткой нам сейчас невыгодно*. Возьмемся за старое — вновь там окажетесь."

Ряд признаков указывает, что это не единичное мнение прокурора Батаракса. Похоже, что и в вопросе об отношении к политзаключенным, как и во всех других вопросах "перестройки", у нынешнего руководства нет единого мнения. Не стоит опускаться до уровня "кремленологов" и заниматься вычислениями, кто тут "за", а кто "против". Создается впечатление, что непосредственное окружение М. Горбачева скорее "за", но это всего лишь впечатление, основанное более всего на том, что в противном случае процесс освобождения не начался бы вообще.

Сделать этот процесс необратимым можно только одним путем, — реформировав уголовное законодательство и судебно-следственную систему. Работа в этом направлении ведется. В прессе, в выступлениях видных советских официальных лиц все чаще и чаще встречаются предложения о таких реформах. Директор Института государства и права В. Кудрявцев даже назвал конкретные сроки: по его словам, Уголовный кодекс будет пересмотрен в течение года или 18 месяцев. Число преступлений, предусмотренных кодексом, будет уменьшено, а наказания смягчены. Будут пересмотрены статьи 70 и 190¹ и их аналоги в кодексах союзных республик ("антисоветская агитация и пропаганда" и "распространение клеветнических измышлений"). "В этой области были ошибки, — сказал В. Кудрявцев, — и сейчас они исправляются. Возьмем, например, критику государства. Конечно, никто не должен попадать за это в тюрьму."

Пока еще рано говорить, будет ли это проведено в жизнь и в каких масштабах. Но большие надежды порождает то, что сейчас впервые такие реформы стали действительно *возможными*. ●

ПРАВО НА ВЫЕЗД, ПРАВО НА ДЕМОНСТРАЦИЮ

В предыдущем номере журнала мы писали о том, как в феврале на Старом Арбате в Москве разгонялись демонстрации в защиту политзаключенного (тогда), еврейского активиста Иосифа Бегуна. Сцены разгона, благодаря усилиям находившихся рядом опе-

раторов западных телеэкранов, стали достоянием зрителей всего мира.

Может быть, еще год назад вид тупых и озлобленных лиц дюжих молодых людей, сбивающих с ног женщин с плакатами, выкрикивающих проклятия и оскорбления, не вызвал бы особой реакции в мире: чего же еще ожидать от "них", у "них" так принято. Но сейчас, когда "гласность" стала кодовым словом почти в каждой статье западной прессы о Советском Союзе, сцены разгона мирной демонстрации вызвали нечто вроде шока.

Представитель МИД Г. Герасимов отмежевываясь от разгонявших, принес извинения сбитым с ног и избитым корреспондентам. В печати намекали, что виной всему знаменитые "люберы", которые противозаконно чинят суд и расправу, а власти-де ни при чем. Объяснение, конечно, было шито белыми нитками: не люберы ведь пригнали на Арбат машины-снегоочистители, которые на большой скорости гонялись за демонстрантами... Важно, однако, что появилась хотя бы потребность оправдаться, а не грубо утверждать свое право.

После арбатских событий отношение властей к праву на демонстрацию стало меняться. Не сразу. Еще в конце февраля — начале марта задерживали, сажали в психбольницы и избивали семью Евсюковых, борющихся за освобождение из лагеря сына и разрешение на выезд для всей семьи. Но уже в конце месяца их, хотя и задержали, но сказали, что их демонстрация "не является незаконной", а всего лишь "плохо выглядит". Федор Финкель в марте неоднократно выходил на демонстрацию, требуя осуществления права выезда на лечение для своей жены, — и не был ни задержан, ни избит. Беспрепятственно выходил на демонстрацию отказник Леонид Юзефович. Тридцать отказников демонстрировали 27 марта почти час на Садовом кольце в Москве — тоже без всяких помех. Незадолго до этого семеро ленинградских отказников стояли с плакатами у Смольного в течение нескольких часов. Об этом даже сообщило ТАСС, которое назвало ленинградскую демонстрацию "законным способом выражения своих взглядов".

Что хорошо, то хорошо. Будем надеяться, что это долговременная тенденция и через месяц не будет спущено совсем иной команды (пока все говорит за то, что — не будет). Но нас все же волнуют два важных вопроса.

Первое. Почему вообще для того, чтобы осуществить свое право "покидать любую страну, включая собственную", — право, записанное в Пакте о гражданских и политических правах, имеющем на территории

СССР силу закона, — почему для этого вообще надо выходить на демонстрацию и думать при этом: будут тебя сегодня бить или уже не будут?

Второе. Что же происходит с нами самими, если обнаруживается, что мы, граждане, порой идем "вперед" властей и вдохновенно принимаем участие в избиваниях и оскорблениях беззащитных людей, требующих только одного: отпустить их?

Мы публикуем сегодня пришедшее из Самиздата письмо прохожей — русской женщины, ставшей свидетельницей разгона демонстрации на Арбате. Имя автора нам, к сожалению, неизвестно. Судя по всему, это письмо направлено в какую-то из советских инстанций, "профессионально озабоченную проблемами идеологического воспитания". Автор письма откровенно обсуждает оба поставленных выше вопроса.

Дорогие товарищи!

10 февраля с.г., проходя по Арбату, я стала свидетельницей зрелища, которое меня взволновало до глубины души: у дома № 31 стояла небольшая группа людей и среди них молодая женщина с плакатом на груди, на котором было написано: "Отпустите нас в Израиль!" Вокруг этих людей кольцом стояли мужчины и женщины, осыпавшие первых насмешками, оскорблениями и угрозами. Мне 70 лет, но никогда за всю жизнь я не встречалась с таким антисемитским разгулом. Кричала: "Хотите уехать — убирайтесь!", "Они не хотят работать, едят наш хлеб", "Жаль, что не всех вас Гитлер передушил!" Какая-то хорошо одетая и на вид интеллигентная женщина лет 35 кричала: "Их надо расстрелять", с другой стороны мужчины вторил ей: "Я бы их всех утопил!" Поодаль стояла группа молодых людей (дружинники?), некоторые из них периодически вклинивались в толпу, из которой неслись ругательства и проклятия, и своими выкриками поддерживали кричавших. Один из них сорвал плакат с женщины, сильно толкнув ее при этом. Милиционер, стоявший на другой стороне улицы, подошел и негромко произнес: "Прошу разойтись". К нему обратился какой-то человек и спросил: "Почему должны уйти люди, многие годы безуспешно добывающиеся разрешения на выезд в Израиль и решившиеся наконец устроить демонстрацию?" Ответ милиционера я не слышала, он отошел, и вскоре появились снегоочистительные машины, которые на большой скорости наезжали на людей, так что тем приходилось отскакивать. Снег они чистили только на том участке, где стояли еврей-отказники. Появилось несколько легковых машин, пролетевших вплотную от толпы. Две женщины вышли из ворот со снежными лопатами и стали копошиться под ногами у собравшихся.

Все это создало у меня впечатление подготовленности актов против евреев. Кто-то был заинтересован в срыве мирной демонстрации, право на которую зафиксировано в ст.50 нашей Конституции, причем этот срыв осуществлялся самыми хулиганскими методами и сопровождался оскорблениями в адрес еврейской нации.

Где же обучались и воспитывались "дружинники" и те из толпы, кто выкрикивал эти оскорбления, что они, не знают ст. 36 Конституции, где сказано: "Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав, установление прямых или косвенных преимуществ граждан по расовым и национальным признакам, равно как и всякая проповедь расовой или национальной исключительности, вражды или пренебрежения — наказываются по закону"? Кто внушил этим людям мысль, что все, любую сложную проблему можно решить силой и только силой? Что самым правильным аргументом является — толкнуть, вырвать плакат, заставить отступить перед наезжающей машиной? Кто сделал их сердца нечувствительными к чужой беде настолько, что у них не возникнет и мысли проанализировать — почему эти люди хотят уехать, почему жизнь для них здесь стала невозможна?

Мне могут возразить, что не ко всем евреям относились враждебные выкрики, а только к стремившимся уехать. Но, во-первых, я слышала ругательства в адрес евреев вообще; во-вторых, евреи, желающие уехать, намерено, в большей степени евреи, чем остающиеся: первые, как правило, религиозны, соблюдают установленные правила, чтут традиции, не ассимилированы — к ним, именно к ним обращена цитируемая статья Конституции; в-третьих — будь демонстранты не евреями, а неграми, японцами, кем угодно по национальности, — порядочный и хорошо воспитанный человек, как бы он к ним ни относился, не сможет произнести тех мерзких выражений, которые себе позволили люди из окружающей толпы и юнцы "дружинники". Я слышала выражения, которые не могу воспроизвести, настолько они были неприличны; кто-то за моей спиной сказал: "Бей жидов, спасай Россию".

Я обращаюсь к вам как к учреждению, профессионально озабоченному проблемами идеологического воспитания. Нужно думать о том, что не получивший отпора антисемит может легко превратиться в шовиниста-террориста, бандита — в кого угодно. Так и стоят в ушах крики: "Растрелять их!"

Наконец, возникает естественный вопрос: а почему, собственно, еврей-отказники должны годами, а иногда и десятилетиями ждать разрешения на выезд? Ведь именно такая ситуация вынудила их пойти на демонстрацию. Почему их не отпускают? Кто имеет право насильно держать этих людей здесь? Кто это решает? Какие люди конкретно? Насколько высоки их моральные

и душевные качества для решения таких вопросов? Может быть, люди, которым поручено решение вопроса о выезде, — еще не снятые со своих постов бюрократы? Нельзя ли предать гласности деятельность этих людей и учреждений, в которых они работают? Ведь именно по их вине страдают стремящиеся уехать, возникают наблюдавшиеся мною эксцессы и наносится урон престижу нашего государства.

И последнее: почему же в дни моего детства, 20—30-е годы, можно было без канители, свободно уехать и вернуться, и никому и в голову не приходило порицать уезжающих людей? Тогда не было массовых отъездов евреев, уезжали люди разных национальностей, поодиночке. Сейчас, по-видимому, хотят уехать именно евреи. В чем тут причина? Задумывается ли кто-нибудь над этими вопросами? Нам — русским, украинцам, татарам и т.п. — безразлично, останетесь вы или уедете, у нас много друзей среди евреев, и мы будем страдать от их отсутствия. Скажите — что НАМ нужно сделать, чтобы вы остались, чтобы вам было здесь хорошо?

Конечно, люди, давно подавшие заявления на выезд, потерявшие свою профессиональную работу, истрепавшие себе нервы, собирая кучу бумаг, необходимых для отъезда (кому необходимых? Скорей всего, никому эти бумаги не нужны, они — рудимент застарелого консерватизма), — они не захотят остаться ни при каких условиях. Но те, кто только готовится подать заявление на отъезд, — эти, может быть, еще передумают.

Поверьте, эмиграция из СССР — это мрачное пятно на совести прежде всего русских. Именно русские должны думать об истоках, причинах, ее вызвавших, и сделать все для того, чтобы этот процесс остановить — но не силой и даже не убеждениями, а созданием для евреев нормальных условий жизни и работы и прежде всего — решительной борьбой с антисемитизмом до полного его уничтожения.

13 февраля 1987 г.

СОВЕТСКИЕ УРАНОВЫЕ РУДНИКИ

Одно это словосочетание "урановые рудники" моментально вызывает ассоциацию с лагерями, с заключенными, которых силой или обещаниями скостить срок вынуждают работать на рудниках... Многие ли из них действительно выходят на волю своими ногами, не знаю: слухи и рассказы об урановых рудниках самые неопределенные и глухие. А уж их местонахождение — это настоящая государственная тайна.

Однажды мой приятель, побывавший в узбекском городе Навои в командировке, рассказывал о новейших технологиях, которые там применяются для добычи рассыпного золота. А потом шепотом, почти на ухо добавил, что слышал в поезде, будто в районе Навои есть и разработки урана...

Этот рассказ и шепот я вспомнил недавно, когда получил из Библиотеки Конгресса США Атлас по советской энергетике. В нем оказалась карта и список урановых рудников и обогатительных фабрик в Советском Союзе. Любой гражданин из любой страны, не исключая СССР, может послать несколько долларов в отдел фотокопирования Библиотеки в Вашингтоне и получить этот Атлас вместе со сведениями, которые внутри Советского Союза даже близкому приятелю рассказывают на ухо... За информирование советского человека о том, что давно знают все разведки мира, и сегодня можно заработать приличный срок. И, чего доброго, провести его на урановых рудниках...

Некоторые вещи, которые я узнал из открытых американских публикаций, я пересказываю, разумеется, не для того, чтобы уязвить "славные органы", показать им фигу в кармане. Я надеюсь, что даже минимальные сведения о местах, откуда может исходить радиоактивная опасность, помогут сотням и тысячам людей, которых советские власти не считают нужным информировать об этом. Радиация не признает зон и колючей проволоки, и вместе с ветром или с водой радиоактивные вещества могут быть вынесены за многие километры от тех мест, куда закрыт въезд и вход всем посторонним. Если вы окажетесь вблизи тех пунктов, которые приводятся в нашем списке, *остерегайтесь пить воду из открытых источников, купаться, ловить рыбу и охотиться. Не стоит также есть ягод, грибов и дичи из такой местности.* Это, конечно, не значит, что от одного или двух таких обедов вы обязательно заболите. Повысится только риск заболевания, но едва ли найдется врач, который гарантирует вам, что именно вы не попадете в дополнительный процент заболевших.

Солдаты и офицеры, посылаемые на охрану урановых объектов, далеко не всегда знают, что именно они охраняют и каков уровень опасности для их здоровья. Не исключено, что в приведенном ниже списке есть местности, где уровень радиации сейчас вполне нормальный, но все же, если вы живете даже на расстоянии 20 и более километров от названного пункта, подумайте хорошо, прежде чем заводить детей. Плод особенно уязвим для внешних воздействий в первые недели жизни, поэтому лучше, чтобы женщи-

на всю беременность от самого начала до конца провела подальше от уранового объекта.

И, наконец, любителям "неорганизованных" путешествий и прогулок. Забрести в запретную зону у вас не так уж много шансов (хотя и они имеются со всеми связанными с этим неприятностями), но все же главное – держитесь подальше от "нехоженных троп" и "нетронутой природы" районов, хоть отдаленно связанных с урановой промышленностью. А такие места, между прочим, есть совсем недалеко от популярных курортов Пятигорск и Ессентуки и возле Онежского озера. *И еще один совет: не собирайте в этих местах камней на память, в них могут быть радиоактивные минералы.* Остается еще добавить, что в центрах обогащения и переработки урана радиация выше, чем в шахтах и карьерах. Отсюда регулярно отправляются транспорты с высокорadioактивными материалами: потенциальную опасность представляют также грузовики и вагоны, в которых осуществляется перевозка.

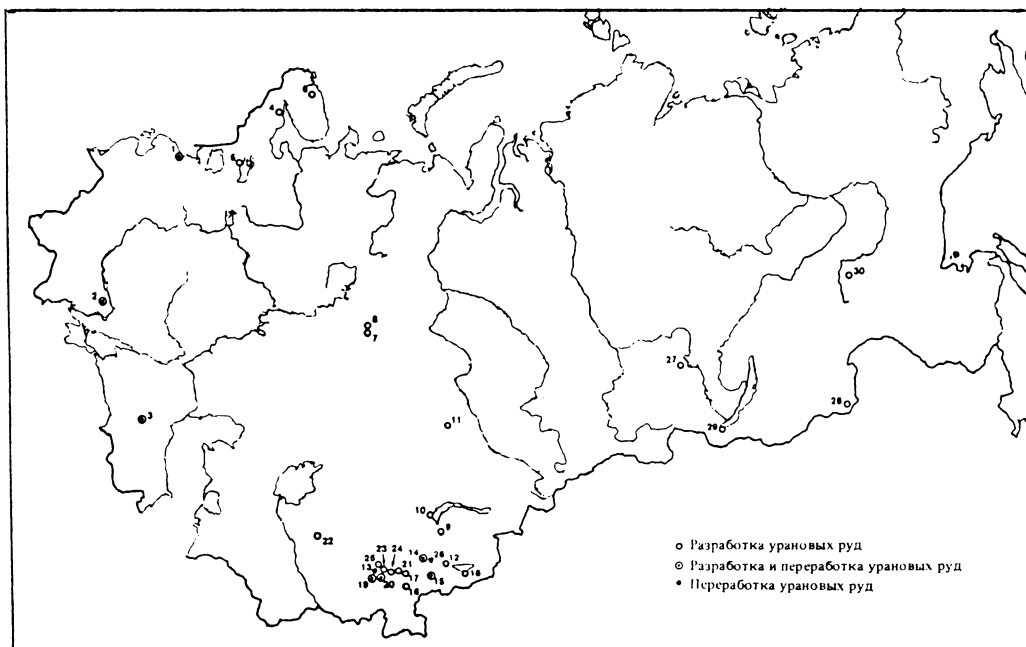
В местах разработок радиация ниже, зато радиоактивные минералы, оказавшиеся на поверхности земли, разносятся ветром и водой далеко вокруг...

Итак, вот перечень известных пунктов и местностей СССР, где ведется добыча или переработка урана, и месторождений урановых руд. Номера в перечне соответствуют тем, которые указаны на прилагаемой карте.

1. г. Силламяэ, Эстония. Разработка и переработка урано-фосфатных руд.
2. г. Желтые Воды – с. Терны, Днепропетровская обл. Разработка и переработка урано-железных руд.
3. г. Лермонтов, Ставропольский край. Разработка и переработка урано-молибденовых руд.
4. пос. Чупа, Карелия. Месторождение урано-содержащих минералов.
5. Северо-западное побережье Онежского озера. Месторождение ураносодержащих минералов.
6. Ловозерская тундра, Кольский п-ов. Месторождение ураносодержащих минералов.
7. пос. Вишневогорск, Челябинская обл. Месторождение ураносодержащих минералов.
8. пос. Новогорный, Челябинская обл. Месторождение ураносодержащих минералов.
9. пос. Аксуек – ст. Кияхты, Джамбулская обл., Казахстан. Разработка урановых руд.
10. ст. Коктас, Джамбулская обл. Разработка ураносодержащих медных руд.
11. г. Степногорск, Целиноградская обл., Казах-

- стан. Возможно, добыча урана методом выщелачивания. Переработка урановых руд на Целинном горнодобывающем комбинате.
12. пос. Ак-Тюз – пос. Бордунский, Киргизия. Разработка уран- и торийсодержащих свинцовых руд.
 13. пос. Чигирик, Ташкентская обл. Переработка урановых руд.
 14. пос. Гранитогорск, Джамбулская обл. Разработка и переработка урано-свинцовых руд.
 15. пос. Мин-Куш, Нарынская обл., Киргизия. В 1960 г. проводилась разработка и переработка ураносодержащих руд, одновременно с добычей lignита.
 16. пос. Тюя-Муюн, Ошская обл., Киргизия. Месторождение урано-ванадиевых руд (тюямуюнита, названного по имени месторождения).
 17. пос. Кызыл-Джар, Ошская обл. Разработка ураносодержащих руд одновременно с добычей золота.
 18. пос. Каджи-Сай, Иссык-Кульская обл., Киргизия. Разработка ураносодержащих руд одновременно с добычей месторождений lignита.
 19. пос. Табошар, Ленинабадская обл., Таджикистан. Разработка и переработка урано-ванадиевых руд.
 20. г. Чкаловск, Ленинабадская обл. Возможно, переработка табошарских руд.
 21. пос. Сумсар, Таласская обл., Киргизия. Возможно, разработка урановых руд.
 22. г. Учкудук, Навоийская обл., Узбекистан. Разработка ураносодержащих руд одновременно с добычей золота на шахте Кокпатас. Возможно, выделение урана на Навоийском горнометаллургическом комбинате.
 23. пос. Наугарзан, Ленинабадская обл. Разработка урановых руд, которые перерабатываются в Чигирике (см. 13).
 24. пос. Чаркесар, Наманганская обл., Узбекистан. Заброшенные разработки урановых руд.
 25. пос. Чавлисай – пос. Красногорский – г. Янгиабад, Ташкентская обл. Разработка урановых руд.
 26. г. Кара-Балта, Киргизия. Переработка урановых руд.
 27. г. Вихоревка, Иркутская обл. Возможно, разработка урано-ториевых руд.
 28. г. Краснокаменск, Читинская обл. Месторождение урановых руд.
 29. г. Слюдянка, Иркутская обл. В 1958 г. еще проводилась разработка урановых руд.
 30. г. Алдан, Якутия. Разработка уран- и торийсодержащих руд одновременно с добычей золота.

Б. Комаров

ЖИВИ КАК ВСЕ

Отрывки из книги

Ниже мы публикуем второй фрагмент из книги А.Марченко "Живи как все", которая была написана еще в 1977–1978 гг., но опубликована тогда не была. Первый фрагмент был напечатан в № 1 за этот год.

О трагической жизни и смерти в Чистопольской тюрьме Анатолия Марченко мы писали во вступительной статье к нашей первой публикации. Здесь мы добавим лишь одну, выразительную деталь. Жена А.Марченко Лариса Богораз получила официальный ответ на посланную ею в Верховный Совет СССР просьбу о помиловании мужа. Она послала эту просьбу, когда узнала, что Анатолий, проводящий голодовку в тюрьме, находится на грани смерти (в том, что сам он о помиловании не попросит, — сомнений не было). Ответ пришел через полтора месяца после смерти Марченко: в помиловании отказать. А в это время других политзаключенных начали уже одного за другим постепенно освобождать из лагерей.

В публикуемом (с сокращениями) отрывке речь идет о событиях 1969 г. Анатолий Марченко, осужденный за "нарушение паспортного режима" (а в действительности за свою первую книгу "Мои показания" и письмо, в котором он предсказывал неизбежность советской интервенции в Чехословакии), отправлен в Ныроблаг, в Пермскую область. Срок — всего 1 год, но на исходе этого года против А.Марченко начинают фабриковать новое, лагерное, дело. История этой фабрикации очень типична для всех подобного рода дел. В 70-е — 80-е гг. "лагерные дела" особенно широко применялись властями для постоянной изоляции инакомыслящих.

Меня и еще четырех эзков отправили на машине в Валай — это, как говорили, самый паршивый из всех ныробских лагерей.

Действительно, и сам дальний таежный поселок, и лагереки, куда нас привезли, вызывали уныние одним своим видом: что дома в поселке, что бараки в зоне — ветхие, гнилые, осевшие в землю по самые окна. Если кто идет мимо барака, то из окна видны одни ноги. Кажется, подуй ветер посильнее, толкни крайний домишко, и все постройки свалятся друг за дружкой, как выстроенные в ряд костяшки домино. И эти постройки стоят среди сплошной тайги, откуда идет лес на новостройки по всей стране! То ли люди здесь живут ленивые, то ли чувствуют себя временными жителями.

Зона в это время года — в мае — утопала в грязи настолько, что ни машина, ни даже трактор гусеничный не могли в нее въехать. Даже дрова для бани и столовой сваливаются снаружи возле вахты, и каждый ээк, возвращаясь с работы, должен прихватить чурку и оттащить на место. Ээки путешествовали между бараками по узким дощатым настилам, и не всегда им удавалось преодолеть без потерь грязевую преграду: бывало, оставляли в топи обувь, вытаскивать ее приходилось руками. Оттаявшие помойки и сортиры распространяли по всей зоне страшное зловоние...

Но продолжить наблюдения лагерного быта на новом месте мне не пришлось. Через неделю после прибытия меня вызвали в штаб, и прокурор из Перми Камаев предъявил мне две казенные бумаги: по ходатайству Антонова, ныробского кума,

против меня возбуждено уголовное дело по статье 190-1; вторая бумага — постановление об аресте, о взятии меня под стражу. Как будто я и так в зоне не под стражей! Нет — теперь меня будут держать в следственной камере при карцере...

Первое, что я сделал, — заявил и устно, и письменно, что Антонов намеренно сфабриковал дело, что он обещал мне это еще в первый же день в Ныробе.

— Марченко, подумайте, что вы говорите! — Камаев старается держаться "интеллигентно", разъясняет, опровергает меня без окриков. Он прокурор, он объективен, он не из лагеря, а "со стороны". Это человек лет 30—35, аккуратный, белозубый, приветливый, его даже шокирует моя враждебность.

— Зачем Антонову или мне фабриковать на вас дело? У нас есть закон, мы всегда действуем по закону...

— Да, да, лет тридцать назад миллионы соотечественников были все шпионы и диверсанты — по закону, знаю.

— Что вы знаете?! Зря при советской власти никого не сажали, не расстреливали. Заварил Хрущев кашу с реабилитацией, а теперь партия расхлебывай!

— И это говорит прокурор!

— Скажете, и вас ни за что посадили? Не занимались бы писаниной, куда не попали бы!

— Между прочим, у меня обвинение не за писанину, а за нарушение паспортных правил.

— Мало ли что в обвинении. Книжки писать тоже с умом надо. Писатель! — восемь классов образования!

— У вашего основоположника соцреализма, помнится, и того меньше.

— Что вы себя с Горьким сравниваете! Он такую школу жизни прошел — настоящие университеты!

— В вашем уголовном кодексе эти университеты теперь квалифицируются соответствующей статьей: бродяжничество.

— Марченко, Марченко... Сами вы себя выдаете: "ваш Горький", "ваш кодекс", — передразнивает меня Камаев. — Сами-то вы, значит, не наш!

— Так в этом, что ли, мое преступление? "Наш" — "не наш"? Это какая же статья?

— Знаете законы, сразу видно. — Камаев переходит на сугубо официальный тон: — Оперуполномоченный Антонов получил сигналы, что вы систематически занимаетесь распространением клеветы и измышлений, порочащих наш строй. Можете ознакомиться, — он вынимает из папки несколько бумажек и протягивает мне.

Это "объяснения" заключенных из Ныроба. В каждом говорится, что Марченко на рабочем объекте и в жилой зоне распространял клевету на наш советский строй и на нашу партию. Таких "улик" можно получить не три, а тридцать три, сколько угодно.

В уголовном лагере и на работе, и в жилой зоне идет непрерывный пустейший треп. Эки без конца спорят на все темы, в том числе и на политические. Здесь можно услышать что угодно: от сведений, составляющих государственную тайну, до живых картинок об интимных отношениях между членами правительства или Политбюро. У каждого, конечно, самая "достоверная информация". Попробуйте усомниться! Лагерная полемика не знает удержу, и в пылу спора из-за пустяка то и дело в ход идут кулаки. Лучше всего не ввязываться в эти диспуты. Даже когда спорящие обращаются к вам как к арбитру, остерегайтесь! Вы знаете, что все они несут чушь, но если попытаете им противоречить, опровергать их, то они объединятся против вас. Только что они готовы были друг другу перервать глотку. Сейчас они сообща перервут ее вам!..

Если учесть, что уголовный лагерь живет по принципу: "умри ты сегодня, а я завтра", то в такой атмосфере сфабриковать обвинение по ст. 190—1 оперу

ничего не стоит. Всегда он может подобрать нескольких провокаторов, которые, кто за посылку, кто за свидание или досрочное освобождение, дадут любые показания на кого угодно. Главное, из-за безответственного трепачества почти каждый зэк у кума на крючке, каждого есть чем шантажировать. Это было проделано Антоновым при фабрикации моего обвинения, о чем мне позднее скажут сами зэки.

Липовое мое дело, состряпанное Антоновым, оказывается непробиваемым: масса "свидетельских" показаний — "Марченко неоднократно говорил", "всегда клеветал", "я сам слышал", а других доказательств не требуется. Статья 190-1, предусматривающая как письменные, так и устные "измышления", позволяющая судить за слово, за звук, не оставивший материального следа. Так что, друг, если двое говорят, что ты пьян, иди и ложись спать!

Конечно, при низком уровне общей и юридической культуры Антонова и его свидетелей (какое там низкий — нулевой! со знаком "минус"! в деле повсюду торчат ослиные уши, и Камаев мог бы их заметить. Свидетельские показания не стыкуются между собой, то есть не подкрепляют друг друга. Один свидетель показывает, что Марченко такого-то числа января месяца говорил то-то и то-то, другой сообщает о другом высказывании и уже в другое время. И они помнят в мае, какого числа и что именно сказал я в январе. Большинство показаний носит общий оценочный характер: "клеветал", "порочил". А те, которые содержат конкретный "материал", поневоле вызывают у меня смех. Вот показания: "Марченко утверждал, что Пастернак в "Докторе Живаго" правильно изобразил советских женщин, что у них ноги кривые и чулки перекручены". Мозги перекручены у этого парня или у Антонова, который наверное ему диктовал. Ни с кем в лагере я не говорил ни о Пастернаке, ни о Синявском, тем более не повторял газетную чушь. А свидетеля этого я помню: недавно он с пеной у рта доказывал соседу, что в Соединенных Штатах язык американский, а английский — это в Англии, и дураку ясно.

Я указываю Камаеву на несуразность в показаниях.

— Что же, все вас оговаривают?

— Может, и не все, только в дело попали нужные Антонову свидетельства.

— Вы хотите сказать, что были и другие? Марченко, в дело вносятся все свидетельские показания, все протоколы нумеруются. Таков закон, — важно говорит Камаев.

Я объяснил Камаеву и то, что насчет "Доктора Живаго" мне приписывают ерунду, — я как раз недавно читал роман, помню, что там есть и чего нет. А вот свидетель, конечно, не читал и несет Бог весть что от моего имени.

Когда месяца полтора спустя я ознакомился со своим делом — стал искать там эти показания и не нашел.

— Где же они? — спрашиваю Камаева.

— На месте, конечно, где им быть. Да зачем вам, вы же их хорошо помните.

Снова листаю дело — нет их. Нет и других показаний, будто я "восхвалял американскую технику и клеветнически утверждал, что американцы переплюнут наших и первыми будут на Луне". Когда мы говорили об этом с Камаевым, я сказал, что хотя показания эти ложные, я действительно высокого мнения об американской технике и думаю, что они первыми высадятся на Луне. Разговор был в мае-июне. А ко времени знакомства с делом, в конце июля, как раз американские космонавты прошли по лунной поверхности. И вот я не нахожу в деле и этого протокола. Где же он?

— Найдем, найдем, сейчас найдем, — бормочет прокурор, листая дело и косясь на присутствующего здесь московского адвоката, Дину Каминскую, а я уже по лицу его вижу: знает он, что ничего не найдет. — Нет. Значит, таких показаний не было. Вы что-то перепутали, Марченко!

Вот так. "Таков закон"...

Продержав недели две в следственной камере, меня отправили в Соликамск...

В Соликамске, как в каждом порядочном городе, есть, кроме пересылки, своя тюрьма. Она расположена в бывшем монастыре. Поснимали только маковки со всех строений.

Поместили меня вначале в тройник, а на четвертый или пятый день ко мне поселили молодого парня лет двадцати двух. Он вошел с таким затравленным видом, пугливо поглядывая на меня, что я посчитал его "чокнутым". После он мне открылся, и мне стала понятна его настороженность: начальник режима сказал ему, что в наказание за драку посадят к такому лагерному тигру, который его живьем съест и косточек не оставит.

— Он мне такого наговорил, что я здесь две ночи не спал, боялся тебя, — говорит сокамерник, теперь уже посмеиваясь. — У тебя, мол, пять судимостей и все тяжелые, с убийствами!..

В какой-то день меня вызывают из камеры, опять заталкивают в бокс воронка — куда, зачем везут, неизвестно. Но путь недолог... всего только в Пермь... В Перми меня из тюрьмы снова повезли куда-то. Привезли, осматриваюсь: ходят мимо одни в белых халатах, другие в пижамах. Ясно — психушка. Взяли без вещей — значит, пока на экспертизу. Посмотрим, что это за процедура; четвертый раз я под судом, а на психэкспертизу попадаю впервые.

В большом кабинете мне предлагают сесть за стол, за которым сидят уже пять-шесть врачей — мужчин и женщин. За моей спиной переминаются двое: тюремный офицер и какой-то тип в штатском.

Беседу со мной ведет женщина средних лет. Она задает примитивно-провокационные вопросы: "Знаете ли вы, где сейчас находитесь?", "Почему вы здесь?", "Считаете ли вы себя больным или здоровым?"

Я отвечаю резко: меня раздражает и слащавый тон, и топтание типа в штатском, и игра во врачебную объективность, в которую хотят втянуть и меня. Я убежден, что если решено упечь меня в психушку, то и упекут с благословения врачей, а если хотят отправить в лагерь, так и на сто процентов чокнутого отправят именно в лагерь. Зачем же мне участвовать в их игре? Я решил вести свою игру, контрольную:

— Я отказываюсь беседовать с вами, так как вы все равно напишете то заключение, которого от вас требуют.

— Если вы не отвечаете на наши вопросы, значит, вы больны, вы душевнобольной.

— По указке сверху вы напишете, что я болен, даже если я буду отвечать.

— Вы что, считаете себя таким знаменитым и великим, что вашу судьбу решают "сверху"?

— Точно, так и считаю. Можете отметить сразу две мании: величия и преследования.

— Послушайте, я ведь не следователь, а врач. Со следователем можете не разговаривать, если не хотите. Но мы, врачи, ни имеем никакого отношения к вашему делу!

— А какое "дело" у вас в руках? — я показываю на толстую папку, которую она листает. — И почему здесь находятся эти люди? — киваю я назад, на офицера и штатского.

Хоть я и заявил, что отказываюсь отвечать, женщина продолжает задавать вопросы (заглядывая в папку): "Как вы относитесь к событиям в ЧССР?", "Какого вы мнения о жизни на Западе?", "Есть ли, по-вашему, в Советском Союзе свобода печати?"

— Скажите, вы каждому обследуемому задаете такие вопросы? И как влияет ответ на выводы экспертизы? Например, я скажу, что в СССР есть свобода печати, — может, после этого вы посчитаете меня психом, я и спорить не буду!

— Читаете ли вы газеты? — меняет тему эксперт. — А книги? Каких писателей любите?

— Герцена, Щедрина, Успенского, Гоголя, Достоевского...

— Почему же вам нравятся только писатели прошлого века?

— Да нет, я люблю и современных.

— Кого? — вскидывается она.

— На этот вопрос я не отвечу: об этом идет речь в моем деле...

В июле, знакомясь с делом, я узнал заключение экспертизы: личность психопатическая, полностью вменяем. Таким образом, мой эксперимент подтвердил гипотезу: как бы я себя ни вел, решение было вынесено заранее. Уж я ли не козил на психа и на шизика, а вот, пожалуйста: вменяем, пожалуйста в лагерь!

После экспертизы просидел я в Перми еще недели две...

К концу следствия отправили меня из пермской тюрьмы через Соликамск обратно в Ныроб — для проведения очных ставок и завершения прочих формальностей...

В Ныробе начался спектакль "очных ставок". Одни вызывали у меня горечь и даже жалость к моим "свидетелям", другие были настолько нелепыми, что смешили и меня, и других участников. По поведению свидетелей я безошибочно определял, кто из них стопроцентный провокатор, а кто запутался в сетях Антонова.

Андреев, Сапожников, Николаев — эки, продавшиеся Антонову кто за что. Они ведут себя развязно, своих "показаний", записанных на допросах, они не помнят, но вовсе этим не смущаются. Камаев читает им их протоколы:

— Свидетель, это вы показывали на допросе?

— Точно, точно. Это самое я и говорил.

Как козырная карта идет у них Сапожников: у него значится образование 10 классов. Такой свидетель выглядит приличнее. Он тужится, пыжится, пытается что-то вытащить из своей черепной коробки, но ничего не находит. Беспомощно смотрит на Камаева и Антонова, ожидая подсказки.

— Ну, — не выдерживает Антонов, — говорил Марченко на работе и в бараке, что за границей жизненный уровень выше, чем в Советском Союзе?

— Да, да, — с готовностью, обрадованно подхватил Сапожников, — я вспомнил это. Он много раз говорил так, что там живут лучше, чем у нас. Я его одергивал, пробовал не раз переубедить, но он продолжал клеветать.

— А где, я говорил, лучше живут — в Эфиопии? — спрашиваю я.

— Какая разница, — неуверенно отвечает Сапожников, лакейски уставившийся на Антонова.

— Марченко, вы неправильно себя ведете! — одергивает меня Камаев, повернитесь лицом ко мне, не оборачивайтесь к свидетелю! Вопросы можете задавать только через меня. Сапожников, продолжайте!

Но Сапожников больше ничего не может вспомнить. Тогда он предлагает:

— Вы пишите все, как надо, а я подпишу.

Иногда Камаев или Антонов, пользуясь моей глухотой, натаскивают свидетелей шепотом, так, что я ничего не слышу, а только догадываюсь по движению губ, что они суфлируют. Чаще всего они читают по протоколу, и свидетель согласно кивает головой.

В один из таких моментов я не выдержал, поднялся со стула и вышел в коридор. Я сказал Камаеву, что участвовать в таких очных ставках не буду.

Вслед за мной в коридор выскочил Антонов. Он схватил меня за воротник куртки и, накручивая воротник на руку, второй рукой бил кулаком под ребра. Я уже задыхался, так как воротник куртки здорово затягивался на моей шее. У меня появилось большое желание ткнуть Антонова в глаз пальцем, ударить его ногой — словом, отбиваться, а не терпеть пассивно его издевательства. Слава Богу, я не успел этого сделать. В коридор вышел Камаев. Он быстро подошел к нам:

— Ладно, хватит с него, оставь!

Антонов отпустил меня и стал толкать в кабинет, шипя на ухо угрожающе: "Попробуй, шумни! Только попробуй шумнуть!" Он вызвал сюда же двух надзирателей, и те стояли наготове в дверях.

— Сейчас как напаялим на тебя рубашку, так засышь-засерешь! — еще не отдышавшись, утирая пот платком, орал на меня Антонов. — Будешь как миленький не только слушать, но и подпишешь все сам!

Даже сегодня я не могу спокойно вспоминать об этом.

А Камаев улыбается: "Марченко, учтите, никто вас не трогал, не душил".

Очные ставки продолжали идти тем же порядком. Я в них никакого участия не принимал, теперь даже сам старался ничего не слушать, что было не так уж трудно. Видя мое полное безучастие и внешнее безразличие, Камаев, да и Антонов старались заводить меня посторонними разговорами, не по протоколу:

— Нет, Марченко, надо быть умнее. Книгу написал — а какой тебе прок? Слава где-то, а сам ты здесь, в лагере, и сидеть будешь, пока не сгниешь. Подумаешь, назвал одного-другого. Кто этого боится? Пожалуйста, вот о нас пусть хоть Би-би-си передает, хоть даже "Свобода". Ты наши фамилии знаешь, их мы не скрываем.

К этой теме они возвращались не раз:

— Можешь о нас передавать хоть в ООН, мы этого не боимся!

Так и вижу этих верных сынов отечества приникшими к транзистору в ожидании, что вражеские голоса не забудут и их имена...

После целой череды эков из колоды вытаскивают козырного туза: состоится опознание и очная ставка с вольнонаемным Рыбалко.

— Пожалуйста, это человек вольный, от Антонова не зависит. Он тоже дает показания против вас, — торжествуя, сообщает Камаев.

— Я никакого Рыбалко не знаю, в глаза не видел.

— Зато он вас знает очень хорошо, вы в этом убедитесь.

Опознание обставлено по всем правилам: присутствуют трое понятых (эки), Камаев как прокурор руководит процедурой. В каком качестве участвует в ней Антонов, я не понимаю, но он хлопочет, все организует. В конце кабинета стоят три стула; на двух из них уже сидят два эка, Антонов велит мне сесть на свободный стул. Из нас троих Рыбалко должен узнать Марченко и все рассказать об этом зловещем типе. Антонов выходит, чтобы ввести Рыбалко.

Я поднимаюсь и говорю: "Прошу пока не вводить свидетеля."

— А в чем дело? — удивляется Камаев.

— Я хочу пересесть на другое место, — заявляю Камаеву.

— Пересаживайтесь, — Камаев изображает беспристрастность, а может, не в курсе игры Антонова в этом случае.

Я меняюсь местами с одним из эков. Потом предлагаю ему же:

— Давай, земляк, поменяемся на время игры обувкой.

Эк довольно охотно и весело соглашается, и мы переобуваемся: я в его тапочки, он в мои сапоги. Второго, справа от себя, прошу:

— Подержи, пожалуйста, в руках мой "домик" (шапку-ушанку).

После этого говорю Камаеву:

— Я готов.

Камаев кивает надзирателю, и тот открывает дверь. Первым входит человек среднего роста, чернявый, в вольной одежде. Я его действительно не могу припомнить, ручаюсь, что никогда не видел. За ним появляется Антонов. Он намеренно не смотрит в мою сторону, стоит к нам трем спиной, лицом к Камаеву: демонстрирует свое безразличие. В зубах у него сигарета.

Камаев объясняет Рыбалко его обязанности.

— Вам все понятно, свидетель Рыбалко?

— Да, я все понял.

— Теперь повернитесь лицом к тем трем заключенным и укажите, кто из них занимался распространением клеветы в адрес партии и правительства. Ознакомьтесь среди этих трех Марченко.

Рыбалко поворачивается в нашу сторону и сразу, ни секунды не помедлив, указывает пальцем на того эка, с кем я только что поменялся местами и обувью.

— Вот это Марченко. Я его узнаю. Это он говорил, что...

И понес Рыбалко повторять, что написано в протоколах его допроса: когда он, мастер, приходил на объект, то слышал среди заключенных споры на политические темы. Один из заключенных, а именно вот этот, Марченко (он снова показывает на моего соседа), всегда клеветал на советскую власть, перевозносил заграничный образ жизни, утверждал, что в нашей стране отсутствуют свобода слова, печати, собраний. Однажды Марченко стал называть нашу помощь чехословацкому народу оккупацией. Тогда мы с ним сцепились так, что нас еле растащили другие заключенные. И еще он клеветал, что в вооруженном конфликте с Китаем на острове Даманском виновато советское правительство.

— Рыбалко, всмотритесь внимательней, — настораживает его Камаев, — не ошибаетесь ли вы? Действительно ли это — Марченко, а не другой кто из трех?

Рыбалко воспринимает это предостережение как намек, чтоб он уверенней подтвердил. Он еще рынее подтверждает:

— Да, да, это он — Марченко, я его отлично помню!

— Может, вы ошибаетесь, Рыбалко? Посмотрите повнимательней! Действительно ли вы узнали Марченко?

И Рыбалко старается:

— Как я могу ошибиться, я ему чуть в морду не дал, когда он клеветал! Я его на всю жизнь запомнил и никогда не забуду!

— Как мне теперь доказать, что я не верблюд? — вполголоса проговорил тот эка, на которого так нагло-уверенно пер Рыбалко.

Тут Антонов повернул голову в нашу сторону. Увидев, что я сижу не с краю, а посредине, и Рыбалко тычет пальцем не в меня, он побагровел и лишился дара речи. Сигарета запрыгала у него на губе.

— Я не Марченко, — мой сосед, видно, решил кончать игру. — Вот Марченко! — и он указал на меня.

Рыбалко растерянно моргал и непонимающе смотрел на Антонова.

— Вот так и срок наматывают, — сказал эка справа, — и знать не будешь за что!

— Да, — заговорил, наконец, Камаев, — ошиблись вы, Рыбалко! Указали на другого. Не узнали Марченко!

Теперь только Рыбалко окончательно понял свой промах! И он не придумал ничего другого, как под смех и понятых, и моих соседей затараторить: "Да-да, я сейчас его узнал по голосу! Это он!"

— Как же ты узнал мой голос, если я просидел все это время молча?

— Узнал я его, узнал!

Камаев кричал на всех, чтобы прекратили смех и не мешали работать. Я потребовал, чтоб он сейчас же составил протокол об опознании, и ему пришлось записать: Рыбалко не узнал Марченко, указал на другого человека.

Это был единственный документ, который подписал и я.

Под конец мой сосед справа добавил еще одну деталь. Он порывался что-то сказать, когда только ввели Рыбалко, но Камаев шикнул на него. Теперь он сделал заявление:

— Какое это опознание, если я хорошо знаю Рыбалко, и он меня знает по фамилии и в лицо. Он был у нас начальником конвоя и каждый день водил нас на работу.

Я спросил Камаева:

— Ну, так фабрикует Антонов дело или нет?

— Вас Рыбалко не узнал, причем тут Антонов! — ответил прокурор...

Некоторые ведут себя на очной ставке не так нагло, как Рыбалко или Сапожников; вид у них затравленный, они не глядят ни на меня, ни на Антонова с Камаевым, на их вопросы отвечают нехотя, через силу, озлобленно, как лают: "Ну, говорил!" "Не помню я, может, и так"... Ясно, эти попались Антонову на крючок — то ли из-за собственного трепачества, то ли еще за какую провинность. Провокаторы вроде Андреева или Сапожникова помогли им стать лжесвидетелями, и хотя они не устояли, удовольствия от того, что врут мне в глаза, не получают никакого. Вроде даже приходится мне их пожалеть.

Но врут все. Не знаю, возможно ли в это поверить: нет ни одного правдивого слова, показания. Ни одного.

Мне, конечно, не удастся доказать это суду, я и не надеюсь. Но того хуже: мои друзья, вероятно, решат, что я вел себя в лагере опрометчиво и неосторожно, вряд ли они поймут, что все дело, от первого и до последнего слова, — беззащитная ложь. Ведь в основе обвинения лежит то, что я действительно думаю, что соответствует моим взглядам и мнениям. Да, я знаю, что в США уровень жизни несравнимо выше, чем в СССР. Да, я думаю, что мы сильно отстали в развитии техники. Да, я вижу: у нас нет свободы слова и печати, собраний — тем более. Да, я считаю "братскую помощь" Чехословакии в 1968 году оккупацией, агрессией, как ее определяет международное право.

Только в лагере я никому, ничего, никогда об этом не говорил...

При знакомстве с делом Дина Исааковна, мой адвокат, читая вместе со мной эти показания, смотрит на меня выжидающе: что я скажу.

— Дина Исааковна, это такая же ложь, как и все остальное.

И она осторожно мне намекает:

— Анатолий, может быть, вы все же говорили что-нибудь подобное. Не так, как здесь выражено, но по существу...

Трудно поверить, что все, все вранье. Тем более, что Дина Исааковна тоже, наверное, знает мое открытое письмо в "Руде право" и другие газеты.

Если ваши взгляды не такие, каких требует "линия КПСС", — вы попадаете в порочный круг. Советские руководители твердят всему миру: "В СССР за убеждения никого не преследуют", советский закон признает право гражданина иметь любые убеждения. Но никому о них не заикайся! Два собеседника — это два свидетеля, что ты вел агитацию, пропаганду, клеветал, подрывал и совершал прочие "противозаконные деяния".

Предположим, я согласился с правилами игры и держу свои мысли при себе, для себя. Тогда я враг не только вредный, но и коварный, трусливый. "Голосует за, а сам против", — как говорил покойный Иосиф Виссарионович. Как опознать такого коварного врага и обезвредить его? Вообще-то для этого все средства хороши; но в разные периоды истории СССР преимущество отдавалось то одним, то другим. Ленин с Дзержинским предпочитали провокацию: ну, ясно же, что попы, либеральная интеллигенция, бывшие офицеры — все это люди чуждые, враги в потенции; так вызвать их, заставить пойти на такие поступки или заявления, за которые прилично будет расстрелять, отправить на Соловки. Сталинская каторга не затрудняла себя подысканием или созданием поводов — уничтожала противную мысль в зародыше и даже раньше, вместе с ее воображаемым потенциальным родителем.

Ныне восстановлена ленинская законность, но кое-что полезное переняли от более поздних времен творческого марксизма.

На воле в 68 году почему-то сочли неудобным судить меня за открыто высказанное мое отношение к нескольким важным проблемам — "у нас за убеждения не судят". Мое ныробское начальство узнает о них каким-то потусторонним образом — с помощью телепатии, службы информации КГБ, внутренний голос им сооб-

шает; заодно тот же внутренний голос внушает им дать мне статью 190-1. Ну, так раз все известно, что я держу в голове своей, — провокация, фальшивка сойдет! Не отпущу же я от своих взглядов.

Так или иначе, ни одно преступление у нас не должно остаться безнаказанным.

Так что со свободой убеждений дело обстоит в точности по новейшему анекдоту: "Товарищ юрист, скажите, имею ли я право..." — "Имеете, товарищ." — "Позвольте, вы не знаете, о чем речь. Имею ли я право на..." — "Имеете, право имеете." — "Пожалуйста, выслушайте меня. Могу ли я... — "А! Нет, не можете". Вот так; право имеете, но не можете.

...А каков уровень, какова форма приписываемых мне "измышлений"! "Коммунисты выпили из меня всю кровь! — будто бы я кричал в карцере. — Не буду работать на коммунистов!" Оба выкрика квалифицируются как "клеветнические лозунги". — Надо сказать, и то, и другое довольно часто орут в лагере, в карцере, в тюрьме, это обычная формула выражения недовольства, повод может быть любой: не дали (отобрали) курево, перевели в другую бригаду, отняли на шмоне теплые носки, не удалось достать морфий... Естественно, на такие вопли (плюс матерщина) никто не обращает внимания. Но когда надо было с чего-нибудь начать мое дело, Антонов извлек из своих мозгов единственный известный ему, прочно там засевший "лозунг": "Коммунисты выпили из меня всю кровь!" Унизительно доказывать, что я не произносил этих слов.

Какую же позицию может занять здесь адвокат, мой защитник, на суде? Ладно, я буду монотонно повторять: "Это ложь. И это ложь. Ничего этого не было". Я-то знаю, что дело фальшивое. И свидетели знают, и обвинитель. Адвокат должен опровергать обвинения фактами — здесь фактов нет и быть не может, одни слова с обеих сторон: "Было" — "Не было". В каком положении окажется мой адвокат перед этой бандой? И я решил на суде отказаться от защитника, чтобы не ставить Дину Исааковну в дурацкое положение. Буду вести свою защиту сам, все равно исход суда предreshен.

Суд "открытый", чуть ли не показательный: в будний день в помещении библиотеки, где он проходит, полным-полно эков вперемешку с надзирателями и офицерами.

Я не ждал на суде ничего нового, приготовился услышать то, что уже читал в протоколах и слышал на очных ставках. Но ошибся, переоценил срепетированность спектакля, переоценил старательность режиссеров. Судебное разбирательство принесло мне несколько приятных для меня неожиданностей.

Провалился эпизод с выкрикиванием в карцере "клеветнических лозунгов". В деле он выглядел так: четыре свидетеля — дневальный ШИЗО эк Седов, два надзирателя и эк Дмитриенко, ремонтировавший печи в коридоре, — написали четыре заявления, что такого-то числа заключенный Марченко всякий раз, как открывали кормушку, выкрикивал в нее эти самые "лозунги".

Ни одного из них я не видел на очной ставке. И вот на суде вызывают Дмитриенко. Я помню его заявление и жду соответствующих показаний.

— Свидетель Дмитриенко, вы знаете подсудимого Марченко?

— Нет, я его вижу впервые.

— Как?! А ваше заявление?!

— Да, я написал заявление по указанию Антонова. Я слышал эти выкрики, но не знал, кто кричал. Антонов сказал: "Кричал Марченко, так и пиши". Теперь я знаю, что это был не Марченко, а другой заключенный, из другой камеры. Если суд меня спросит, я назову этого человека: он присутствует здесь, в зале...

Нет, прокурор не хочет узнать имя настоящего "виновного". И судья, и заседатели не задают Дмитриенко этого вопроса. Мог бы спросить я — но не стану я навлекать неприятности на голову неизвестного мне эка, хоть бы он вопил, что не коммунисты, а я сам выпил его кровь.

— Свидетель Дмитриенко, кто еще вместе с вами слышал эти лозунги? — спрашивает судья.

— Вместе с оперуполномоченным Антоновым меня убеждал показать на Марченко дневальный, заключенный Седов. Он тоже написал такое же заявление. Недавно Седов помилован по представлению администрации и уже освобожден из лагеря...

Седов помилован! Он отсиживал в ПКТ (и дневалил там) за систематические и злостные нарушения, его шестимесячный срок отсидки еще не кончился, — а он уже выпущен не только из ПКТ, но и из лагеря. Заслужил! Какую же характеристику написал ему Антонов на помилование?

Я прошу суд точно занести в протокол показания Дмитриенко. И еще я просил вызвать свидетелями тех заключенных, которые вместе со мной сидели в карцере. В деле нет их показаний — значит, Антонов либо поленился, либо не сумел обработать их.

— Кого именно? — спрашивает судья Хреновский. — Назовите фамилии.

— Я не знаю их по фамилиям.

— Ну, подсудимый, как же мы сможем найти ваших свидетелей?

— Найдете легко: по журналу, где регистрируются все заключенные в ПКТ и в ШИЗО — и фамилия, и день, и час, даже минуты.

Суд решил удовлетворить мое ходатайство. Пока что до завтра объявляется перерыв, и меня уводят в камеру. Здесь я вечером снова вижу Дмитриенко: он раздает ужин в кормушку. До этих пор мне не удавалось увидеть раздатчика — он опасливо отходил от моей кормушки, сунув мне в руки миску; я видел только его руку, которая моментально отдергивалась. Теперь я понимаю, Дмитриенко знал, что в камере сидит Марченко — тот самый, на кого он написал донос, к тому же ложный! Как бы этот Марченко из мести не выколол ему глаза или не плеснул в лицо горячей баландой! Это старый лагерный способ отомстить врагу. А сегодня Дмитриенко увидел, что "тот самый Марченко" вовсе не тот, и, значит, мы уже не враги. Он стоит у кормушки и улыбается:

— Прости, земляк, я же вправду не знал, Седов, подлюга, и кум впутали меня: "Марченко и Марченко, пиши, что Марченко..."

Коридорный торопит его, захлопывает кормушку, и уже через дверь я слышу:

— Седов-то знал, он за помиловку куму продался!

В этот вечер у меня было отличное настроение: Дмитриенко испортил им представление. К тому же у меня в руках небывалая передача: жареная курица, виноград, пирожные, огромная сочная груша. Все это привезла мне из Москвы молодая адвокатесса, приехавшая на суд вместо Дины Исааковны. Я оказался от ее помощи как решил заранее. Постарался объяснить ей мои причины. Мне было очень перед ней неловко, она летела ради меня в такую даль — получается, чтобы передать мне курицу и грушу. Но чувство неловкости не испортило мне аппетита...

...На следующий день в суд привели "моих" свидетелей — тех, кто сидел со мной в карцере. Их прошло человек двенадцать. Я едва мог их вспомнить, там ведь в камере состав каждый день меняется. Ни один из них не подтвердил, что я что бы то ни было кричал там:

— Этот. Глухой-то? Да он и к кормушке при мне ни разу не подходил.

Двадцать человек в одной камере со мной не слышали от меня никаких выкриков. А Седов в коридоре услышал!

После показаний этих свидетелей и Дмитриенко суд должен был усомниться в достоверности всего остального: ведь Дмитриенко ясно сказал, что Антонов велел ему написать на Марченко. Но этого, конечно, не будет. Хорошо, хоть эпизод с дурачками "лозунгами" провалился.

Среди вызванных свидетелей, моих сокамерников, вдруг появляется один, которого я раньше никогда не видел, ругаюсь: очень изможденный, типичное восточное лицо, узбек что ли; я бы запомнил, если бы видел. Фамилии его я не

расслышал. Неожиданное сразу настораживает: наверное Антонов сунул своего человека в общую массу. Я спешу заявить:

— С этим человеком я не был в одной камере и никогда его не видел.

— Я сам скажу! Не надо за меня говорить! — перебивает свидетель.

С минуту мы бестолково препираемся, я свое — "Никогда не видел", он свое с легким восточным акцентом — "Я сам скажу!"

Наконец судья прерывает нас, начинает опрашивать свидетеля. Еще один настораживающий момент: образование средне-техническое плюс вечерний университет марксизма-ленинизма. "Уж этот скажет!" — думаю.

— По какой статье осуждены? — спрашивает судья.

— Сто девятая первая, срок три года.

"Что-что? — чуть не закричал я вслух. — И такой здесь нашелся! Коллега, откуда ты и за что?"

Прокурор тоже оживился. Он даже обратился к новому свидетелю с речью-призывом: "Ваши показания будут очень ценны для суда".

— Я постараюсь. Я все понимаю, — соглашается тот. — Я сижу в карцере постоянно, так как отказываюсь работать. А работать отказываюсь, потому что не в состоянии справиться физически. И я решил лучше сидеть на голодном пайке в карцере, чем на полуголодном надорваться на работе. Таким образом, я был в карцере и тогда, когда там был Марченко, которому приписывают выкрики, — я этих выкриков не слышал...

— Свидетель, почему вы говорите "приписывают"?

— Не я один говорю, весь лагерь говорит. И надзиратели тоже.

— Суду ясно, что вы ничего не можете сказать по существу дела...

— Могу сказать. По существу дела говорю: выкрики — по существу, да? Я в лагере таких выкриков наслушался, повторить боюсь. Не от Марченко, я Марченко не видел. От всех. Сначала я пробовал останавливать их, так меня оскорбляли, обзывали коммунистом и комсомольцем — в ругательном смысле. Даже били.

— Свидетель, это все к делу не относится. Идите.

Я не все разбирал, что говорил этот парень: он торопился успеть побольше, пока его не оборвали. Так и не пришлось узнать его фамилию.

Эй, приятель! Где ты? Досидел ли до конца срока в карцере? Пригодилось ли тебе твое марксистское образование?

И других свидетелей я часто не слышу. Ни слова не разобрал из показаний молоденького парнишки — солдата срочной службы, присланного служить в лагерь. Он стоял совсем рядом со мной, я видел, как он едва шевелил губами. Отвечал он, опустив голову, глядя себе в ноги. Вот бедняга!

Многие другие держатся так же. Но немало и таких, кто ораторствует с удовольствием, хотя и без особого мастерства:

— Да, клеветал. Не помню, что именно говорил, но клеветал, это точно.

— Ложно утверждал, что в ЧССР танками задавили свободу, а какую свободу, не сказал.

— Я пытался Марченко переубедить, но он со мной не соглашался.

Эта фраза в единственной редакции присутствует в показаниях всех "запрограммированных" свидетелей. И еще все они повторяют: "Клеветал, но никогда не навязывал своих взглядов", — это странное словосочетание, вряд ли понятное тем, кто его здесь произносит, вполне понятно мне. Оно означает, что мне велено дать именно сто девяностую-первую, никак не выше. И то слава Богу.

Свидетелей прошло столько, что их показаний хватит на каждый проведенный мною в Ныробе день. Такого-то числа клеветал, такого-то заявлял, такого-то выкрикивал. Словом, болтал без умолку, рта не закрывал. Притом, единодушная характеристика рисует меня как человека мрачного, замкнутого, недоверчивого, неразговорчивого.

На том, собственно, и конец. Барабанную речь прокурора, если б и хотел, я не мог бы повторить. Как и на всех известных мне у нас политических процес-

сах, она состоит из набора бессодержательных газетных штампов: "Под руководством коммунистической партии", "строительство коммунистического общества", "идейно-политическое единство", "идеологические диверсии Запада", "несколько отщепенцев" и тому подобная дребедень.

Примечательно было лишь обращение прокурора к специфической аудитории: "Хотя каждый из вас отбывает здесь справедливое наказание, все вы здесь люди советские и показали это своим отношением к поведению Марченко. Что ж, как говорится, в семье не без урода..."

Я защищал себя без азарта — бесполезное дело. Но все же не упустил, кажется, ничего: ни свидетельства Дмитриенко, ни показаний моих сокамерников, ни провала Рыбалко на опознании. Говорил я и о существе обвинения, о произвольном толковании понятия "заведомо ложные измышления". Судья Хреновский несколько раз останавливал меня, но все же я договорил, закончив тем же, с чего начал: "Дело сфабриковано Антоновым и Камаевым".

Приговор был два года лагерей строгого режима. Мягче, чем я ожидал. Могли дать максимум, три года, а дали на год меньше; могли признать особо опасным рецидивистом и отправить на спец, к "полосатикам". Да что я говорю! Могли бы, если бы им приказали, дать с тем же успехом 70-ю, срок до семи лет. Хозяева проявили милость и гуманность. Не благодарить ли их за это?

Если бы без суда, без этой комедии, в которой тебе отведена роль, и ты поневоле, нехотя вживаешься в нее, включаешься в игру, — если бы так просто, от фени, спускалось тебе на голову определение: "отсиди два года! А тебе три, тебе все семь — по щучьему веленью, по моему хотенью!" Право, это было бы не так обидно и не так унижительно.

В моем приговоре, в части обоснования, сказано, что моя вина подтверждается свидетелями, — дальше перечислены все, кто что ни говорил, даже и Рыбалко: его показания тоже "подтверждают". Что касается моих сокамерников, то их показания "не опровергают вины", так как они могли и не слышать "клеветнических лозунгов", которые выкликивал Марченко.

Дмитриенко в приговоре вообще не упомянут — как бы его и не было.

Так для чего было устраивать всю эту говорильню?

Черт побери, мне-то зачем нужно все это?!

И все-таки я добиваюсь, чтобы мне показали протоколы суда. По закону полагаются всем участникам процесса, и обвиняемому тоже, подписать протоколы — обычно их подписывают не читая, обвиняемый даже не знает, что он подписывает. Потом подает апелляцию, мол, то-то и то-то суд рассмотрел неправильно, и получает ответ: "Материалы дела не содержат оснований для пересмотра". А он эти материалы подписал не глядя!

Я не собираюсь подавать на пересмотр; но все же требую:

— Я хочу ознакомиться с протоколами.

— Зачем вам? — ворчит судья Хреновский. — Вы же все слышали. Или вам что-то неясно?

А соликамский старшина здесь же, в зале суда, набрасывается на меня с мажорами и чуть ли не с кулаками: ему неохота торчать, дожидаясь меня, в этой дыре еще день-два.

В протоколах я обнаружил то, что и ожидал. Все записано кое-как, небрежно, перевернуто все, что только можно перевернуть: это обычно, девчонки-секретарши сами не понимают, что пишут. Но вот показаний Дмитриенко нет вообще, даже его имя не упоминается — это намеренное искажение исходит, конечно, не от секретарши.

К явному неудовольствию Хреновского, я дополняю протоколы показаниями Дмитриенко, подписываю сам и предлагаю подписать судье мои дополнения.

Нет, мне кажется, психологию человека в моем положении можно понять. Но психология поведения государства в таких случаях для меня всегда загадочна.

Вот, например, в 30-е — 40-е годы миллионы людей гонят в лагеря или прямым ходом в могилы. Гонят без разбора, чуть ли не без учета. Но перед тем колоссальная армия следователей и их подручных по всей стране выколачивает из арестованных: "Подпиши да подпиши показания! Подпиши, что ты шпион!" Зачем? Для открытых процессов нужны были десятки, а это ж из миллионов старались выбить. В конце-то концов, подписал — не подписал, одна судьба: какая-то тройка, пятерка, ОСО — и все гуртом на Колыму, на Воркуту, в Норильск или к стенке. Это сколько ж бумаги перевели, сколько следовательских человеко-часов, сколько им зарплаты переплатили за двадцать лет! И кормить их, следователей, надо было все ж таки калорийно, чтоб хватило силы бить по зубам. Да и на арестованных за время такого "следствия" какой-никакой казенный харч шел — безо всякой отдачи. Зачем? Не могу понять.

Нынешние политические суды менее разорительные, поскольку их меньше числом. Но тоже пустые траты: за одного меня — Камаеву три месяца зарплата шла? Шла. Возили меня из Валаа в Соликамск, в Пермь, в Соликамск снова, в Ныроб, обратно, опять в Ныроб на суд, еще раз в Соликамск; то машиной, то поездом, то даже на самолет пришлось разоряться. Конвою плата, и корми его. А сколько эжков сорвали с работы, дергая свидетелями то на следствие, то на суд, то на очные ставки! Небось, квартальные планы из-за меня недовыполнили, влетел я лагерю в копеечку. А дали бы срок сразу, без суда-следствия, без всей этой волокиты — глядишь, какой я ни работник, хоть собственное содержание (включая охрану, амортизацию колючей проволоки и прочее), хоть эти траты оправдал бы.

С первого дня обвинения и до конца, до приговора, все, все участники дела — и я, и Антонов, и прокурор, и судья, и свидетели, и те, кто дал указание, — все знают, что плетут бесполезный узор, не имеющий к жизни, к реальности никакого отношения. И все-таки каждый старается сплести свою часть по красивее, поискуснее...

Мне приходит в голову, что смысл всех этих действий, всех этих следствий и судов — тот же, что в каких-нибудь ритуальных плясках, символический смысл. Повторения слов "клевета", "измышления", "шпионская деятельность" и тому подобных нужны вроде заклинания "сгинь, сгинь, пропади". Прокурор шаманит, а все прочее — необходимые декорации. Вот только не знаю, бывают ли при обычном шаманстве человеческие жертвоприношения...

Ночью я не спал. Не Бог весть какой срок мне отвалили — всего два года. Этот срок меня не пугал нисколько (или мне только казалось так): ведь в 67-м я готовился к худшей участи. Во всяком случае, мне казалось, что если бы я получил не два года, а семь по семидесятой, но не по ложным обвинениям, а за книгу, за открытое письмо — за то, что я на самом деле совершил, — мне было бы легче, не было бы ощущения подавленности и угнетенности, как сейчас. Помимо унижения из-за всем очевидного вранья, которое невозможно опровергнуть, я чувствовал безвыходность своего положения, полную свою зависимость от невидимого хозяина. Захочет — отпустят меня через два года, а нет — снова дадут такую же "говорильную" статью, 190-1 или 70, на тех же основаниях. "Он говорил", "он утверждал", "он клеветал".

В какие-то моменты этой ночью я так и думал, что конца моему сроку не будет, станут мотать мне нервы, добавляя каждый раз то два, то три года в надежде добиться-таки от меня отречения, опровержения моей книги, моей позиции. И это чувство неуверенности не оставляло меня все следующие два года заключения.

Антон АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО (Москва)

КОНЕЦ БЕРИИ

Автор публикуемого очерка Антон Владимирович Антонов-Овсеев — сын одного из главных военных руководителей Октябрьской революции В. А. Антонова-Овсеева. Имя Антонова-отца названо В. Маяковским в поэме "Владимир Ильич Ленин". В. А. Антонов-Овсеев, ставший затем наркомом юстиции, был арестован в 1938 г. и погиб в сталинской тюрьме. Его жена, мать Антона Владимировича, была арестована еще ранее, в 1929 г. и позднее покончила с собой.

Сам А. В. Антонов-Овсеев был впервые арестован в 1940 г. в 20-летнем возрасте, но тогда его скоро освободили, лишь для того, чтобы на следующий год арестовать снова. Войну А. В. Антонов-Овсеев провел в лагерях. Третий раз он отбывал срок в 1948—1953 гг. по знаменитой 58-й статье УК РСФСР. В 1957 г. его реабилитировали.

По специальности А. В. Антонов-Овсеев — историк. Он автор биографии И. Сталина "Портрет тирана", выпущенной в Нью-Йорке издательством "Хроника-Пресс". Сейчас А. В. Антонов-Овсеев на пенсии. Он член Всероссийского общества слепых.

Публикуемый ниже очерк А. В. Антонова-Овсеева посвящен последним дням одной из самых преступных фигур в советской истории — Лаврентия Берии, шефа тайной полиции, организатора и исполнителя массового террора против населения страны, верного ленинца, садиста и извращенца, выдающегося деятеля коммунистической партии и советского государства, злого гения Сталина, шпиона муссаватистской и английской разведок, того, кто в конце-концов, по словам ядовитой песенки, "не оправдал доверия".

Обращаясь как историк к фигуре Берии, А. В. Антонов-Овсеев пишет:

"Берия — после Сталина — несомненно самый яркий носитель доктрины насилия. Эта доктрина претерпела поучительную эволюцию. Все началось с насилия над собственниками — во имя диктатуры пролетариата. Потом насилию подвергся сам класс-гегемон вместе со своим союзником — крестьянством. Вместе с интеллигенцией — ее истребляли охотнее всего. И все это — ради диктатуры партии. И вот уже диктатура вышла из уготованных ей рамок, она обратилась против самой партии — во имя диктатуры Вождя, личности божественной.

Берия прошел эту трансформацию вместе со Сталиным, хотя и принадлежал к более молодому поколению. Он воспринял доктрину всеохватного насилия органически, как единственно возможный и плодотворный метод правления.

Необозримы преступления, совершенные им под сталинской дланью, рядом с генсеком. Ныне, спустя десятилетия, многие спрашивают: "Мог ли совершить подобное нормальный человек?"

В то время мог. Ибо само время тогда стало преступным. Человеческое достоинство, жизнь подданных не стоили в то феерическое время ровным счетом ничего. Существование целых народов зависело от минутного каприза тирана.

Поэтому разговоры о психологической патологии Сталина и Берии оставим досужим украшателям истории.

Сколько их, успешно стряпающих карьеру на крови народной! Всеми средствами пытаются они погасить, исказить в глазах новых поколений историю, залить лаком зияющие раны прошлого. Им на потребу придумана директива, вроде бы не рекомендуемая заниматься украшательством и в то же время осуждающая так называемых очернителей.

Удобная формула, легко растяжимая.

Всей силой памяти обрушиться на палачей прошлого, дабы они не плодили неправду в наше время, — в этом мне видится долг честного историка".

Конец Берии — один из самых темных эпизодов в советской истории. Официального его изложения никогда не было опубликовано, если не считать нескольких строк в газетах, сообщавших только о самих фактах ареста и казни. Практически все, что нам было до сих пор известно об аресте Берии, мы знали только со слов Н. С. Хрущева. Однако в разное время Н. Хрущев рассказывал об этих событиях по-разному. Версия Н. Хрущева в целом не противоречит, вплоть до момента ареста, версии, изложенной А. Антоновым-

Овсеенко, хотя последний добавляет к рассказу огромное количество важных, ранее неизвестных деталей. Серьезные расхождения появляются в изложении событий, последовавших непосредственно за арестом. Н. Хрущев говорит, что Берия был тут же расстрелян, а судим посмертно. Правда, в разное время Н. Хрущев называл разных исполнителей "приговора" — то это был генерал Москаленко, то Микоян (наиболее невероятный вариант), то сам Хрущев. Есть даже версия, по которой Берия был задушен Микояном и Молотовым при помощи генералов.

Изложение тех же событий, сделанное А. Антоновым-Овсеенко на основании рассказов военных — непосредственных участников ареста, суда и казни, представляется гораздо более правдоподобным. Обилие деталей делает рассказ довольно убедительным. Трудно, конечно, поручиться за его полную достоверность. Однако важно бережно сохранить все имеющиеся свидетельства, чтобы будущие историки, тщательно их исследуя, могли восстановить подлинную картину событий — если такое вообще когда-либо окажется возможным.

Подробности ареста и казни Берии важны, конечно, не сами по себе, — в конце концов, не так уж существенно, кто фактически пустил пулю в лоб убийце. Важно то, что они воссоздают атмосферу на верхах власти "диктатуры пролетариата", высвечивают механизм ее функционирования. Всегда полезно знать, кто и как тобою правит.

Странная ситуация сложилась на верхних ступенях власти после смерти Сталина. Хрущев, занимавший пост первого секретаря ЦК, не был первым в Президиуме ЦК. Здесь все решали Берия с Маленковым. Прежние фавориты Сталина — Молотов, Каганович, Ворошилов, Микоян — не могли противостоять могущественному тандему и подкрепить позиции Никиты Хрущева. Да и не хотели. Кабинетные интриганы, многоопытные карьеристы, они никогда не доверяли друг другу, ревниво следили за каждым шагом соперника, их ничего не объединяло. Впрочем, нечто общее в них было — жажда власти и страх утраты власти.

Занимая кресло первого секретаря, Хрущев мог, опираясь на партийный аппарат, на многолетнюю традицию, добиться от функционеров — в центре и на местах — беспрекословного подчинения своей воле. Но он не смел. А Берия выжидал.

Весной пятьдесят третьего в Президиуме ЦК установилось некое зыбкое равновесие сил. Кто нарушит его первым?

Берия начал готовить почву для генеральной перетряски верховного органа партии. У него был верный, как он думал, помощник — Маленков, с его богатым опытом и прочными связями в центральном аппарате. Он опирался на всеильные Органы кары и сыска и мог уповать на разрозненность членов Президиума. Кто сможет ему противостоять?

В мае из Киева прибыл один из старых сослуживцев Хрущева. Он принес партийному вождю тревожную весть: органы безопасности и внутренних дел Украины получили секретный циркуляр о мобилизации всех сил и переходе на режим боевой готовности. Циркуляр был направлен из МГБ, но ведь Органы курировал Лаврентий Берия, директива исходила от него.

Никита Сергеевич не блистал ни умом, ни прозорливостью, зато природа наделила его могучим инстинктом самосохранения. Вызвав под благовидным предлогом кое-кого из провинции, он установил, что секретный циркуляр послан не только на Украину. Сколько лет жил он, партийный секретарь Никита Хрущев, под Сталиным, дрожа и пресмыкаясь, на положении не то шута, не то лакея. Теперь вот — Берия...

Но как проникнуть в его планы? И будто сжалившись над незадачливым партвождем, судьба послала ему двух перебежчиков из лагеря противника. Министр госбезопасности Иван Серов и министр внутренних дел Сергей Круглов, взвесив шансы своего шефа, — а весами они располагали точными, — решили выдать его с головой. Они доложили Никите Сергеевичу все, что знали о намерениях Берии, обрисовали оперативный план вооруженного путча, диспозицию частей, назвали имена заговорщиков. В уголовном мире это называется "заложить со всем бутером".

С этого дня Хрущев зауважал Серова, а заодно и Круглова. Наивный простака. Где ему было знать, что, сложишь обстоятельства иначе, эти подручные Берии вместе с ним вырезали бы весь пестрый курятник, то бишь сталинское Политбюро. И если министры сочли за благо изменить сегодня дорогому Лаврентию Павловичу, то они имели в виду лишь свое личное благо. Захватив абсолютную власть, что сделает с ними Берия? Верные ему выходцы с Кавказа, все эти кобуловы-деканозовы, давно уже точат кинжалы...

В этих рассуждениях Серова и Круглова был свой уголовный резон. Перед Хрущевым встала альтернатива: ударить немедленно, опередив заговорщиков, или уйти в тень, отказаться от борьбы, от всего. Отдадим должное отваге Никиты Хрущева. Он выбрал действие.

Первым делом надо было собрать в кулак членов Президиума ЦК — решить самую трудную задачу. Как он сам впоследствии рассказывал, ни один из бывших подручных Сталина не был надежным, твердым человеком. Сказывалась многолетняя школа. Молотов — "тот еще тип" (подлинное выражение Хрущева). Маленков — близкий друг Лаврентия Берии. Ворошилов — трус и подхалим. Каганович — никогда не знаешь, куда он повернет, к кому примкнет в последний момент Лазарь-лицедей. Можно положиться на Булганина, но как он поведет себя в случае отказа остальных?

Хрущев знал, конечно, что служба постоянного подслушивания охватывает не только кабинеты членов ЦК и Президиума, ее шупальцы проникли в квартиры, на дачи, в личное авто. А телефонные разговоры, переписка партсановников издавна подпали под неусыпный контроль Лубянки.

Он начал с Николая Булганина, министра обороны. Армия — единственная сила, способная сломить дивизии охранников. С Булганиным Хрущев сошелся еще в последние годы жизни Сталина. Вместе с Булганиным терпели унижения от Берии, вместе решили держаться теперь. Разговаривали на даче, в саду.

С Анастасом Микояном Хрущев выехал за город в машине, оставил авто на шоссе и совершил с ним ответственную прогулку по лесной опушке. Микоян юлил: "Я знаю Лаврентия Павловича с 1919 года, на моих глазах он вырос в крупного партийного работника. Нельзя же вот так вдруг убирать заслуженного деятеля... Пусть ему укажут на ошибки... Он учтет товарищескую критику..." Пришлось Хрущеву говорить с Микояном еще раз, когда почти все уже примкнули к первому секретарю.

Переговоры с Молотовым прошли, против ожидания, гладко. За несколько дней до поездки с Хрущевым за город, служба госбезопасности, не уведомив Вячеслава Михайловича, сменила его личную охрану. Молотов давно с тревогой и подозрением присматривался к этой нечистой паре, Маленкову-Берии. Они оттеснили его на второй, нет, на самый задний план и теперь готовят нечто худшее. Он был непоколебимо туп, многолетний сподвижник Сталина, но инстинктом самосохранения природа его тоже не обделила. Обещав свою поддержку Хрущеву, Молотов предполагал, что тот одним ударом покончит и с Берией, и с Маленковым. Но Никита Сергеевич надеялся разорвать прочный танDEM. Да и так ли уж прочен он был? Разве Маленкову наравне со всеми не грозила скорая расправа от руки Берии?

Хрущев опасался решительного разговора с Маленковым: вдруг выдаст с головой? Но лишь только он приступил к этому щекотливому делу, как Маленков сразу же принял их сторону (согласился встать на сторону большинства). В тот же день Хрущев предложил ему пошупать Ворошилова. Сам он не мог надеяться на успех.

Маленков отправился на Воздвиженку. Председатель Президиума Верховного Совета не ожидал такого поворота событий.

— Что вы мне предлагаете? Лаврентий Павлович замечательный ленинец! Я всегда уважал Лаврентия Павловича, и никто меня не переубедит!

— Да не вопи ты, ради Бога, — остановил его Маленков. — Здесь никого нет, кроме

нас с тобой. Ты же ничего не знаешь, с нами все члены Президиума ЦК. Если мы не примем экстренных мер, он передумает нас поодиночке, неужели непонятно?..

Бывший луганский слесарь, а ныне маршал, сразу сник. — Да, я давно опасаясь этого человека. Он способен на все. Надо действовать. Считайте, что я с вами, — так и скажи Никите Сергеевичу.

Как только было достигнуто единство в Президиуме, Булганин с Жуковым приступили к мобилизации сил. Но как создать мощную боевую группу войск на подступах к Москве и в самой столице скрытно от агентов Берии? Начальник Генерального штаба, генерал армии Сергей Штеменко — это его ставленник и давний осведомитель. Генерал Павел Артемьев, командующий МВО, тоже верный слуга Берии. Ранее он командовал дивизией внутренних войск НКВД. Генерала Артемьева министр обороны удалил из Москвы под благовидным предлогом — на летние маневры. Они уже начались в районе Смоленска.

День ареста Берии был намечен на 26 июня. На этот день было назначено совместное заседание Совета Министров и Президиума Верховного Совета. Как только Лаврентий Берия явится на заседание в Кремль, будут подняты по боевой тревоге все военные академии, и в столицу войдут особо надежные дивизии — Пролетарская и Кантемировская.

В Реутове, в нескольких километрах от Москвы, дислоцировались две дивизии корпуса внутренних войск имени маршала Лаврентия Берии. Их окружают по приказу министра обороны. Один полк бериевских войск размещался в Лефортовских казармах. Казармы решено было заблокировать.

Все члены Президиума ЦК знали о предстоящем заседании в Кремле, но только трое — Маленков, Булганин и сам Хрущев — знали о том, что произойдет на этом заседании, каков общий план операции. И еще один человек был посвящен во все детали дела — маршал Жуков. Но он был всего лишь кандидатом в члены ЦК.

И вот он настал, этот день. Комендант Кремля генерал Веденин вызвал из-под Москвы полк, которым командовал его сын. Школа курсантов имени ВЦИК была поднята в ружье, Кремль буквально наводнен войсками.

Достоверная картина ареста и казни Берии не могла бы быть воссоздана без правдивых свидетельств военных. К счастью, они сохранились.

В намеченный день, в час дня Никита Хрущев позвонил командующему войсками противовоздушной обороны (ПВО) Москвы генералу Кириллу Семеновичу Москаленко по кремлевской вертушке:

— У тебя есть верные люди? Такие люди, которым ты доверяешь как мне?

Москаленко: Найдутся, Никита Сергеевич. А сколько таких людей нужно?

Хрущев: Возьми с собой четырех человек. И пусть прихватят сигары.

Москаленко: Какие сигары?

Хрущев: Ты что, забыл, как это называлось на фронте?

Генерал вспомнил. Первый секретарь имел в виду револьверы.

Хрущев: Во дворе Генерального штаба тебя с людьми будет ждать Булганин. Поторопись.

Москаленко тотчас же вызвал адъютанта для поручений Виктора Юферова и сообщил о задании Хрущева. Он спросил полковника: "Как ты думаешь, можно положитьсь на Батицкого?"

Павла Федоровича Батицкого, первого заместителя командующего войсками ПВО, Юферов знал как надежного человека, боевого генерала. Адъютант добавил, что можно вполне положиться на Алексея Ивановича Баксова, начальника штаба.

— Кого бы нам еще прихватить? — спросил Москаленко. Юферов назвал Ивана Григорьевича Зуба, начальника политуправления войск ПВО. Москаленко вызвал Батицкого и Баксова. Зуб оказался дома, он обедал. Решили заехать за полковником Зубом по дороге в штаб ПВО, который помещался в доме № 33 по улице Кирова.

В машине Москаленко предложил предупредить Зуба по телефону. Остановились около магазина "Динамо", и Юферов с папкой в руках вышел из авто. Он позвонил на квартиру Зуба из кабинета директора магазина. Позднее, когда все было кончено, Москаленко признался, что пока Юферов находился в магазине, он перетрусил: а вдруг операция сорвется и всех накроют?..

Полковник Зуб жил на улице Валовой, рядом с Павелецким вокзалом. Он уже стоял у подъезда своего дома. Поехали впятером, не считая шофера. Черный автомобиль марки ЗИС-110 вмещал шесть пассажиров, в салоне было два откидных места.

Во дворе Генерального штаба группу Москаленко встретил маршал Булганин. С ним — порученец Безрук. (Полковник Федор Тимофеевич Безрук был начальником охраны министра обороны.) Пересели в автомобиль министра, в такой же ЗИС-110. Безрук — рядом с шофером, Булганин на приставное место слева, Юферов — справа, остальные — сзади. Уместились восьмером.

— В Кремль, — распорядился Булганин.

Когда подъехали к Троицким воротам, Булганин предупредил: "Не высовывайтесь."

Действительно, выглядывать из окон не было резона, пропуска были не у всех.

Благополучно проскочили часовых, подкатили к особому правительственному подъезду, — это называлось "с уголка" — поднялись на второй этаж. Вот и кабинет № 1, здесь когда-то сидел Сталин. Сейчас здесь заседал Президиум ЦК. Булганин вошел в кабинет, остальных провели из комнаты секретаря в смежный кабинет, напротив. Там находилось человек пятнадцать-двадцать — работники ЦК, несколько генералов и маршал Жуков. Держались все непринужденно, шутили, рассказывали анекдоты... К группе Москаленко подошел Жуков, поздоровался и спросил:

— Вы знаете, кого вам предстоит арестовать?

— Не знаем, но догадываемся, — ответил Москаленко.

В этот момент появился Хрущев. Он подошел к Москаленко:

— Вам придется брать одного из членов Президиума. Возможно, он будет вооружен...

Хрущев остановил взгляд на рослых, могучего сложения Батицком и Юферове:

— Вы и вы подойдите к нему — вам скажут когда — и возьмите его.

Юферов: Что, и стрелять можно?

Хрущев: Нет, его надо оставить для следствия. Оружия не применять. Пока все остаются здесь. Когда услышите два длинных звонка, направляйтесь к нам, на заседание. Проходите прямо в кабинет, мимо секретаря, не обращайте внимание ни на кого.

Хрущев вышел и отправился на заседание. Берия явился на заседание одним из последних, занял свое место и спросил: — Какая повестка дня заседания Совмина?

— Это не заседание Совмина, — ответил Хрущев. — А вопрос стоит один: о Лаврентии Павловиче Берии.

И, обратившись к Маленкову, добавил: — Докладывай.

...Прошло не более четверти часа, и в кабинете, где находились военные, раздались два продолжительных звонка. Военные открыли дверь, навстречу им встал секретарь. Пятеро, минуя его, прошли в кабинет напротив. За ними следовал маршал Жуков.

Вожди сидели за большим Т-образным столом, на председательском месте — Маленков, по правую руку — Хрущев, рядом с ним — Булганин, ближе к двери, наискосок от Маленкова — Берия, напротив Лаврентия Павловича — Ворошилов.

Вошедшие встали слева, ближе к Булганину, за спиной Берия. Маленков заканчивал чтение документа: "...Как видите, товарищи, Берия оказался не только врагом внутренним, но и врагом в международном плане. Предлагается немедленно его арестовать и передать в руки этих товарищей".

Батицкий обнажил свой парабеллум, Юферов — ТТ.

Берия сидел, опустив голову, и нервно писал что-то карандашом на листе бумаги. Потом оказалось, что он писал лишь одно слово "тревога", повторил это слово девятнадцать раз. Наконец Берия поднял глаза, военные уже стояли подле него — Юферов по левую руку, Батицкий по правую. Руки Юферова скользнули сверху вниз по карманам арестованного.

— Оружия у меня нет, — сказал Берия и поднял руки.

Батицкий и Юферов с обнаженными пистолетами предложили Берии пройти в комнату отдыха, — она примыкала к кабинету слева. Посадили министра на диван, встали рядом. Москаленко, Баксов, Зуб расположились на стульях в углу, возле круглого столика и тоже обнажили оружие. Командующий достал свой вальтер.

Было уже два часа пополудни.

Батицкий: Снимите с него пенсне.

Юферов исполнил приказание

Берия: Как же я теперь буду видеть? У меня слабое зрение...

Батицкий: Нечего тебе смотреть. Ну-ка, покажи, что у тебя в карманах.

Берия достал носовой платок и записную книжку.

Берия: Убери свою пушку.

Батицкий: Ничего, она еще пригодится.

Москаленко: Послушайте, Батицкий, с ним не следует сейчас разговаривать.

Берия замолчал и принялся тщательно разглаживать руками стрелки брюк и стряхивать с них пылинки. На нем был серый поношенный костюм, под пиджаком — белая сорочка без галстука.

Через некоторое время в комнату вошли начальник штаба танковых войск генерал Андрей Лаврентьевич Гетман и командующий ракетными войсками генерал Иван Митрофанович Неделин. Их прислали в помощь Москаленко.

В комнате отдыха военные пробыли с арестованным до полуночи. Это были тревожные часы, никто не знал, чем все кончится...

Москаленко тем временем отдавал распоряжения — уже на правах командующего Московским военным округом. Прежний командующий, генерал Артемьев, был уже смещен.

Члены Президиума ЦК отправились в тот вечер в Большой театр. Давали оперу "Декабристы".

Один Ворошилов оставался в Кремле. История сохранила фотографию: Берия с Ворошиловым стоят в обнимку, словно братья. Так оно и было — вину за миллионы убитых они разделили по-братски. Но Клим всегда ненавидел удачливого Лаврентия и боялся его. Трусоватый маршал тужился предугадать ход событий, ведь могущественного чекиста могли выручить его давние дружки, тот же Иван Серов, новый министр госбезопасности. Напрасно Никита Сергеевич ему доверился. И когда в полночь Берия, наконец, вывели из комнат Президиума ЦК, Ворошилов был тут как тут. Он искательно заглядывал в глаза рослым конвоирам. Полковник Юферов оставил свою фуражку в кабинете секретаря на вешалке и, проходя мимо, хотел ее достать. Услужливо подскочил Ворошилов: "Сейчас я тебе, голубчик, подам..."

Надо сказать, что по указанию Хрущева и Булганина каждому офицеру-охраннику ГБ с утра был придан армейский офицер. Гебистам пояснили, будто это входит в план репетиции военного положения. Так они и стояли парами, на каждой лестничной площадке, у каждой двери. К вечеру гебисты куда-то исчезли, остались одни армейские офицеры. Они стояли сдвоенными рядами вдоль всех коридоров. Берия провели сквозь строй и посадили в машину Булганина. Арестованного поместили на заднее сиденье. Батицкий сел слева, Юферов — справа. На всякий случай Юферов сунул дуло пистолета под ребра Берии. А он смотрел по дороге в окно, явно любопытствуя — куда его везут.

Москаленко сидел рядом с шофером, Баксов и Зуб заняли откидные места.

Машина помчалась по набережной к Абельмановской заставе, повернула налево. Вот и Алешинские казармы, здесь уже ждал вновь назначенный комендант города генерал Иван Колесников. Он поместил Берию на гауптвахту под усиленную охрану. Начальником караула был назначен генерал Батицкий, ответственными дежурными — Гетман, Зуб, Юферов, Неделин, Баксов. Караул несли офицеры из войск ПВО Москвы.

Ночь Берия провел на гауптвахте. На другой день, в 12 часов, в казармы прибыли новый министр внутренних дел Круглов и министр госбезопасности генерал Серов. Заметив высоких визитеров, Москаленко бросил сопровождавшему его полковнику: "Как они здесь очутились, эти сволочи?"

Генерал спросил у прибывших: "Что вам здесь нужно?"

— Они прибыли для проведения следствия, — ответил за них комендант.

Москаленко: Какого еще следствия? Убери их отсюда сейчас же! (Прибывшим.) Кто вас сюда пригласил? Я головой отвечаю за Берию. (Коменданту.) Выведите отсюда посторонних.

Серов: Мы не посторонние.

Москаленко: Вас никто не уполномочивал.

Серов: Нас послали сюда для того, чтобы начать следствие.

Москаленко: Мне об этом ничего не известно. Никто вам таких полномочий не давал.

Серов с Кругловым уехали, а Москаленко с полковником-порученцем поспешили к Маленкову. Генерал доложил премьер-министру об инциденте. На экстренном заседании Президиума было решено перевести Берию в штаб МВО. Следствие по делу Берии и его подручных поручено генеральному прокурору Руденко и генералу Москаленко. Прокурор привлек к работе следователя по особо важным делам.

Штаб МВО находился в Комиссариатском переулке, около набережной реки Москвы. Вечером 27 июня туда прибыл Булганин. Мощное железобетонное укрытие, построенное на случай войны, комнаты без окон, толстые стены... Булганин остался доволен осмотром бункера, и ночью бывшего министра, бывшего члена Политбюро перевезли на новое место. Как и в первый раз, его сопровождали в автомобиле ЗИС Москаленко с четырьмя помощниками.

Берию поместили в небольшую комнату площадью не более двенадцати квадратных метров. Койка, табуретка, — вот и вся мебель. Там же, в бункере, проходило следствие. Особый кабинет отвели генеральному прокурору.

Москаленко находился в штабе округа неотлучно. И ночевал там, вместе с Юферовым. На охране штаба дежурили танки и бронетранспортеры.

Берии пришлось сменить серый костюм на солдатское обмундирование — хлопчатобумажную гимнастерку и брюки. Еду арестованному доставляли из гаража штаба МВО — солдатский паек, солдатская сервировка: котелок и алюминиевая ложка.

Первые дни Булганин звонил в бункер каждую ночь после 12 часов: — Как дела? Все спокойно? Как себя ведет арестованный?

Если генерал Москаленко уже спал, Булганин получал информацию от полковника Юферова, который постоянно дежурил в одном из подземных кабинетов. ("Ты не буди Кирилла Семеновича", — просил министр.)

Берия надумал написать Маленкову. Ему разрешили. "Георгий разве ты меня не знаешь меня забрали какие-то случайные люди хочу лично доложить обстоятельства когда вызовешь".

Заглавные буквы Лаврентий Павлович почему-то не жаловал, знаки препинания не признавал.

Вторая записка была короче: "Георгий почему ты молчишь".

Обе записки — карандашом, на четвертушках бумаги — остались у Хрущева.

На следствии Берия вел себя вызывающе, признавался только в тех преступлениях, которые прокуратуре удалось установить и подкрепить неопровержимыми уликами.

Следствие длилось полгода. Документы, свидетельские показания, протоколы допросов составили девятнадцать томов. По делу проходило семь соратников: кроме самого Берии — Владимир Деканозов, Всеволод Меркулов, Лев Влодзимирский, Павел Мешик, Сергей Гоглидзе, Богдан Кобулов — ничтожная часть бериевской армии головорезов¹.

Наконец Берии предложили ознакомиться с обвинительным заключением. Когда Руденко приступил к чтению объемистого, страниц на сто, документа, Берия заткнул уши. Прокурор потребовал объяснений.

Берия: Меня арестовали какие-то случайные люди... Я хочу, чтобы меня выслушали члены правительства.

Руденко: Вас арестовали согласно решению правительства, и вы это знаете. Мы заставим выслушать вас обвинительное заключение.

Берию отвели в камеру и перестали кормить.

Всего один день выдержал без пищи негибаемый сталинский нарком, потом запросил обед и выслушал обвинительное заключение.

Суд проходил на первом этаже здания штаба округа. Председателем Специального судебного присутствия Президиума Верховного Совета СССР был маршал Конев, государственным обвинителем — Руденко.

Суд занял 6 дней — с 18 по 23 декабря 1953 года.

Из Грузии пригласили заместителя председателя Президиума Верховного Совета республики Кучаву. Когда он ознакомился с материалами дела, ему на глаза попался странненький список женщин, изнасилованных Берией.

— Ради Бога, не оглашайте имен! — взмолился Кучава. — Три четверти в этом списке — это жены членов нашего правительства. Что будет, что будет...

Казнили приговоренного к расстрелу в тот же бункере штаба МВО. С него сняли солдатскую гимнастерку, оставили белую нательную рубашку. Скрутили веревкой сзади руки и привязали к крюку, вбитому в деревянный щит. Этот щит предохранял присутствующих от рикошета пули.

Прокурор Руденко зачитал приговор.

Берия: Разрешите мне сказать...

Руденко: Ты уже все сказал. (Военным.) Заткните ему рот полотенцем.

Москаленко (Юферову): Ты у нас самый молодой, хорошо стреляешь. Давай.

Батицкий: Товарищ командующий, разрешите мне. (Достаёт свой парабеллум.) Этой штукой я на фронте не одного мерзавца на тот свет отправил.

Руденко: Прошу привести приговор в исполнение.

Батицкий вскинул руку. Над повязкой сверкнул дико выпученный глаз, второй Берия прищурил. Батицкий нажал на курок, пуля угодила в середину лба. Тело повисло на веревке, стянувшей руки.

Казнь свершилась в присутствии маршала Конева и тех военных, что арестовали и охраняли Берию.

¹

Все названные лица сделали в "органах" большую карьеру, занимая ряд крупных постов. В момент ареста В. Г. Деканозов занимал пост министра внутренних дел Грузии (он известен также своей ролью в установлении дружеских отношений с нацистской Германией и в оккупации независимой Литвы). В. Н. Меркулов в момент ареста был министром госконтроля СССР, в прошлом занимал в НКГБ—МГБ ряд важных постов. Последние посты, занимавшиеся прочими подсудимыми, таковы: П. Я. Мешик — министр внутренних дел Украины; Б. З. Кобулов — заместитель министра внутренних дел СССР; С. Я. Гоглидзе — начальник Управления внутренних дел на Дальнем Востоке; Л. Е. Влодзимирский — начальник следственного отдела по особо важным делам МВД СССР. — *Прим. ред.*

Подозвали врача. "Что его осматривать, — заметил врач, — он готов. Я его знаю, он давно сгнил, еще в шестьдесят третьем болел сифилисом". Все же он взял повисшую руку за кисть, взглянул на лицо казненного. Оставалось засвидетельствовать факт смерти.

Тело Берия завернули в холстину и отправили в крематорий. Туда же отвезли тела казненных в тот же день на Лубянке подручных Берии.

Осталось добавить рассказ маршала Конева, который дошел до нас в передаче поэта Твардовского.

17 мая 1953 года было намечено выступление советского представителя в Берлине. ЦК направил туда Лаврентия Берия. В его отсутствие Хрущев хотел провести заседание Президиума ЦК, на котором и решить судьбу могущественного министра. Кто-то предупредил Берия, он позвонил из Берлина Хрущеву и спросил о повестке дня. — Ничего особенного, текущие дела... — успокоил первый секретарь.

Но Берия все же прилетел в Москву перед началом заседания 19 мая. Хрущев с Маленковым решили отложить операцию: не все еще было готово. Особые опасения вызывала позиция одного из старейших членов Политбюро Анастаса Микояна. С ним ведь Хрущеву пришлось беседовать дважды. По всему было видно, что Анастас готов присоединиться к большинству, но содержит ли он слово? И Ворошилов оказался трусом. Вдруг еще кто-нибудь начнет колебаться в последнюю минуту?.. Своими опасениями Хрущев поделился с Маленковым.

Лишь через месяц, 26 июня, состоялось памятное заседание Президиума. Председательствовал Маленков. Он предоставил слово Хрущеву. Первый секретарь обвинил Берия в преступлениях против партии и государства, напомнил выступление Григория Каминского на пленуме ЦК в 1937 году. Каминский сообщил тогда все, что ему было известно о службе Берии в муссаватистской разведке, о предательских связях с англичанами. Хрущев прямо обвинил Берия в гибели Каминского. И вообще, Берия уничтожил многих видных партийных деятелей. Затем Хрущев остановился на подозрительных перемещениях в МВД и особо — на смене личной охраны членов Президиума ЦК. С кем Берия согласовывал эти мероприятия?

"Я не могу больше называть Берия коммунистом. Он является карьеристом, вредным, опасным человеком, ему не место в нашей партии", — закончил Хрущев.

После него выступали Булганин, Молотов, другие члены Президиума. Все высказались за исключение Берии из партии. Один Микоян выбился из ансамбля. Старый лис просил не торопиться с оргвыводами. Берия — не безнадежный человек, он осознает свои ошибки, он учтет товарищескую критику, его можно проверить на новой работе, нельзя же так, сразу...

Как вспоминал Конев, Маленков предоставил еще раз слово Хрущеву. В этот момент вошли военные во главе с генералом Москаленко, и Хрущев предложил арестовать Берия.

Никита Хрущев в своих воспоминаниях, устных и письменных, не обошел молчанием этих событий, но его свидетельства — это собрание разных, порой совершенно несовместимых версий, нелепых подробностей. Это рассказы человека, лишенного чувства ответственности перед историей.

Один старый коммунист, которому Хрущев также рассказывал историю ареста Берии, спросил:

— Никита Сергеевич, ну а если бы не удалось взять Берия на этом заседании?

— Если бы у меня что-нибудь сорвалось, я бы его тут же уложил наповал. У меня в кармане лежал заряженный пистолет. ●

СПОРЫ О ТОТАЛИТАРИЗМЕ

1.

Некоторые полагают, что термин "тоталитаризм" был изобретен в сороковых и пятидесятых годах XX века сторонниками холодной войны, чтобы уподобить Сталина Гитлеру. В действительности же это понятие восходит к двадцатым годам, когда его впервые начали употреблять итальянские антифашисты. Как бы удивительным это ни казалось, но сам Муссолини посвятил идее тоталитаризма целую статью (хотя итальянцы "изобрели" само понятие тоталитаризма, их роль в практическом его осуществлении незначительна; среди всех великих диктатур нашего века итальянский фашизм был наименее тоталитарным).

Впоследствии понятие "тоталитаризм" широко употреблялось социологами (главным образом, беженцами из нацистской Германии). Этим же понятием часто пользовались писатели левой ориентации (Троцкий, Отто Бауэр, Рудольф Гильфердинг и др.).

Эти писатели — антифашисты и марксисты — подчеркивали (вполне обоснованно, с моей точки зрения), что хотя разные формы диктатуры и тирании восходят к древнейшим временам, существует принципиальное различие между историческими формами деспотизма и диктатурами, возникшими после окончания Первой мировой войны. Традиционные диктатуры не прибегали к пропаганде и другим средствам контроля над обществом (включая и террор) в том масштабе, как это практиковалось в XX веке. Прежние традиционные тираны не пытались мобилизовать массы. Идеология играла значительно меньшую роль, чем в диктатурах нашего века. До возникновения коммунизма и нацизма не существовало монолитной партии, образующей единое целое с государством. И хотя в "традиционных" диктатурах правовой порядок в той или иной степени нарушался, дело никогда не доходило до фактической его ликвидации, как это наблюдается теперь при тоталитарных режимах. Вполне резонно считать тоталитарным любой режим, где на выборах за единственную партию в стране голосует 99% населения. В традиционных диктатурах, часто возникавших на протяжении истории, никто не пытался заставить голосовать всех граждан, осуществляя на них нажим или фальсифицируя подсчет голосов. Прежние диктатуры просто не считали нужным добиваться псевдозаконности. Определение современного тоталитаризма путем сравнения его с "традиционными" диктатурами может показаться упрощением. Тем не менее этот подход ничуть не хуже, а может быть, даже лучше более сложных определений понятия тоталитаризма, встречающихся в литературе последних десятилетий.

Два произведения, опубликованных после Второй мировой войны, в значительной мере способствовали широкому использованию термина "тоталитаризм". Речь идет о книге Ханны Арендт "Происхождение тоталитаризма" (1951 г.) и о более известном в академических кругах произведении Карла Фридриха и Збигнева Бжезинского "Тоталитарная диктатура и автократия" (1957 г.). В обеих книгах понятие "тоталитаризм" было применено к нацистской Германии и коммунистической России. В то время как Арендт заявляла, что нацизм и коммунизм — "по существу идентичные системы", Фридрих и Бжезинский более осторожно считали, что эти режимы "имеют много сходных форм проявления".

Но в обеих этих книгах содержались тезисы, которые не подтвердились более поздними событиями. К ним относятся, например, следующие утверждения: "сущность тоталитарной системы заключается в том, что тоталитарный характер режима постоянно усиливается"; "тоталитаризм как таковой — основная цель режима"; "всесильный вождь — предварительное условие тоталитарного строя".

Когда умер Сталин и "культ личности" подвергся критике на XX съезде КПСС, Арендт пересмотрела часть своих тезисов. Внесли коррективы в свои взгляды также Фридрих и Бжезинский. Через 10 лет после первого издания книги они утверждали, что Гитлер и Сталин представляют собой не норму тоталитаризма, а его крайние формы. Оба соавтора далее подчеркивали, что в их прежних формулировках слишком большое значение придавалось некоторым индивидуальным (личностным) чертам режима, которые сами по себе не определяют сущности тоталитаризма.

Из-за несоответствий между определением тоталитаризма и историческими событиями некоторые историки вовсе отказались от употребления этого термина. Другие ученые пользовались им для описания советского режима с весьма большой осторожностью. При этом указывалось, что при жизни Сталина на Западе подчеркивались лишь черты, общие для нацизма и коммунизма (пропаганда, террор, однопартийная система), но в то же время не учитывались совершенно разные целевые установки нацизма и коммунизма. Критики приравнивания коммунизма нацизму отмечали, что марксизм-ленинизм, декларировавший своей целью "свободу и справедливость", ничего общего не имеет с целевыми установками нацизма и фашизма. Кроме того, эти же историки указывали на несомненные социальные и экономические достижения СССР. Если нынешняя фактическая ситуация отнюдь не оправдывает далеко идущих лозунгов и претензий, выдвинутых советскими руководителями, то — по мнению критиков — все дело во временных затруднениях и недостатках, которые в будущем будут устранены. В отличие от коммунизма, фашизм, утверждали эти ученые, открыто олицетворяет зло. Фашизм или нацизм не меняются путем реформ или в результате внутренней эволюции. Историки, придерживавшиеся подобных взглядов, допускали применение термина "тоталитаризм" к нацистской Германии, но не к коммунизму.

В шестидесятые годы приложение этого термина к коммунизму считалось неуместным еще по другой причине. В Советском Союзе сталинизм был заменен общественным строем, сущность которого еще не могла быть точно сформулирована. Массовые чистки, которые практиковались при Сталине, прекратились. Масштабы ГУЛага уменьшились. К тому же коммунистический монолит больше не существовал. Именно эти изменения как будто опровергали тезисы о коммунистическом тоталитаризме, выдвинутые в пятидесятые годы Арендт и Бжезинским. Ученые уже стали хоронить само понятие коммунистического тоталитаризма.

Тем не менее коммунистические режимы продолжали существовать — независимо от западных концепций. В связи с этим была предпринята попытка определить советский режим и другие коммунистические режимы как формы авторитарного строя.

Но эта попытка с самого начала была обречена на провал. Любая диктатура или даже полудиктатура могут быть названы "авторитарными". Такие совершенно различные формы общественного строя, как монархия Иордании или Марокко, с одной стороны, и диктаторские режимы Пакистана, Индонезии, многих стран Латинской Америки и Африки, с другой, подходят под это определение. Какой же смысл применять термин "авторитаризм" к советскому строю, если он подходит к общественному порядку большинства государств — членов ООН?

Чтобы разрешить эту проблему, западные политологи ввели новые термины для обозначения коммунистических режимов. Были предложены такие понятия, как "ограниченный плюрализм", "неудавшийся тоталитаризм" и др.

В начале восьмидесятых годов наиболее восторженные "ревизионисты" — противники применения теории тоталитаризма к СССР — вынуждены были признать наличие терминологического тупика. Так, например, проф. Стивен Коэн из Принстонского университета в своей книге "Пересмотр советского опыта" признал, что ему и его школе советологов не удалось обойтись без термина "тоталитаризм".

Причина неудачи ревизионистов очевидна. Ревизионисты одержали бы победу, если бы десталинизация была доведена до конца, дошло бы до радикального пересмотра прошлого, появились бы безошибочные признаки новых демократических институтов. Тогда даже наиболее консервативные сторонники теории тоталитаризма должны были бы отказаться от применения ее по отношению к Советскому Союзу. Но факты, как говорил Ленин, — "упрямая вещь". Десталинизация была приостановлена и позже даже частично пересмотрена; советские политические институты не были подвергнуты фундаментальному изменению, и советский строй, по-прежнему, является абсолютной диктатурой.

Вопрос о применении понятия "тоталитаризм" к постсталинской эре в СССР имеет два аспекта. С одной стороны, первоначальная модель тоталитаризма (как например, у Ханны Арендт и Збигнева Бжезинского) не полностью соответствует реальной действительности. С другой — попытки использовать вместо понятия "тоталитаризм" какое-то иное, совершенно новое, потерпели крах.

2.

Что же получается? Если термин "тоталитаризм" нельзя в равной мере применить к позднему сталинизму, с одной стороны, и к режиму Горбачева, с другой, или к режиму КНР при Мао и к Китаю наших дней, к Венгрии пятидесятых годов и к современной Венгрии, то, быть может, существует целый спектр тоталитаризмов?

Ведущие западные ученые затратили много труда на решение этой проблемы, и тем не менее не сумели прийти к единому мнению. Западногерманский историк Карл Дитрих Брахер, авторитет по истории прихода нацистов к власти, до сих пор не видит никакой причины отказаться от применения термина "тоталитаризм" как к нацизму, так и к коммунизму. Брахер называет четыре критерия режима, который может быть назван тоталитарным: 1) централизованное и иерархически организованное массовое движение; 2) контроль над средствами массовой информации; 3) контроль над экономикой и 4) регулирование социальных отношений.

Тоталитаризм вовсе не является, согласно Брахеру, типичным и исключительным продуктом периода между двумя войнами; наоборот, новейшее усовершенствование технологии представляет современным диктаторам еще больше возможностей для мобилизации масс, промывания мозгов и контроля над обществом.

Помимо этого, указывает Брахер, в современной истории основная линия раздела проходит не между левыми и правыми диктатурами и не между капитализмом и социализмом (несмотря на все существующие между ними различия), но между диктатурой и демократией, между деспотией и свободой.

Отрицание различия между демократией и диктатурой историками — признак их политической слепоты. И тем не менее в двадцатом веке нашлись историки и социологи, не узревшие различия между этими противоположными моделями государственного устройства. Для них наиболее существенным вопросом является не наличие (или отсутствие) политической свободы, а экономическая структура общества. Историкам этого направления коммунистическая диктатура будет казаться "прогрессивной", в то время как демократию, основанную на капитализме, они будут считать "профашистской" или "потенциально фашистской". А так как все демократии, существовавшие до сих пор (может быть, за исключением исландской или ранней швейцарской) основывались

или основываются на капитализме или на смешанной экономике, все они — с точки зрения историков этого толка — чем-то подозрительны.

Брахер сумел также теоретически разграничить тоталитаризм и авторитаризм. В этом плане идеи Брахера совпадают с теориями ведущего американского социолога из Йельского университета Хуана Линца. Брахер и Линц называют три фактора, отличающие авторитарный строй от тоталитаризма: 1) авторитарный режим еще терпит ограниченный плюрализм, в то время как тоталитарное государство не признает никаких политических отклонений; 2) при авторитарном режиме идеология не играет той центральной роли, как это наблюдается в тоталитарных государствах; 3) при авторитарном строе политическое участие масс, организованное сверху, не является — в отличие от тоталитарного — характерной чертой общества.

По-видимому, разграничение между тоталитаризмом и авторитарным строем — наиболее убедительное из всего, что до сих пор удалось предложить историкам и социологам. Конечно, оно тоже не является волшебной палочкой. Линц подчеркивает, что могут существовать промежуточные оттенки между тоталитарным и авторитарным режимами.

Прямомерность теории Линца видна на примере Испании последних десяти лет. Режим генерала Франко не был тоталитарным, несмотря на то, что многие утверждают обратное. Во франкистской Испании не было центральной идеологии и не было массовой политической партии. Франкистский режим на самом деле был старомодной военной диктатурой. Именно поэтому после смерти Франко переход к демократии проходил довольно гладко. В отличие от испанского ни один тоталитарный режим не сумел превратиться — мирным путем — в демократическое государство (демократический строй ФРГ стал возможным лишь благодаря военному поражению нацизма).

Брахер и Линц построили свои теории тоталитаризма на материале изучения фашистских режимов. Для западногерманского философа и социолога Рихарда Левенталья центральной проблемой является коммунистический мир. Подобно Брахеру и Линцу, Левенталь проводит границу между тиранией и свободой. Но Левенталь считает, что Советский Союз и другие коммунистические режимы уже вышли за рамки тоталитаризма — в сторону строя, который им назван "послетоталитарным авторитаризмом" или "авторитарно-бюрократическим социализмом".

Левенталь не утверждает, что в фазе "послетоталитарного авторитаризма" происходит постепенная либерализация. Продолжается сопротивление ценностям западной демократии. Тем не менее, Левенталь видит разницу между стабилизацией послереволюционных однопартийных институтов, с одной стороны, и тоталитаризмом как таковым, с другой.

Оптимистическая оценка Левенталем ситуации в СССР и Китае была подвергнута критике многими учеными, указавшими, что, несмотря на оттепель в обеих странах, тоталитарный айсберг не растаял.

Подобно Левенталю, Пьер Гасснер, автор недавних интересных работ о государственном устройстве в коммунистических странах, считает, что в странах советского блока произошли значительные изменения, но они не достигли той решающей точки, когда трагические события прошлого уже не могут повториться. Новый режим — не авторитарный в традиционном смысле. Он представляет собой, по мнению Гасснера, "тоталитаризм, находящийся в процессе упадка".

По Гасснеру, не имеет никакого значения, верят ли советские руководители в провозглашенные ими революционные цели или нет. Возможно, они никогда в них не верили.

Но при отсутствии истинно демократической законности советский режим продолжает держать страну в состоянии перманентного страха и неуверенности. Чтобы сохранить власть, руководители должны осуществлять контроль над империей и обществом. Этого они достигают ведением постоянной борьбы против влияний извне. В результате

все больше усиливается потребность в идеологии, проповедующей враждебность к внешнему миру. Именно эти оборонительные и консервативные стимулы обуславливают экспансионизм.

Модель тоталитаризма, бесспорно, претерпела изменения. Но попытки заменить концепцию коммунистического тоталитаризма представлением об авторитарном строе оказались обманчивыми. Термин Гасснера "тоталитаризм в процессе распада" представляется вполне приемлемым. Современный тоталитаризм — зрелый и даже порой рациональный — отличен от параноидного сталинизма и сверхагрессивного гитлеризма.

В шестидесятые годы ряд историков и социологов (главным образом из Западной Германии), убежденные антинацисты, утверждали, что прежние взгляды на нацистскую Германию были недостаточно обоснованными. Согласно теориям этих ученых, нацистская политика не была столь монолитной, как утверждалось раньше. Гитлеру не удалось — по мнению этих историков — сконцентрировать всю государственную власть в своих руках.

Спор между историками, подчеркивающими влияние идеологического фактора на политику тоталитарных государств, с одной стороны, и учеными, отрицающими тоталитарный характер нацизма и коммунизма, с другой, еще не закончен. Утверждается, что физически невозможно для одного вождя контролировать все аспекты жизни огромной страны. Так, например, указывается, что Сталин не был в состоянии решать все вопросы, касающиеся организации школьной системы в Узбекистане. А Гитлер не определял нормы производства каменноугольной промышленности в Верхней Силезии. Хотя и нацисты, и коммунисты говорили о том, что "вождь — вездесущ и всеведущ", это было мифом как в Германии, так и в СССР.

Подобные аргументы критиков теории тоталитаризма неопровержимы. Но несмотря на всю эту аргументацию все же следует признать, что ни в нацистской Германии, ни в сталинской России ни одно из важнейших решений не могло быть принято без ведома вождя, а тем более — вопреки его воле. Хотя не все решения могли быть приняты самим вождем, в принципе они могли бы быть приняты диктатором.

Без санкции вождя и руководителя сатрапы власти не имеют. Недавние чистки и перетасовки в Кремле доказывают, что в этом отношении ничего не изменилось. Нет никакого основания называть тоталитарное государство "ограниченно плюралистическим" лишь потому, что на самой верхушке ведется борьба за власть.

3.

Дискуссия о нацизме имеет в настоящее время в основном историческое значение. Иначе дело обстоит, когда спор о тоталитаризме касается современного мира и его будущего. Большинство западных ученых, оспаривающих тоталитарный характер Советского Союза и других коммунистических стран, убеждено в том, что СССР вовсе не так опасен, как это изображается приверженцами тоталитарной модели. Другие западные ученые находят в этом оправдание для поддержки марксистских революций в странах Третьего мира.

Определения понятий никогда не бывают совершенными. Классификации, которые, скажем, в области ботаники или зоологии представляют собой большую ценность, в международной политике более проблематичны и не могут претендовать на научную точность. Все демократии (подобно "всем счастливым семьям" Толстого) похожи друг на друга, в то время как тирании, подобно несчастливым семьям, имеют свои характерные различия. Основная задача заключается не в том, чтобы найти замысловатую формулировку, а в том, чтобы понять сущность определенных политических режимов и направления их возможного развития.

После 35 лет анализа и дискуссий мы можем теперь сделать вывод: в Советском Союзе будет подавлено любое инакомыслие, которое подвергает сомнению решения руководства. Основные политические реформы (или революционные сдвиги) невозможны в советских условиях — во всяком случае в ближайшем или обозримом будущем. В этом отношении Советский Союз является пока еще тоталитарным государством, но это вовсе не значит, как это утверждал Александр Зиновьев, что тоталитарный режим СССР будет существовать вечно. Любое историческое явление подвержено изменениям. В ныне непредсказуемых обстоятельствах Советский Союз мог бы — через несколько десятилетий — начать процесс трансформации. Даже в ближайшем будущем в СССР не исключены запоздалые экономические реформы. Легко можно себе представить, что сопротивление властей безобидным западным влияниям (интеллектуального или чисто внешнего характера) прекратится.

Но все же нет никакого основания предполагать, что введение экономических реформ или распространение музыки рок приведут к демократизации советской политики. Причина прекращения "культ личности" и массовых чисток (во всяком случае значительное уменьшение масштаба чисток) сводится к тому, что все эти радикальные меры оказались не только не нужными для усиления власти партийной иерархии, но и угрожали существованию самой партии. Партийное руководство не забыло, что Сталин ликвидировал — в пропорциональном отношении — гораздо больше коммунистов, чем остальных советских граждан. Ни один здравомыслящий советский коммунист не мечтает о возврате этих времен.

КПСС располагает гораздо большим количеством руководящих кадров, чем царский режим. К тому же в современных условиях стало намного легче контролировать массы. Власти Кремля может угрожать только раскол в самой верхушке.

При трезвом анализе следует признать, что в СССР миллионы людей заинтересованы в сохранении существующего общественного порядка. Они сделают все от них зависящее, чтобы предотвратить распад режима. Глубоко ошибаются те, кто предполагают, что недовольство советского народа принимает серьезные масштабы. Люди могут ворчать и жаловаться, но большинство советского населения даже не в состоянии представить себе существование в стране иного режима. В этом отношении Зиновьев прав.

Иное положение в странах Третьего мира. Большинство этих стран — диктатуры. Но за исключением коммунистических режимов в Китае, во Вьетнаме, на Кубе и еще в нескольких других странах, существующие в Третьем мире политические системы еще не достигли социального, культурного и технического развития, при наличии которого тоталитаризм может быть успешно навязан населению. В большинстве стран Третьего мира нет партии и идеологии, способствующих сплочению населения. Правда, в нескольких некоммунистических странах были предприняты попытки установления тоталитарного строя — в Египте при Насере, Сирии при Асаде и Ираке под руководством Саддама Хусейна. Благодаря эффективности тайной полиции и строгому контролю над офицерским корпусом Асад и Саддам Хусейн располагают сильной властью. Но наличие тайной полиции и боеспособной армии еще не достаточно для установления тоталитаризма. Подобные режимы зависят от лидера. Как только он умирает или исчезает, в этих странах становится возможным иное развитие. Названные режимы — авторитарные.

В Восточной Европе и, возможно, в Китае не исключен процесс постепенной эволюции в сторону современной бюрократической автократии. Этот путь не предвидится — в обозримом будущем — в Советском Союзе. Учитывая стремление руководства сохранить власть и страх Кремля, а также большей части населения перед свободой, можно прийти к выводу, что тоталитаризм в СССР пока еще не преодолен.

ГРЯДЕТ ДЕНЬ...

Вопреки богатому уже историческому опыту многие в советской России связывали с новым генсеком надежды на долгожданные перемены, которые бы вывели страну из многолетнего застоя и хоть немного улучшили тяжкую повседневную жизнь. Этих людей было, правда, гораздо меньше, чем во времена приснопамятной хрущевской "оттепели", ибо сильно упало за прошедшие десятилетия доверие к официальным обещаниям. Но безмерна людская надежда, и относительно молодой и с виду энергичный руководитель, казалось, был готов на насущные реформы, без которых великая держава медленно и неотвратимо сползает к отсталости и отчаянию. Прошло всего три-четыре месяца и стало ясно, что граждан ничего не ждет, кроме пустой риторики, знакомой демагогии и новых лозунгов, приправленных забытыми после Хрущева псевдодемократическими жестами. Лишь Запад, как не раз бывало в прошлом, все еще тешит себя иллюзиями, будто тоталитарный строй способен к добровольным и решительным переменам, забывая, что они для него страшны и нежелательны, ибо в конечном итоге подрывают власть правящей элиты.

Предаваясь сладким, но несбыточным мечтам, мало кто следил за тем, изменилось ли в лучшую сторону отношение советской власти к миллионам православных накануне приближающегося великого праздника — тысячелетия крещения. Современному секулярному и политизированному сознанию эта проблема представляется крайне маловажной по сравнению с перемещениями в партаппарате и бюрократическим подновлением громоздкой машины управления. Гораздо больше премудрого советолога интересует назначение второго секретаря Мордовии и Тувы, чем действия госатеизма с целью умалить и омрачить грядущее торжество. Что значит для него всего 15% верующих русских, украинцев и белорусов, большинство которых к тому же пожилые женщины, рядом с ретивой 15-миллионной партийной массой, от коей, похоже, зависит судьба планеты? В расчет эти верующие принимаются только как дополнительная сила, несмотря на то, что именно они выстояли, с Божьей помощью, в том многолетнем истребительном изничтожении, перед которым бледнеют все суровейшие гонения на первохристиан.

Атеистическая власть, сокровенной и главной сутью которой по-прежнему остается богоборчество, после хрущевских гонений, которые должны были сломить нараставшее влияние Церкви, стала настойчиво изводить и разлагать ее изнутри, дабы превратить в конце концов в некое подобие малоприметной богадельни, где покорно-безгласный священник "обслуживает религиозные нужды" тех, кому за шестьдесят. Отгородить Церковь от большинства народа, сделать ее чисто музейным раритетом и держать под неусыпным контролем, чтобы не пробудились в ней новые живые силы, — такую задачу ставили перед собой госатеисты в брежневскую эпоху, эпоху наивысшего расцвета партократии. Если выдавалась возможность, храмы закрывали, но втихую, без шума, новых же не открывали, даже если — как было в Горьком — верующие жаловались в ООН. Безбожная пропаганда велась как-то вяло, механически, но в программы вузов и школ был в эти годы введен атеизм. Кто сидел тихо и веру свою держал при себе, не преследовался, зато ревностных христиан методически чернили, притесняли и сажали. Наряду с правозащитниками и националистами, этих христиан

КГБ причислило к реальным или потенциальным противникам режима и создало для наблюдения за ними особый подотдел.

Но именно в эти годы кажущейся стабильности среди интеллигенции началось "религиозное пробуждение", которое, несмотря на свои ограниченные размеры и противоречивый характер, довольно сильно обеспокоило функционеров, так как развивалось одновременно с правозащитным движением, смыкаясь порой с ним, и параллельно с польскими событиями, которые в условиях так называемого социализма наиболее убедительно показали влияние христианства и Церкви, могущее не только соперничать, но и побеждать партийную идеологию, несмотря на ее внешнюю силу. Аппаратчиков все это заставило не пересмотреть сложившуюся политику в отношении Православной Церкви (она эффективна, потому что жестока, да и зачем отступать без нужды), но несколько скорректировать ее в сторону большей гибкости и формального разнообразия. Коррекция началась недавно и, похоже, еще не закончилась.

Хотя главный принцип этой политики, основанный по-прежнему на откровенных словах Ленина "всякая идея о всяком боженьке... есть невыразимейшая мерзость", остался, разумеется, неизменным, он обогатился некоторыми "современными" нюансами. Православных, например, четко поделили на лояльное советское большинство и на немногих "религиозных экстремистов, пособников и наймитов империализма". К лояльным верующим следует, по возможности, относиться мягко, но без уступок, вежливо, но без послаблений, помня, что граждане они — подозрительные и неполноценные, а к "экстремистам" — как к явным и опасным врагам, которых необходимо всячески выявлять и немедленно изолировать. Граница между обеими категориями проводится очень условно: в столице она одна, в провинции другая, более злобная и произвольная. Если, например, в Тамбове появление нового мужчины в храме — ЧП для органов, то в столицах их беспокойство вызывают лишь долгоживущий православный кружок и влиятельный активист. По этой причине сейчас в провинции возможен исключительно молитвенный (порой великий) подвиг, тогда как общественно-религиозная деятельность (в определенных, конечно, границах) может осуществляться только в немногих крупных центрах.

Упомянутая коррекция, как ни странно, была отчасти вызвана заметным переделом в настроениях атеистической массы. Длительное и упорное насаждение безбожия привело к парадоксально неожиданному результату: многие формальные "атеисты", опомнившись и истосковавшись, стали относиться к вере своих предков с наивной трогательностью и почти романтическим трепетом, испытывая, возможно, неосознанное чувство раскаяния и преклонения перед Всевышним. Эти настроения не сопровождались (большей частью) обращением, но создавали для него нужный и благоприятный фон. В безрелигиозном простонародье, которое и лба-то не умеет перекрестить, (почти) не встретишь прежнего оголтелого атеиста, и отношение к православия в основном равнодушно-нейтральное или сочувственно-любопытное. Если кто вдруг осмелится глумливо заговорить о нем, то наткнется не на поддержку, а на явное или молчаливое осуждение присутствующих. Происходит медленное отрезвление тех, кто раньше своим равнодушием или злобой позволял открыто и нахально атеистам-активистам топтать вековые ценности.

Хотя еще сиротливо стоят заброшенные и полузаброшенные храмы в селах и городах, попробуйте их сломать сейчас — отпор или недовольство будут неизбежны. Возродившийся в народе патристический и национальный дух (оскорбительно прозванный русофобами "шовинизмом"), который как бы исподволь возвысил Православие, теперь особенно ощутим в отношении к памятникам старины, среди коих церкви занимают самое видное место. При Сталине без всяких колебаний и угрызений совести снесли среди прочих храм Христа Спасителя в Москве, великий народный памятник войне с Наполеоном, и даже покушались на все-

мирное чудо — церковь Василия Блаженного. Если бы сейчас попытались взорвать храм Спасителя, то не исключено, что это привело бы к стихийным митингам, как случилось осенью 1986 г., когда в опасности оказался дом поэта Дельвига в Ленинграде. Да и подобная мысль вряд ли кому-либо пришла бы в голову. Хотя общественное сознание, освобождаясь от долгого антицерковного дурмана, еще довольно далеко от мысли не просто сохранять церкви, но открывать их для богослужения, оно, несомненно, развивается в благоприятном для Православия направлении, так как постепенно постигает, что значили и значат его ценности и традиции для всей нации и ее будущего.

Для усиления интереса к этим духовным ценностям немало сделала, сама того не желая, постсталинская официальная культура. Очень живописно и привлекательно показываются в фильмах и телепередачах отдельные православные обряды; рассказы "деревенщиков" — и не их одних — полны ностальгии по отживающим национально-православным традициям; по-прежнему с невиданной жадностью собираются образа и церковная утварь; нарасхват раскупаются дорогие альбомы о древнерусской архитектуре и иконах; все чаще звучит в концертах русская духовная музыка. Несмотря на сопротивление, национальное начало постепенно вытесняет из разных сфер обывденного сознания космополитический и беспочвенный марксизм, хотя он и оставляет в нем свои грязные отметины. Когда-то тысячелетней культуре хотели привить однобокое пролетарское искусство и надуманный соцреализм, но из этого в конце концов мало что получилось. Ныне атеистами делается обреченная тоже на неудачу и нелепая попытка внушить, будто все эти соборы, сказания и иконы, а также светское искусство создал не проникнутый православной верой народ, а некое языческое по природе и сути аморфное сообщество.

Записные госатеисты давно пытаются бороться с этим все усиливающимся процессом самосознания. В июле этого года на внедрившуюся "крамолу" замахнулся в "Комсомольской правде" дубиной доктор философии Кривелев, отчитав за фидеизм Распутина, Астафьева и Айтматова. Нетрудно представить, к каким последствиям еще 30 лет назад привел бы этот истошный окрик, а сейчас он лишь подогрел интерес читателей. Другие газеты не перепечатали этот материал и не начали обличительную травлю. Сейчас вряд ли подобные зуботычины вынутят кого-то даже на самокритику, как еще недавно было с Солоухиным после выступления журнала "Коммунист". Угас в госатеизме боевой задор, вымерли твердые кадры, нет в нем бывшего напора, силы и влияния, и даже простодушный интеллигент-невер косится на него брезгливо-досадливо. Однако не забудем, что он по-прежнему остается важнейшей и краеугольной частью господствующей идеологии и потому мобилизует небольшие резервы, готовясь к юбилею крещения.

Как известно, в стране для празднования тысячелетия были образованы две комиссии: при патриархии и идеологическом отделе ЦК. Первая — для торжеств, вторая — для их всемирного умаления и ограничения. На подмогу привлечены созданные при райкомах и главных идеологических учреждениях т.н. комиссии по контрпропаганде, одна из основных задач которых — борьба с религией в местном масштабе. Раз они существуют, то должны что-то делать. И делать — с натугой и без задора, так сказать, по долгу бюрократической "совести". Весной 1986 года по первому каналу Центрального телевидения начал передаваться ежемесячный журнал "Религия и общество" (хотели, видимо, назвать "и наука", но почему-то постеснялись), который, с одной стороны, "опровергает" западные сообщения об угнетенном положении веры в стране (к сожалению, с помощью прикормленного клира), с другой — создает среди обывателей представление, будто Церковь — это чисто политическая организация, реакционная на Западе, но в СССР — бесполезная в "миротворческой" деятельности, то есть для подрыва западной воли в противостоянии коммунизму.

К юбилею усилился выпуск атеистических брошюр и книжонок для массовых библиотек. По-прежнему выходит в издательстве "Мысль" серия "Научно-атеистическая библиотека", представляющая "классиков" или "союзников" атеизма. В Ленинграде, отняв бумагу у доходной краеведческой литературы, создали атеистическую редакцию, главный автор которой Н.С.Гордиенко печатается тиражами бестселлеров. В этом же городе изобрели и более утонченную пакость. В Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в мае 1986 года втихомолку, всего за несколько дней, была проведена "блестящая операция" — из каталога журнального зала вынуты все карточки с названиями духовных журналов, будто они и не выходили никогда! Библию уже давно везде выдают лишь после долгих препирательств и объяснений, хотя еще не решились передать ее в спецхран.

Готовится, говорят, следующий шаг: выдавать духовную литературу лишь по отношениям учреждений с указанием темы (естественно, атеистической). Если по работе нужно — читай, а без того — зачем тебе блаженный Августин или Феофан Затворник? И это в стране, гордящейся (по праву ли?) числом читающих! Запрет — не случаен, ибо в пору религиозного пробуждения последних лет резко увеличилась в библиотеках выдача духовных книг, которые прежде спокойно пылились на полках. Сразу напомним, что эти книги сохранились только в двух-трех десятках крупнейших книгохранилищ, в остальных же давно уничтожены. Но попробуйте, скажем, в пермской или иркутской библиотеке взять классическую "Историю Русской Церкви" Голубинского. Один раз ее, пожалуй, выдадут без разговоров, но выпишите повторно — и непременно услышите подозрительные вопросы: зачем и для чего? Со святоотеческими творениями лучше не рисковать, попадете в категорию "религиозников", которыми занимаются бездельники из местного КГБ.

"Мелочи!" — воскликнут опровергатели и напомним о Даниловом монастыре в Москве, некогда отобранном, опоганенном, "милостиво" возвращенном и срочно к юбилею восстанавливаемом, дабы увидели иноземные гости, как благоговейно чтит советская власть Православие и его святыни. Вспомнит ли кто при этом, что знаменитая лавра в Киеве, на месте крещения, где в 1888 торжественно праздновался предшествующий юбилей, глумливо обращена в атеистический музей? Вспомнит ли кто, что другая лавра — св. Александра Невского в бывшей столице России — тоже в руках атеистов, за исключением Троицкого собора, перед которым до сих пор красуются пятиконечные звезды на могилах так называемой "коммунистической площадки"? А разве Троице-Сергиева лавра в Загорске полностью принадлежит Церкви?

Кроме нее да новоучрежденного Данилова монастыря, на территории РСФСР в границах 1939 года нет ни одной обители, ни мужской, ни женской. В последнее время появились слухи, что Псково-Печерскому монастырю передадут на Соловецких островах бывший Анзерский скит, где начиная с 1920-х гг. были замучены сотни людей, в том числе священники. Но кто без особого разрешения сможет попасть на этот заповедный и к тому же в погранзоне находящийся остров? Вероятно, поэтому и возвращают этот скит, а не Валаам или Оптину пустынь, хотя они все больше разрушаются. И вряд ли к юбилею вернут еще один прежний монастырь, расположенный даже в самой бездорожной северной глуши.

Во время празднования этого юбилея пропагандисты не преминут, очевидно, упомянуть, сколько открыто православных церквей и молитвенных домов за последние годы (с 1977 г. — 33), естественно, "забыв" сказать, сколько их одновременно закрыто. Не секрет, что местные власти, особенно в провинции, используют любую подходящую возможность, чтобы утешить или "ликвидировать" ненавистное им "место культа". Для открытия же нового храма нужны, как правило, исключительные локальные или политические обстоятельства.

В Брежнев (Набережные Челны) это удалось сделать только после шумной огласки на Западе, да и то молитвенный дом отвели в десятке километров от

самого города. Жители Зеленограда (Крюкова), крупного подмосковного научного центра, давно просят еще об одной церкви, ибо в действующей тесно, но их и слушать не хотят. Белоснежный храм в Зеленогорске под Ленинградом наконец-то восстановили, ибо он стоит на трассе, по которой в страну прибывают многие тысячи туристов. Казалось бы, находка для пропаганды — действующий храм, видный из окна заграничной машины. Да вот загвоздка — негде, оказывается, кроме этой церкви, приютиться архинужному музею курортной зоны! Музей необходим и в восстановленной церкви в Петергофе, православным которого тоже приходится проделывать долгий путь, чтобы помолиться. И это в местах, где есть старые заброшенные храмы! А чтобы выстроить новый в одном из выросших в советское время городов — об этом заикнуться даже страшно. Атеистическая власть не идет пока ни на какие послабления в данном важном вопросе, и вряд ли следует к юбилею ожидать от нее каких-то "милостей".

Где же все-таки открываются храмы? Вдоль китайской границы, где требуется сохранить русское присутствие и не озлоблять население; в бывшей Пруссии, где до сих пор — хотя немцев давно нет — не было ни одной православной церкви; в некоторых станицах и глухих селах, где после долгих хлопот открывают изредка снова церкви, закрытые при Хрущеве. Но что значат эти новые 33 храма по сравнению с почти 10 000 закрытыми в те времена! Некоторые из них за истекшие годы так обветшали, что находятся в аварийном состоянии, что вполне на руку атеистам. Два года назад на Украине было велено снести несколько сот таких "обветшалых" церквей.

Если большинство попыток открыть православную церковь кончается неудачей, то иначе обстоит дело с молитвенными домами баптистов. С того же 1977 года их открыто 300, то есть в девять раз больше! И это не потому, что народ в массе своей отвернулся от родного Православия, а потому, что начиная с революции своим главным врагом атеисты считают Православие (это видно по числу публикаций против него) и баптизм используют для его подрыва. По этой причине ошибочно утверждение, будто у кремлевских вождей Православие находится в какой-то особой чести. Внешне это так, да и то лишь потому, что большинство верующих русских — православные. Изменится пропорция — и патриарх будет жить не в Москве, а в Коломне, не в хоробах, а в скромном домишке.

Положение самой Православной Церкви не столь радужно, как его порой видят заезжие гости, попавшие на благолепную службу в переполненный столичный храм. По словам самих священников, народу по сравнению с предыдущим десятилетием в храме поубавилось из-за происходящей смены поколений. На место вымирающего поколения приходит сформировавшееся в 1930-е гг., когда не то что жить по-христиански, но и произносить имя Христово было крайне опасно из-за разгула самого оголтелого атеизма. Это атеистическое воздействие, несомненно, сказывается на уменьшении числа нынешних прихожан. Главное, однако, состоит в другом — новое поколение слабее предыдущих связано с дореволюционной традицией, которая так укрепляла Церковь во время ее возрождения в послевоенные годы. Сейчас в храмы приходят не только совершенно религиозно невежественные люди, но и пропитанные советскими понятиями и предрассудками настолько, что нуждаются в совершенно особой катехизации. Храм их влечет, но себя они чувствуют в нем не дома, а в гостях и оттого заботятся о нем с меньшей любовью.

Большую тревогу вызывает и продолжающееся оскудение — особенно в северной и средней части европейской России — русской деревни, где всегда крепче города держались христианских обычаев. Умалается, к сожалению, не только деревенское население, но и его вера. В псковской деревне, где около 50 дворов, я насчитал за всю ночь всего 10–12 человек, в воскресенье к ним прибавилось еще 8–9. Так как пьянство и связанное с ним духовное одичание особенно сильно ударило по деревне, то в сегодняшнем деревенском храме крайне редко уви-

дишь мужчину: зачастую это местный юродивый, приезжий или забитый дед. Чтобы церкви не закрывали, сельскому батюшке приходится довольно часто служить в нескольких местах. Удаленные от города приходы — страшно бедны, и батюшки живут в них, едва подчас сводя концы с концами. Порой даже крышу на храме не удастся залатать без архиерейского вспоможения. Диву даешься, откуда среди обывателей все еще ходят легенды о сыто-беззаботной поповской жизни.

С отливом населения из деревень Православие в самой России — так некогда было в позднем Риме — постепенно превращается в преимущественно городскую религию с некоторыми специфическими особенностями. Многие священники, скажем, Курской, Рязанской или Калининской областей живут даже не в областных центрах, а в самой Москве, выезжая из нее только на свою череду. Легко представить, как такой "командированный" батюшка связан со своей паствой и как печется о ней. Начал, увы, исчезать тип сельского пастыря, живущего с народом и в народе, на смену ему приходит горожанин, видящий в деревне место ссылки или временную остановку. Народ это хорошо чувствует и отвечает отчуждением.

Откровенно говоря, несладко жить в советской деревне: уполномоченный больше допекает, власти в основном настроены враждебно, народ вне храма держится пугливо. Батюшка волей-неволей замыкается в храме и дома, общается в основном с клириками и безропотно сносит выходки начальствующих самодуров. Живет он в постоянном напряжении: только бы не поссориться с двадцаткой, которая после злополучной приходской реформы обрела над ним зловещую власть. Чтобы народ не привыкал к своему священнику, епархиальное начальство каждые три-четыре года перебрасывает его на другое место и одергивает, если он начинает много и — упаси Боже — хорошо проповедовать.

Все последние годы Церковь душили прежде всего ее собственными руками. Что архиереи назначаются по согласованию с атеистическим Советом по делам религии, стало считаться нормой, но теперь уполномоченный следит даже за тем, чтобы и в число семинаристов не попали интеллигенты, могущие просто своими хорошими знаниями укрепить Церковь. Партократии нужна не только покорная, но и невежественная Церковь, отчего обучение будущих священников обременяется не очень нужными им предметами и отсутствуют любые формы повышения их квалификации. Церковь противится этому, но, увы, без твердости и решительности.

Опираясь на растущий авторитет Православия в общественном сознании, Церковь могла бы действовать гораздо смелее в преддверии юбилея, ибо атеисты вряд ли осмелятся воздвигнуть на нее сейчас новое гонение. Нельзя сказать, что она спит и лишь угодливо подчиняется требованиям атеистов, как обычно утверждают многочисленные ее критики. Если бы это было так, то зачем власти неусыпно следят, контролируют и опекают Церковь? Несмотря ни на что, Христово установление остается инородным телом в социалистическом государстве, и суть церковной деятельности идет вразрез с главными идеями этого государства. Вопреки сильнейшей и подчас трагической зависимости от государства, иерархия делает немало для укрепления самой Церкви: почти всем священникам дано соответствующее образование; от закрытия храмы отстаиваются елико возможно; некоторые архиереи безбоязненно рукополагают и привлекают на помощь новую православную интеллигенцию. Конечно, хотелось бы большей активности, но для этого необходимы поддержка и давление "снизу".

Как уже говорилось, атеисты в наши дни действуют в основном бюрократически: то почему-то запретят кресты на новых кладбищах, то откроют Дом атеизма, куда никто не ходит, то в местном Дворце пионеров организуют среди школьников нелепый экзамен "Эрудит — молодой атеист", то велят вырвать из напечатанного в ГДР календаря изображение причастия в ярославской церкви. В оставшиеся до юбилея годы в школах, вузах и учреждениях, несомненно, больше станет атеистических лекций, рассчитанных прежде всего на "профилактику" в

образованном слое. Но кто, встретившись с Богом или искренне стремясь к Нему, будет слушать эти пустые слова? А таких людей все больше среди интеллигенции, ибо продолжается медленное ее выздоровление от безбожного умопомрачения.

Не стоит, однако, обольщаться, будто у атеизма в России выпали зубы и он сделался добродушно-кротким. Этого не произойдет до тех пор, пока безбожие будет идейной основой строя, который должен будет радикально измениться, если откажется от этой основы. Учитывая поворот в общественном сознании и особенно — давление извне, нынешние атеисты используют в основном испытанный метод кнута и пряника. В феврале 1986 года без всякого покаяния был освобожден из заключения ленинградец Пореш, один из основателей религиозных семинаров молодежи, а вскоре Огородникову, другому основателю, прибавили срок. Выпустили из заточения поэтессу Ратушинскую, а чуть погодя на три года осудили киевского библиотекаря Проценко. Узаконив существующую практику, дали юридические послабления Церкви, но тут же в "хранении оружия" обвинили о.Иосифа, престарелого священника из глухого погоста Новгородской области.

Сопоставляя эти факты, можно прийти к однозначному выводу, что и при новом генсеке отношение власти к Православию в принципе, несмотря на проводимую коррекцию, не изменилось, только окрасилось, как и в других областях, в несколько демагогические тона. По рассказам, Горбачев на одном из кремлевских приемов предложил Православной Церкви помочь партии поднять нравственный уровень народа. Будь это желание искренним, то почему не позволить открыть для этого больше храмов и возродить существовавшее до революции Общество трезвости? Но нет! Партократия по-прежнему держится за атеистическую догму и прежние формы обращения с религией.

Поэтому наивной кажется распространенная в некоторых национал-большевистских кругах иллюзия, будто у коммунистов нет иного выхода, как окончательно примириться с Церковью и, заключив с ней "конкордат", предоставить большую свободу в жизни общества. Добровольно коммунисты не уступят ни пяди своей власти над умами, но она при дальнейшем разложении главной их идеи будет незаметным образом ускользать от них, и тогда возникнет дилемма: возвращать ли эту власть силой или легализовать новое положение, оставив за собой только общественный контроль над ним?

Однако предоставим рассуждать об этом присяжным советологам и подумаем о том, как самим подготовиться к славному празднику. Каждый православный может что-то сделать для него по мере дарованных Богом способностей. Кто наставит в вере ближнего, кто поможет немощным или утешит несчастного, кто явит пример для других своей христианской жизнью и добродетелями, кто пером или устным свидетельством окажет поддержку родному Православию. И все мы можем проявить свою верность и благодарность Господу, который не оставляет ни нас, ни Церковь без помощи и надежды, прежде всего в смиренной и искренней молитве дома и в храме.

Не в пышном имперском блеске, как предыдущий юбилей, встречает Русская Церковь тысячелетие крещения, а в очистительном для нее "вавилонском пленении", наполненном не одними скорбями, но и великой славой сонма новомучеников и исповедников. Какая еще Церковь в нашем веке столько претерпела за Христа? Какой еще народ в долгих и мрачных условиях страшного лихолетья явил такую преданность Спасителю? Но каждый православный будет встречать грядущий юбилей не в горделивом сознании этого подвига и не с чувством напыщенного триумфализма, а со смиренной мольбой — простить многострадальную родину за прегрешения, навлекшие праведный Божий гнев, и по благодати Своей даровать ей окончательное исцеление от тяжкого недуга, истощающего силы народа. Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, грешных, и не оставь милостью Твоею!

"НЕМЕДЛЕННОЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ КАМПАНИИ ПО УСТРАНЕНИЮ ЗЛА РЕЛИГИИ"

የገብረተሰብ አፈወርቅ ሊትዮጵያ
ጊዜያዊ ጦታዊ ሪፐብሊክ
የገብረተሰብ አፈወርቅ ሊትዮጵያ
PROVISIONAL MILITARY GOVERNMENT
OF SOCIALIST ETHIOPIA
MINISTRY OF INFORMATION
AND NATIONAL GUIDANCE

በርቶ: 9° ሰጠር:

ትገታ

የሃይማኖት አጋጣሚ

ለአብዮት ጠገኛ ገጽ:

የሃላፊው የታሪክ ሕዝብ ዛሬ በመቼውም ጊዜ ይበልጥ የሚያጥጋቅም በሆነ በገብረተሰብ ጋጭ የሚታየው በጋር የሚገኝ የጋራ ጠላት ገጽ: የግርክሲዝም ሊኒኒዝም ፍልስፍና በመከተል: አዎንታዊ ገንዘብ ይፋ ይባላል የሚያካሂደው ሰለዘህ ገጽ: ትልቅ ያካሂድ አገፍ በጠባብ

Публикуемый ниже "совершенно секретный" документ Временного военного правительства социалистической Эфиопии не датирован. По ряду признаков можно думать, что он относительно недавнего происхождения. Мы воспроизводим здесь также начало амхарского оригинала документа.

Читатель, очевидно, обратит внимание на поразительное сходство эфиопской программы "искоренения религии" с той, которая осуществлялась в Советском Союзе, в особенности в первые после-революционные годы (да и в определенной степени в более поздний период). Очевидно, это не случайное, а родовое сходство.

Заслуживает внимания и другая особенность документа — характер приводимого здесь "марксистского анализа" эфиопской ситуации. Оставляя в стороне вопрос о научности методологии марксизма, который уже многократно обсуждался в ряде серьезных исследований, обратим внимание читателей, в какую абракадабру превращается марксизм в устах идеологов "братских партий развивающихся стран". Исчезает даже видимость исторического научного анализа. Чего стоят одни "эксплуататорские классы реакционных феодалов, бюрократов и цепных псов империализма", которые "в течение столетий" держали Эфиопию в порабощении. Стоит вспомнить об этом, когда читаешь в газетах очередное сообщение о "полном единстве взглядов на основе марксизма-ленинизма", достигнутом в ходе визита очередной "партийно-правительственной делегации".

В переводе мы не старались улучшить косноязычный волапюк оригинала, также напоминающий язык его советских (и не только советских) прототипов.

О положении в Эфиопии наш журнал писал уже неоднократно (см. 1984 г., № 6 и 9; 1985 г., № 11; 1986 г., № 6).

Временное военное правительство социалистической Эфиопии
Министерство информации и национального руководства

Совершенно секретно

КОНТРЕВОЛЮЦИОННАЯ ПРИРОДА РЕЛИГИИ

Анализ

Существование сегодня общего врага, нанести поражение которому можно только в результате упорной и согласованной борьбы, более чем когда-либо требует союза всех поработанных народов

мира. Вдохновляемый и руководимый учением марксизма-ленинизма, имеющий целью установление диктатуры угнетенных, этот союз должен идти по пути классовой борьбы.

Поскольку, прежде чем обетованная земля освобождения будет достигнута, предстоит пройти еще долгий и трудный путь, важно, чтобы эта борьба была поставлена на твердую основу и была правильно ориентирована. В ряде стран революционные народы уже бросили вызов империализму и нанесли ему серьезные удары. Их победы прозвучали для всех поработанных народов колоколом надежды.

Однако сколь бы значительны ни были эти победы сами по себе и как предвестники грядущих побед, они еще не означают полного и необратимого крушения взаимосвязанной мировой системы империализма. Империализм еще силен. Более того, путем обмана и манипуляций он обнаруживает необычайную способность к возрождению. Чтобы добиться его окончательной гибели, поработанные народы должны показать, что они в той же мере жизнеспособны, и открыть против империализма столь же умелую тактическую и стратегическую борьбу. Для окончательной победы над империализмом и его двойниками и союзниками — феодализмом и бюрократическим капитализмом — экономическая, техническая и другая жизненно важная помощь со стороны социалистических стран является незаменимой.

Эфиопский народ одержал важные победы с февраля 1974 г., когда он, как один человек, поднялся против феодально-буржуазного порядка. Он ниспроверг эксплуататорские классы реакционных феодалов, бюрократов и цепных псов империализма, которые в течение столетий держали его в полном поработании. На их обломках освобожденный народ начал строить новую Эфиопию. Руководствуясь опытом маяков социализма, в особенности Советского Союза — почтенного отца социализма, эта борьба за построение нового общества достигла новых вершин и стала особо отблательной. Нам надлежит, следовательно, распознать наших классовых врагов и тех, кто ставит препятствия на пути нашей революции, и расправиться с ними соответственно.

Одно из этих препятствий — бюрократический класс и его бюрократический образ мышления. Созданная прежде всего, чтобы служить старому порядку, феодально-буржуазная бюрократия по природе своей реакционна и контрреволюционна. Указав на эту опасность, Ленин предупреждал, что необходима "упорная, долгая, тяжелая и прежде всего умелая борьба", прежде чем можно будет сказать, что антибюрократическая борьба достигла своей цели. Еще многое предстоит сделать, и необходимо интенсифицировать борьбу.

Предметом настоящего анализа является раскрытие контрреволюционной природы религии, с особым упором на необходимость ее выкорчевывания. Однако ввиду существующего между ними сходства, мы сочли полезным предварить этот анализ замечаниями о значении антибюрократической борьбы.

Сосредоточиваясь теперь на главном предмете нашего анализа, следует отметить, что было бы ошибочно с точки зрения революционной логики изолировать религию от общего контекста внутреннего положения Эфиопии. Внутреннее положение представляет из себя как бы ткань, состоящую из различных нитей различной прочности. Исторически, внутри феодально-буржуазно-капиталистического порядка религии — особенно их организованные институты, такие, как церкви и мечети, — составляли в этой ткани самые прочные нити.

Те, кто противится подлинно революционным переменам в Эфиопии, утверждают, что революционерам следует быть крайне осторожными и не пытаться добиться быстрых перемен, ибо эфиопский народ готов защищать свои традиции. Сам народ показал ложность этих заявлений. Руководясь опытом других революционных народов и под влиянием нашей правильной пропагандистско-агитационной работы, народ научился отождествлять свои интересы с революцией. Но хотя революция покончила с господствующими классами, то, что еще осталось от феодального порядка, до сих пор, как тяжелое бревно, лежит на плечах народа. И пока эти остатки старого порядка не будут устранены, нельзя сказать, что революция стала необратимой.

Следовательно, необходимо немедленно начать агитационную работу по искоренению религиозного наследия. Могут возразить против такой кампании на том основании, что она может разделить народ. В революционных ситуациях такое разделение, однако, неизбежно. При определенных обстоятельствах его следует даже приветствовать. Важно не избегать разделения, но объяснять угнетенным классам, что они должны сомкнуть ряды вокруг классовой линии на защиту революции. Эта задача по формированию сознания поработанных путем умело проводимой агитационной кампании ложится на плечи революционных политических кадров.

Кадры должны осознать, что не может быть более благоприятного, чем сейчас, времени для развертывания систематической кампании по обучению масс основам социализма и, в особенности, диалектического и исторического материализма. На данном этапе революции нет более неотложной задачи, чем нанести тяжелый удар по основным источникам контрреволюции, главным из которых является религия. Это может быть эффективно сделано путем умелой пропаганды материализма в ходе тщательно организованной кампании.

Со своей стороны, эфиопские революционные лидеры убеждены в срочности и своевременности такой кампании. С этой целью они в настоящее время готовы к проведению открытых дискуссий с представителями руководства КПСС.

В то время как сейчас перспективы революции на реализацию ее ожиданий растут, места отправления культа стали инструментом, который реакционеры избрали для ослабления рабочего класса. С национализацией всех земель (включая церковную собственность) — победой, за которую народ заплатил своей кровью, — появилась надежда, что религиозные организации, в частности, церкви и мечети, лишатся ресурсов для содержания достаточного числа служителей культа и других религиозных работников, распространяющих контрреволюционные учения, и что постепенно эта питательная среда для реакции и эксплуатации отомрет.

К сожалению, последующее развитие этого не подтвердило. Потеря независимых источников дохода (что лишь в ограниченной мере было смягчено временными ограниченными правительственными субсидиями) их не ослабила. Напротив, они лишь укрепились в своей решимости распространять веру и оказывать духовную поддержку своим последователям. Сам народ путем добровольного сбора денег стал источником независимой поддержки. Церкви и мечети во все большей степени привлекают огромные толпы молящихся, и их контрреволюционная угроза опасно возросла. Поэтому, чтобы обеспечить продвижение революции к своей конечной цели, мы повторяем, что не может быть более неотложной задачи, чем немедленное развертывание кампании по устранению зла религии.

В этом отношении показательным является опыт угнетенных масс афганского народа. Религиозный фанатизм объединил несколько контрреволюционных фракций, которые без этого выступали бы друг против друга и были бы разединены. Благодаря своей религиозной принадлежности они смогли получить помощь от своих единоверцев из богатых нефтью арабских стран, которые заинтересованы в усилении и распространении ислама как барьера против наступления марксистско-ленинской идеологии. Неудивительно, что это является основным побудительным мотивом для таких режимов, как Саудовская Аравия, которые стремятся сохранить статус-кво и получают поддержку империализма. Очевидно также, что они должны противодействовать получившей широкое признание советской политике.

В развертывании кампании по распространению материалистического представления о жизни как противоядии религии и по устранению прелатств, которые создают институционализированные формы религии на пути революционного прогресса, необходимо применять различную тактику: одну для христианских церквей и другую для мечетей. Нужно, например, понять, что на данном этапе революции выглядеть в качестве тех, кто выступает против ислама, значит вызвать гораздо больше осложнений, чем могут вызвать любые рассчитанные действия, направленные против христианских церквей. Антиисламский образ может лишить нас поддержки мусульман в радикальных арабских странах. Более того, они могут также косвенно возложить ответственность за такие действия на Советский Союз. Следовательно, есть причины быть осторожными.

Учитывая вышеуказанные соображения, кампанию по искоренению религии следует проводить следующим образом:

Часть I. Действия, которые следует предпринять в кампании против христианских церквей.

1. Наиболее важные исторические монастыри и церкви должны быть постепенно превращены в музеи, где угнетенные массы могли бы получить ценные уроки. Список их должен включать монастыри и церкви в Аксуме, Дебра Дамо, Лалибелле, Дебре Либаносе, Зуквалле, основные монастыри в Годжаме, Гондаре, Волло и важные церкви в Аддис-Абебе.

2. В ряде церквей и монастырей существуют важные собрания религиозных книг. В них находятся Книги Царей, Книга Мирака, Книга музыки Яред, Сенсар, Цоме Дигуа, жития святых и др. В большинстве своем эти книги поддерживают идеологию, которая сделала феодальную эксплуатацию возможной. Все такие книги должны быть конфискованы.

3. В нескольких важных церквях и монастырях находятся старые бесценные алтари, священнические одеяния и другие предметы искусства. Из публичная демонстрация во время церковных служб и церемоний представляет собой рассчитанное оскорбление угнетенным массам. За исключением абсолютного минимума, необходимого для служения обедни, все такие предметы должны быть собраны и посланы на надежное хранение в дружественные страны или, если это невозможно, уничтожены.

4. Нынешний Патриарх Эфиопской православной церкви происходит из угнетенного класса. Его образовательный уровень низок. Поэтому им можно умело манипулировать, чтобы сделать его произвольным инструментом в антирелигиозной кампании. Он уже объявил в одной из проповедей, что сам Христос проповедовал социализм. Его надо побуждать и далее развивать эту тему. Необходимо тщательно отбирать и помещать поближе к Патриарху тех священников и церковных работников, которые, как можно ожидать, будут распространять иллюзию о совместимости христианства и коммунизма.

5. В дополнение к мерам, рассчитанным на ослабление независимых церковных источников дохода, необходимо предпринять шаги по ограничению доступности, а затем и по постепенному удалению с рынка материалов, необходимых в церковных службах и ритуалах, таких, как восковые свечи и изюм (используемый для изготовления причастного вина).

6. Постоянные посетители церкви должны быть при помощи сети информаторов выявлены, и их следует убеждать прекратить эти посещения при помощи комбинации следующих мер: прямого предложения денежного вознаграждения, угрозы лишения продовольственных карточек, угрозы увольнения с работы.

7. Первостепенное значение имеет хорошо организованная кампания в средствах массовой информации. Направление пропаганды должно сосредоточиваться на следующем: а) мир, в котором мы живем, — это мир конкретной реальности и материальных забот, а не мир духа, во что хотели бы нас заставить поверить отсталые реакционеры-обманщики; б) религия всегда была препятствием на пути к освобождению угнетенных народов.

Чтобы лишить церкви потенциального пополнения духовенства, особенно из числа молодежи, служащей в качестве дьяконов и церковных служек, нужно предпринять специальные усилия, чтобы отвлечь эти элементы от религиозного призвания, предлагая им привлекательное вознаграждение в виде карьеры в других областях.

8. Искоренение феодально-буржуазного общественного и экономического порядка повергло в страх буржуазный и мелкобуржуазный классы. Эти элементы в больших количествах стекаются в церкви, как если бы они могли спасти их от гнева рабочего класса. Религия также укрепляет их дух, который, казалось, был уже сломлен. Возрождение его быстро становится почвой контрреволюции.

Необходимо, следовательно, выявлять эти личности с особо сильной приверженностью к религии, чтобы подвергнуть их специальной обработке.

9. Одна из причин необычайно сильного воздействия религии на массы заключается в том, что она в своем организованном выражении держит массы в благоговейном страхе при помощи ритуалов, таинственности и благочестия. Эти завесы должны быть подняты с глаз народа, необходимо методично подрывать чувства благоговения, уважения и морального авторитета, которые внушают церковь и духовенство. Для этой цели следует использовать различные приемы. Например, женские политические кадры в облики монахинь могут проникать в церкви и монастыри с целью вовлекать священников и монахов в сексуально компрометирующие ситуации или в скандалы.

10. Священниками, монахами и другими религиозными работниками должно манипулировать не только для того, чтобы приспособить их к революции, но и, когда это возможно, использовать их для достижения революционных целей.

Один из способов достижения этого состоит в привлечении из братских стран политических кадров, действующих в качестве духовенства соответствующих церквей, чтобы подвергнуть эфиопских священников и монахов умелой индоктринации. С той же целью можно использовать книги и брошюры на амхарском языке, напечатанные в тех же странах.

11. По природе своей эфиопское духовенство подозрительно. Поэтому необходимо умело скрывать окончательную цель и не слишком подчеркивать тактические цели антирелигиозной кампании.

12. Уже предпринимаются усилия по созданию инакомыслия и разделений среди монахов Эфиопского монастыря в Иерусалиме. Эти усилия надо продолжить и развить. В связи с этим число агентов-provokаторов, проникающих в ряды ежегодных паломников в Святую Землю, должно быть увеличено.

Часть II. Действия, предполагаемые против мечетей

Потенциально ислам представляет для революции такую же опасность, как и христианство. Расстужное арабское нефтяное богатство привело к возрождению его жизненных сил, обновило его мощь. Хотя мусульмане в целом не столь многочисленны, как другие угнетенные элементы, ислам, подобно христианству, всегда наносил сокрушительные удары по своим угнетенным последователям. Более того, в не меньшей мере, чем христианство, ислам дает знания, под которым ныне шествуют силы реакции и контрреволюции.

Однако в проведении антирелигиозной кампании должны быть приняты во внимание определенные реальности, и тактика должна быть к ним соответственным образом приспособлена. Революция происходит сегодня в условиях усиливающегося империалистического заговора. Мы не можем позволить себе вызвать беспокойство в определенных областях. Поэтому рекомендуется, чтобы кампания против ислама была отложена до следующего этапа революции, когда опасение противопоставить себя мусульманам в радикальных арабских странах не будет более существенным фактором.

Тем временем, однако, не следует жалеть усилий в создании разделений между двумя лагерями, которые объединяются под соответствующими знаменами.

Долой феодально-буржуазный порядок! Победа угнетенным массам!

МЕНЯ НАЗЫВАЮТ УТОПИСТОМ

Беседа с епископом Л.Проаньо

Епископ Леонидас Эдуардо Проаньо Вильяльба родился в 1910 г. в бедной креольской семье в эквадорской провинции Имбабура. Он был рукоположен в сан в 1936 г. Долгое время преподавал в семинарии, принимал участие в создании Союза католической рабочей молодежи, был основателем и редактором журнала "Verdad". В 1954 г. он был назначен епископом Риоамбы (провинция Чимборасо). Подавляющее большинство населения его епархии составляли индейцы, и здесь епископ Проаньо нашел свое настоящее призвание. О своей работе среди индейцев он подробно рассказывает в публикуемом интервью.

После выхода А.Проаньо в отставку в 1985 г. Эквадорская конференция епископов назначила его председателем только что созданного Департамента индейского духовенства. Он продолжает работать на этом посту над созданием, как он говорит, "подлинно индейской церкви".

В 1985 г. епископ Л.Проаньо был выдвинут кандидатом на Нобелевскую премию мира. В 1986 году он был удостоен премии Оскара Ромеро, учрежденной в память архиепископа Сан-Сальвадора, убитого в 1980 г.

Епископ Л.Проаньо — убежденный последователь "теологии освобождения". Об этом течении в католической (впрочем, не только католической) церкви наш журнал уже писал подробно в № 1—2 за 1986 г. Теперь мы даем читателям возможность познакомиться со взглядами "теолога освобождения" из первых рук. В декабре 1986 г. епископ Леонидас Проаньо принял нашего специального корреспондента Крониды Любарского и дал ему интервью.

Ваше преосвященство, вы посвятили свою жизнь судьбе эквадорских индейцев. Расскажите, пожалуйста, вкратце об их положении. В чем его особенность в сравнении с положением других народов стран Третьего мира?

Индейцы в Эквадоре — как и во всех других странах, где они еще сохранились, — вот уже почти 500 лет, со времени испанского завоевания, живут под чужим господством. За это время миллионы индейцев погибли — либо просто были уничтожены, либо умерли в результате непосильного труда, к которому их принуждали на фермах, шахтах, ткацких фабриках.

В результате войны за независимость 24 мая 1822 г. Эквадор освободился от испанско-

го господства. Однако независимость не принесла индейцам никаких перемен. Власть попала в руки потомков испанцев — креолов, которые сохранили прежнюю систему угнетения индейцев. Индейцы вели жизнь рабов и в колониальный период, и при республиканском режиме.

Я хотел бы указать на некоторые характерные особенности их жизни. Ранее существовала система, называвшаяся "concertaje" (рабство по контракту), которая для индейцев и была настоящим рабством. Индейцы жили под этой системой до конца XIX в., пока ее не уничтожил президент Э.Альфарио. Этот президент — сторонник политического либерализма — ввел систему "уасипунго". Я постараюсь объяснить, что значит это слово, взятое из языка кечуа.

Землевладелец — хозяин огромного поместья площадью в 20, 30, 40 тысяч гектаров нанимает для работы на этой земле сотни и тысячи индейцев. Работают они 5 дней в неделю. Через некоторое время — обычно через год — они получают в качестве оплаты так называемое "уасипунго", то есть два, максимум три гектара земли (далеко не лучшего качества), так, чтобы работая на этом участке, индеец мог произвести достаточно пропитания для себя и своей семьи. На землевладельца работает не только глава семьи, но и его жена и дети.

Я хочу отметить, что есть огромное различие между *сьеррой*, горными районами, и *сельвой*, или джунглями в восточной части Эквадора. В горных районах индейцы были полностью лишены своей земли, в то время как в сельве процесс обезземеливания продолжается и по сей день. Землю у индейцев отнимают международные компании, ведущие добычу нефти, заготовки ценной древесины и т.п.

Работая в епархии Риобамба, я увидел, каким жестоким наказаниям и даже пыткам подвергают индейцев за малейший проступок. Индейцы лишены элементарных благ цивилизации, которые государство должно предоставлять своим гражданам — таких, как питьевая вода, электричество, дороги и т.п. Чтобы индейцами легче было управлять, их специально держат в невежестве. Землевладельцы никогда не устраивают в своих поместьях школ, не делает это и государство. Когда я прибыл в Риобамбу, я обнаружил, что более 90% индейцев было неграмотно.

Индейцы и индейская культура всегда были лишены всяких прав — и социальных, и политических, и экономических. Они не имели права голоса в управлении страной, ибо в соответствии с конституцией лишь те, кто умели читать и писать по-испански, могли участвовать в выборах. Индейцы, как я уже заметил, были неграмотны — ранее еще в большей степени, чем сейчас. Впрочем, согласно последней поправке к конституции, принятой в 1979 г., неграмотные тоже получили право голоса. Однако, даже получив право голоса, они голосуют далеко не все, ибо для них голосование не является обязательным. Для креолов же оно обязательно по закону.

Итак, конституция проводит различие между индейцами и креолами. Значит правовое положение индейцев все еще далеко от совершенства?

Да, но все же это прогресс.

Есть ли индейцы, которые заняли высокое положение в эквадорском обществе — в правительстве, в научных учреждениях и т.п.?

Очень немного. В прошлом составе парламента — Национального конгресса — был один индеец. Он, однако, не выражал устремлений индейского населения.

Были ли со стороны индейцев попытки создать свою политическую партию или иную организацию, которая представляла бы их в парламенте?

Да, есть несколько общенациональных организаций, пытающихся представлять индейцев.

Существуют ли в Эквадоре межнациональные трения, проявления белого расизма по отношению к индейцам?

Да. Это всегда было. Однако среди населения Эквадора лишь 10% являются чистыми потомками испанцев. Есть также небольшая доля европейцев, приехавших в Эквадор на работу, переведенных туда своими компаниями и т.д. Подлинное же большинство населения имеет смешанную кровь. Это креолы, такие, как я. Их 60%. Остальные 30% составляют индейцы.

Значит особое отношение к индейцам имеет в основном социальные, а не расовые корни?

Да, ибо мы, креолы, не можем считать себя ни чистыми индейцами, ни чистыми европейцами.

Итак, вы, очевидно, не считаете существующий сейчас в Эквадоре строй демократическим?

Формально, внешне он демократический, однако часто он действует как авторитарная система. Индейцы в ней поставлены буквально на грань существования, их мир ограничен землей, на которой они работают, они никак не соприкасаются с остальными частями эквадорского общества.

Столкнувшись со всем этим, я осознал, что это значит психологически — быть угнетенным и обездоленным. Такой человек полностью теряет веру не только в себя, но и в других, он более не умеет принимать самостоятельные решения. В сущности он перестает быть человеком в полном смысле этого слова. Такова была ситуация, которую я обнаружил, прибыв в свою епархию. Конечно, то же самое происходило не только в провинции Чимборасо, где находится Риоамба, но и в других провинциях. Я поставил своей целью освободить индейцев от этого угнетения.

Что вы считали необходимым сделать для этого в первую очередь?

Я прибыл в епархию Риоамба в мае 1954 г. Первой моей задачей было выяснить истинное положение дел моей паствы и особенно индейцев. Я начал ездить по епархии и тщательно изучать ее жизнь.

Сознавая стоявшие передо мной трудности, я попытался заняться сначала самыми неотложными проблемами. Для этого я прежде всего создал религиозную общину, группу миссионеров, которые занялись делами индейцев: как религиозными проблемами — евангелизацией, так и экономическими.

Затем я приложил большие усилия для создания радиостанции, которая позволила бы обсуждать эти проблемы среди большой аудитории. Тем самым можно было преодолеть препятствия, созданные неграмотностью. Передачи велись как по-испански, так и на кечуа.

У индейцев было достаточно радиоприемников, чтобы слушать ваши передачи?

Мы сами распределяли радиоприемники среди индейцев. Для начала все приемники были настроены только на определенную длину волны, чтобы облегчить пользование ими. Позднее мы стали раздавать обычные приемники.

Еще одним нашим важным предприятием было создание Исследовательского центра

социальных действий. В работе Центра участвовала молодежь — мужчины и женщины. Его целью было изучение социально-экономического положения населения и содействие созданию крестьянских кооперативов. Позднее цели Центра изменились. Его главной задачей стало содействие развитию сельского хозяйства и образованию крестьян. Мы создали также институт Тепейак, в котором индейцы учились управлению фермами.

Наша епархия унаследовала от предыдущей администрации немного земли — около 800 акров, — и мы решили передать ее индейцам. Когда в 1964 г. была проведена земельная реформа, мы объявили о создании на ней кооперативов, решив таким образом проблему землевладения. Практически, однако, крестьяне начали создавать кооперативы еще задолго до реформы.

Нам удалось добиться во всех наших начинаниях значительных успехов, особенно в евангелизации. Были созданы группы индейских миссионеров-мирян, которые начали работать непосредственно в общинах. Они помогают евангелизации, катехизации остального населения. Мы надеемся, что эти миссионеры смогут руководить общинами и в их мирской, повседневной жизни.

Индейская церковь также постепенно обрела очертания — церковь, руководимая индейцами и существующая для них. Индейские юноши хотят быть священниками, индианки проявляют интерес к миссионерской деятельности.

Индейцы по своей собственной инициативе создали общество, получившее название Индейское движение Чимборасо. Оно ставило перед собой три цели. Во-первых, достижение экономической свободы своими собственными, индейскими средствами; во-вторых, спасение от гибели национальной культуры, развитие национального самосознания; в-третьих, развитие собственного политического мышления.

Индейцы постепенно обретали свой голос. До появления Движения Чимборасо они не могли вымолвить и слова, будь то перед своим хозяином или перед церковными или гражданскими властями. Теперь они осознали, что защита своей культуры — это их собственное дело, защита не только материальной и художественной культуры — одежды, пищи, музыки и т.п. — но также и индейского мироощущения. Я имею в виду возрождение специфически индейского образа мышления, очень отличного от капиталистического.

Индейцы относятся к земле как к Матери. Это не сентиментальность, это глубоко укоренившееся чувство глубинной связи с нею. Они действительно любят землю как мать. На земле они рождаются, она дает им жизнь и пропитание. На земле они отдыхают от трудов своих, в землю они в конечном счете и возвращаются. Я хочу еще раз подчеркнуть, как все это отлично от капиталистического образа мышления. Индейцы просто не понимают, что землю можно купить, продать или сдать внаем. Для них земля в равной мере принадлежит всем — как мать делит свое внимание между всеми детьми.

Мне кажется, что такой подход к земле характерен не только для индейцев, но для всех народов, находящихся на определенной стадии развития. То же самое было и во многих странах докапиталистической Европы. Не кажется ли вам, что такое мироощущение нельзя сохранить навечно? Ведь такое древнее психологическое отношение к земле трудно совместить с современным высокопродуктивным сельскохозяйственным производством.

Мы еще ищем пути к этому, но я чувствую, что психологическую приверженность к земле как Матери можно сочетать с высокой продуктивностью сельского хозяйства, с разнообразием методов производства.

Чтобы мои сомнения были более понятными, давайте рассмотрим еще более крайний случай, чем Латинская Америка. Недавно я был в Австралии, где мне удалось ближе познакомиться с положением местных аборигенов. Разница между культурами аборигенов и европейцев куда больше, чем разница между индейской и европейской культурами. Аборигены все еще живут в каменном веке.

Как быть? Аборигены должны либо принять образ жизни современного общества, отказавшись от своей культуры, либо же их нужно оставить в покое. Но тогда это будет напоминать жизнь в зоопарке: люди живут в пустыне, собирают семена и червей, не знают одежды, а вокруг них, в нескольких сотнях километров – благосостояние и процветание современного общества. Может быть, такое заострение проблемы покажет, что я имею в виду, говоря о невозможности сохранения традиционного образа жизни в современном мире.

Я совершенно не имею в виду, что мы должны добиваться того, чтобы индейская культура была заморожена на некоторой стадии развития. Индейцы прекрасно понимают, что возврата к прошлому нет. Они говорят: "Наши предки ходили пешком, а мы переезжаем с места на место на автобусе". Кстати, индейцы сами имели довольно высокий уровень технологии, который ныне утерян и который следует восстановить. Недавно я присутствовал на встрече профессоров и студентов Эквадорского национального политехнического института с несколькими индейскими лидерами, принадлежащими к Движению Чимборасо. Целью встречи был обмен идеями и установление сотрудничества с профессорами и студентами в деле возрождения индейской технической культуры.

Вы говорите о необходимости сохранения исконной индейской культуры, индейского отношения к земле и т.п. А как насчет исконной религии индейцев? Ведь католичество тоже им навязано испанцами.

Да, католическая церковь создала для индейцев множество трудностей. Евангелизация не всегда проводилась должным образом, часто при помощи силы, с применением грубого насилия. Ярким примером этого является смерть инки Атахуальпы. Ему подали Библию и сказали, что он должен следовать ей. Атахуальпа поднес Библию к уху и произнес: "Она ничего мне не говорит". Он с отвращением отбросил ее и был убит. Да, было совершено много ошибок. Но были и добрые исключения, такие, как знаменитые иезуитские миссии в Парагвае или в восточных районах Эквадора, где миссионеры пытались прислушаться к собственным индейским религиозным верованиям. Но испанским евангелизаторам следовало бы внимательно изучить теологию коренного населения. Индейцы верили в единого Бога, по имени Пачакамак. Для индейцев это было Верховное Существо, невидимый Бог, Святой Дух, источник всего живого на Земле. Он был очень похож на христианского Бога. Главной ошибкой католической церкви было то, что она служила прежде всего испанской короне, а не прислушивалась к нуждам индейцев-инков.

Возвращаясь к вопросу о приверженности индейцев к земле как к Матери, я хочу отметить, что именно отсюда проистекает характерное для них общинное владение землей. Мать должна служить всем своим детям, говорят индейцы. Поэтому земля принадлежит всем одинаково, и все в той или иной форме, но в равной мере заняты в работе на ней.

То, что вы описали, сильно напоминает крестьянскую общину в России XIX в., так называемый "мир". Во многих других странах в то или иное время имелось нечто похожее. Однако повсюду общинное владение землей впоследствии исчезло. Есть ли какие-либо основания надеяться, что в Эквадоре такая форма землевладения сохранится навечно, да и нужно ли это?

Я вполне отдаю себе отчет в важности поднятой вами проблемы. Одной из целей нашей борьбы как раз и является сохранение исконной системы хозяйствования. Но я должен заметить вам, что теология освобождения учит — и я согласен с этим, — что все иные системы в мире, в том числе и капиталистическая, в один прекрасный день погибнут из-за избыточного эгоизма, индивидуализма, желания господствовать над другими, над всем миром. И система, господствующая в России, обречена на то же.

Значит, вы разделяете идеи теологии освобождения?

Да, я согласен с ними. Я вполне отдаю себе отчет, что мы занимаемся поисками Утопии, но все же думаю, что мы сможем создать модель общества, отличную как от капитализма, так и от коммунизма.

Ряд выдающихся теологов освобождения разделяет идеи марксизма, ищет возможности построения общества, основанного на марксистских принципах. Согласны ли вы с ними?

Нет. Лично я не верю в идеологию марксизма. Я исхожу из Евангелия и моего личного опыта. Моей целью является сохранение основ индейской культуры, существовавшей до прихода испанцев, и глубокой религиозности индейцев, нашедшей ныне свое выражение в христианстве. Индейцы верят в Верховное Существо, в единого Бога, который создал Землю и дал ее человечеству в дар как выражение Его любви к людям.

Центром религиозной деятельности индейцев является земля, работа на ней, урожай, который она дает. Характерный пример — приношение в жертву во время праздника урожая чичи — вина, которое делают из маиса. Земля, община и Бог — вот триада, на которой основывается жизнь индейцев.

Многие теологи освобождения придают большое значение созданию так называемых "низовых общин", *comunidades de base*. Как вы относитесь к этому?

Да, *comunidades de base* — это и есть основные ячейки, на которые мы опираемся в нашей работе, но они не вполне соответствуют тому определению, которое обычно дают им социологи. В работе принимает участие не только небольшое ядро общины, но вся индейская община в целом, на более широкой основе.

Что вы думаете о недавнем документе о теологии освобождения, выпущенном Ватиканом? Считаете ли вы его положительным шагом?

Для моей работы он имеет положительное значение. Это первый документ Конгрегации по вопросам вероучения, подписанный кардиналом Рацингером, который делает упор на освобождение. Приводимые в нем цитаты из Библии указывают на то, что освобождение необходимо по слову Божьему. В конце документа некоторые положительные аспекты христианского освобождения получают дальнейшее развитие. Документ содержит также предостережение против возможной инфильтрации идеологиями, разрушительными по отношению к христианству. Поэтому я положительно отношусь к ватиканскому документу. Хотя не все документы, исходящие из Ватикана, были в такой же мере положительными, в них всегда содержалось упоминание о том, что бедные имеют право на справедливость. В освобождении христианская идеология обретает свою ценность. Подлинное христианство состоит в следовании Евангелию и в учении об освобождении.

Некоторые сторонники теологии освобождения оправдывают применение насилия, когда все прочие средства исчерпаны. Согласны ли вы с такой точкой зрения?

Нет. Я категорически против насилия. Цели следует добиваться постепенным убеждением, исключительно мирным путем.

Считаете ли вы возможным добиться социального прогресса в Эквадоре и других латиноамериканских странах, не прибегая к внешней помощи, будь то со стороны западных или социалистических стран? Возможна ли для Латинской Америки "опора на собственные силы"?

Мы все — члены мирового сообщества, и едва ли можно избежать какой-то степени взаимозависимости между различными странами, экономического, торгового сотрудничества, сотрудничества в социальной области. Но я против зависимости от какой-либо страны, оказывающей Эквадору и Латинской Америке вообще экономическую помощь.

Я против того, чтобы наши так называемые слаборазвитые страны лишь поставляли сырье, которое обрабатывалось бы в более развитых странах. Я полагаю, что мы сами вполне можем и производить, и обрабатывать свою продукцию.

Многие в Латинской Америке считают, что США эксплуатируют их страны. Вы с этим согласны?

Да, согласен. Наглядной иллюстрацией является проблема внешнего долга. Это типичный пример зависимости, в которой находятся латиноамериканские страны и другие страны Третьего мира. Большие суммы долга с переменным процентом равнозначны порабощению наших стран.

Как бы следовало Соединенным Штатам изменить свою политику, чтобы содействовать развитию вашей страны?

Просто оставить нас в покое.

Но ведь это значит, что, наряду с прочим, США должны прекратить любые капиталовложения в Латинскую Америку, прекратить всякую помощь?

Я думаю, что для Латинской Америки лучше было бы создать свою собственную экономику, собственную банковскую систему и жить без посторонней помощи, не прекращая при этом обменов с США.

Вы думаете, что это реально?

Меня часто называют утопистом, идеалистом. Но я считаю, что необходимо быть утопистом, когда пытаешься изменить плачевное положение, в котором мы находимся сегодня.

Я родом из страны, народ которой 70 лет назад был движим сходными идеалистическими побуждениями, что и вы сейчас. Мы свергли "проклятый капитализм". Вы знаете, что произошло потом в Советском Союзе в результате таких идеалистических действий. И не только в СССР, но и в Китае, на Кубе, во многих других странах. Каждый раз, когда народ, движимый идеализмом, пытается создать идеальное общество, результатом является крушение общественной жизни, экономики, духовной жизни. Еще никому не удалось добиться ничего положительного, идя по этому пути. Вас это не пугает?

Я чувствую, что такая опасность существует, но мы должны учиться на опыте других стран, чтобы не повторять их ошибок. Человечество всегда смотрит вперед, в направлении прогресса, храня свои утопические идеалы, несмотря на существование серьезных проблем.

Что ж, желаю вам удачи. Но говорят, что благими намерениями вымощена дорога в ад.

Но если отказаться от добрых намерений, то останутся только злые, а это еще хуже.

Это верно. Но скажите, покоятся ли ваши надежды на каких-то реальных явлениях в жизни современной Латинской Америки, или все это пока проекты, теория?

Все, что я сказал, основано на том опыте, который я приобрел, работая непосредственно среди индейцев. Хотя пока сделано очень немногое, все же определенная основа есть. Так что это не просто идеализм, он опирается на конкретные достижения индейских общин. ●

Томас ВЕНЦЛОВА (Нью Хейвен, США)

ЮЖНОАФРИКАНСКИЙ ДНЕВНИК

Летом 1986 г. я провел три недели в ЮАР и республике Зимбабве. С юности я приучил себя ежедневно писать дневник и в Африке не изменял этой привычке. Настоящая статья основана на этих записях.

Я не буду рассказывать ни о львах и носорогах, которых видел в национальном парке имени Крюгера, ни о мысе Доброй Надежды, ни о наскальной живописи бушменов, ни о картинах Франса Хальса и Габриэля Метсю в кейптаунском музее. Южная Африка, вне всякого сомнения, — одна из самых привлекательных стран для путешественника, интересующегося красотами природы и вообще любого рода красотами. Но мои записи — не об этом. Они о политике.

Вероятно, заметки мои не менее поверхностны, чем, скажем, заметки интуриста, который впервые в жизни провел три недели в Москве, Ленинграде и Киеве. Чтобы понять СССР, полезно или даже необходимо в этой стране родиться; то же относится и к Южной Африке. Все же надеюсь, что некоторые наблюдения, изложенные в статье, покажутся интересными.

16 июня. Съездить в Южную Африку я решил месяца два тому назад. Пожалуй, опасно медлить: страна может стать не слишком доступной, как Ливия или Иран. События развиваются быстрее, чем ожидалось. В ЮАР только что введено чрезвычайное положение — по утверждению властей, для того, чтобы предотвратить кровопролитие. Ровно десять лет назад была расстреляна демонстрация в Соуэто — черном пригороде Йоханнесбурга. Черные радикалы собирались использовать годовщину для новых демонстраций, а то и для более решительных действий, но это, вероятно, не удастся: полицейский надзор и цензура резко усилены, примерно как в Польше в дни разгрома "Солидарности". Кто-то даже пишет, что Южная Африка "перешла черту, отделяющую авторитарный режим от тоталитарного". Депутат Кронье (фамилия та же, что у прославленного генерала англо-бурской войны) публично заявил в парламенте, что ЮАР сейчас, вероятно, менее свободна, чем Советский Союз.

Зажмуриваюсь и пытаюсь провести сравнение. Можно ли представить себе депутата Чапаева, который заявил бы на сессии Верховного Совета: "У нас сейчас не больше свободы, чем в ЮАР". Ну нет! Могу вообразить все что угодно, — скажем, побег Горбачева на Запад, — но здесь мое воображение отказывает.

17 июня. Друзья на мою поездку смотрят по-разному. В. говорит: "Тебе не хватает только ожерелья". (Ожерелье — это способ борьбы черных экстремистов с неугодными лицами: на шею надевают автомобильную покрывку, облитую бензином, и зажигают. Иногда проходит час или больше, пока неугодное лицо отдаст Богу душу.) Моя бывшая студентка И., живущая в Йоханнесбурге, думает иначе: "Вы решительно ничего не замечаете. Замечали ли вы в Иерусалиме, что Израиль ведет войну?"

Йоханнесбургские либералы — в основном священники — хотели выразить солидарность с черными, послав в Соуэто несколько грузовиков, наполненных цветами. Однако полиция эти грузовики не пропустила. Тогда священники взяли напрокат самолет и разбросали цветы над Соуэто с воздуха. Снова зажмуриваюсь. Представим себе, что Андрей Дмитриевич Сахаров берет напрокат самолет и разбрасывает цветы над Вильнюсом, выражая солидарность с литовскими католиками. Ну нет!

19 июня. Вылетаю. В аэропорту Кеннеди несколько усилена охрана южноафриканских линий, так что я чуть не опаздываю на самолет (пассажиров впускают не через главный вход, а через "конспиративный", который не сразу найдешь). Никаких признаков апартеида в самолете незаметно. Рядом сидят и белые, и черные, и индусы. Полет продолжается чуть ли не восемнадцать часов, с остановкой на пустынных островах Зеленого Мыса (большинство африканских стран самолеты ЮАР не принимают; острова Зеленого Мыса — страна марксистская, и валюта ей, естественно, нужна). Моя соседка по самолету рада, встретив первого в своей жизни литовца: ее дед приехал в Йоханнес-

бург из Литвы — “кажется, из местечка по названию Вильно”. Литовские евреи, к которым принадлежит моя собеседница, — достаточно многочисленная и влиятельная группа в ЮАР: предки лучшей тамошней писательницы Надин Гордимер тоже родом из Литвы.

В аэропорту Йоханнесбурга паспортный контроль и таможня вроде бы ничем не отличаются от подобных учреждений в любой западной стране. Говорят, здесь усиленно ловят коммунистическую и порнографическую литературу. На всякий случай я оставил в самолете номер “Страны и мира” с портретом Ленина — поди докажи, что журнал не вполне коммунистический. И оставил зря, потому что мой багаж никто не проверял.

Город на первый взгляд невелик и напоминает Соединенные Штаты: небоскребы и все остальное. Очень симпатичны негры — служащие гостиницы. Они, кстати, отличаются от африканских черных: кофейный цвет кожи и значительно более характерный склад лица.

Сейчас в Йоханнесбурге спокойно, хотя три дня назад происходила всеобщая забастовка. Разве что как-то слишком тихо; поэтому в воздухе пахнет грозой. Впрочем, быть может, у меня просто разыгралось воображение после того, что я читал последние дни.

20 июня. В утренней газете — заявление редакции: “Наша газета публикуется в условиях чрезвычайного положения, что равносильно цензуре. В связи с этим мы не в состоянии печатать всю информацию, которая могла бы быть интересной для читателей, а публикуемые известия могут оказаться неточными и даже вводящими в заблуждение”. Господи! Да если бы в “Правде” рядом с лозунгом “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!” оказался такой абзац, то, пожалуй, и уезжать бы не стоило.

Правда, такие заявления — не всюду. Их нет в газетах на языке африкаанс. Английские газеты тоже не одинаковы. Газета “The Citizen” (“Гражданин”) — явно правая: это можно заподозрить уже по ее названию, ибо граждане здесь по сути дела — только белые. Разумеется, она кроет на чем свет стоит Англию и Америку и рассказывает об одионом старике, который покончил с собой, ибо на улице его оскорбляли негры.

Гражданин Лодевейк Флоо, бур по национальности, пошел играть на скачках и был обнаружен с ожерельем. Обгорел он настолько, что полиция долго не могла установить ни его расу, ни пол.

Из нескольких более приятных тем: сегодня еду на сафари, в национальный парк имени Крюгера. Примерно четыреста километров пути. Сразу за Йоханнесбургом проезжаем негритянское предместье. Несет дымом: черные топят печи только углем, ибо здесь это дешевле всего. В клубах дыма не видать даже дороги. Всегда-то у нищеты окажется какая-нибудь неожиданная примета. Дальше — степь, так называемый вельд, изредка жалкие хибарки негров, иной раз, впрочем, расписанные орнаментами. По обочинам бредут женщины в разноцветных балахонах, с тяжелыми тюками на головах.

21 июня. Второй день продолжается сафари, иначе говоря, рассматривание зверей из небольшого автобуса. Ужин и ночлег на чем-то вроде турбазы. Туристы — все до одного — белые; штат базы — черные из окрестных деревень, официально они называются “черными слугами”. Работают они идеально — совершенно беззвучно и незаметно. Хуже всего то, что к этому почти немедленно привыкаешь — как будто тебе, белому сагибу, на роду написано быть привилегированным. Пожалуй, это похоже на Нью-Орлеан до гражданской войны, а то и на Римскую империю.

22 июня. Возвращаюсь в Йоханнесбург. По пути мрачный монумент из черного камня — погибшим в англо-бурской войне. Буры в этой войне изобрели траншеи, англичане — концлагеря. Благодарное человечество в меру сил использовало оба изобретения.

Языковая политика здесь своеобразна. Английский и африкаанс подчеркнuto равноправны: все надписи двуязычны, причем никогда заранее не известно, который из двух языков пойдет первым. Но английских книг в магазинах по меньшей мере 95%. На языке африкаанс продаются только религиозные сочинения и романы для молодых девиц. На языке банту пока что я видел только одну надпись — “ингози”, что означает “опасность”.

23 июня. В Соуэто мне, увы, не попасть. Оно примерно в пятнадцати километрах от центра города, и еще недавно туда устраивали экскурсии — по тому же принципу, что и сафари, без выхода из автобуса. Но с декабря экскурсии прекращены, поскольку обита-

тели Соуэто стали забрасывать автобусы камнями и переворачивать. Если ехать на такси или взятой напрокат машине — задержит полиция.

Но в центре Йоханнесбурга не видно никого, кроме черных. Все они — из Соуэто и нескольких других предместий: утром приезжают на работу, вечером должны вернуться (ночевать и тем более жить в центре им запрещено законом, хотя здесь порой помогают взятки). Белые, не считая меня и еще нескольких иностранцев, по улицам пешком принципиально не ходят — разъезжают только на машинах. Автобусы предназначены исключительно для негров, и вид у этих автобусов мрачноватый, слегка советский. Кое-кто на улицах — в традиционной одежде, особенно женщины: в широких, со вкусом разукрашенных юбках, в шерстяных шапочках. Мужчины пристают к незнакомым женщинам (в Соуэто огромный процент холостяков и соломенных вдовцов, так как жену из деревни там прописать трудно). Пьяных тоже предостаточно.

Город в общем унылый. Очень не хватает зелени. Скучные улицы вскоре вливаются в еще более скучные промышленные районы. Улица Дайагнл — здешний Уолл-стрит — интереснее других: на ее западной стороне небоскребы, один даже в форме ограненного алмаза, а на восточной стороне, прямо напротив небоскребов, нищенские традиционные лавочки. "Квазулу Мути" торгует черепами буйволов и лечебными кореньями. Африканский рецепт любовного зелья: растолочь в порошок сердце ястреба, добавить немного собственного пота и преподнести желанному существу; если это не поможет, есть и другие рецепты.

Дальше цивилизация вообще прекращается и начинается Третий мир. Есть театр на каком-то из языков банту (их в ЮАР девять), есть кабаки и, надо полагать, бордели. Местами торгуют книгами на банту, в основном религиозными. Весьма неудобная автобусная станция. Впрочем, здесь вообще неудобно, и долго бродить по этим местам как-то ни к чему.

Винные магазины во всем городе имеют два входа — для черных и для белых. Есть магазин с вывеской "Негритянская мясная". Но в этой области апартеид, кажется, уже смягчен: дискриминация в основном определяется ценами. Натыкаюсь на отдельную уборную: белый мужской силуэт на черном фоне, а над соседней дверью черный силуэт на белом фоне. Гетто по сути дела двустороннее: если белый заходит, куда ему не положено, он нарушает закон. Железнодорожный вокзал тоже имеет два разных входа, хотя непохоже, чтобы здесь разделение строго соблюдалось.

Обедаю в дорогом ресторане "Барнато", который для американца, в общем, доступен, так как местная валюта резко упала. Компании за столиками уже смешанные, есть и негры, случается даже, что белый прислуживает черному. Эрозия апартеида несколько напоминает эрозию коммунизма: деньги все-таки кое-что смягчают.

Знакомлюсь с местной жительницей Кристин, которая несколько часов разъясняет мне тонкости южноафриканского быта. В Йоханнесбурге полтора миллиона населения, но с предместьями — более четырех миллионов: сколько на самом деле, никто не знает, потому что в Соуэто живет миллион прописанных и миллиона два непрописанных. Минимальный заработок в золотых или алмазных копах — 500 рандов в месяц (около двухсот долларов); хорошая служанка зарабатывает 450 рандов. Черные клерки и продавцы сейчас получают почти ту же зарплату, что и белые. Есть и богатые негры — профессионалы, работающие "среди своих". По-видимому, их-то я и видел в "Барнато". Впрочем, это могли быть негры из Америки или соседних африканских стран. Мечта черного, по словам Кристин, — купить собственное такси, точнее, маленький автобус. Действительно, на улицах множество таких автобусов с фамилиями хозяев.

Частные школы интегрированы, но государственные разделены по расам; то же самое и с больницами, хотя, если верить Кристин, для тяжело больных делают исключения. Будут ли допускать черных в университет, решается путем референдума: большинство английских университетов черных уже принимает, университеты на языках африкаанс — нет. Начальные школы для черных — на языках банту; позднее переходят на один из двух государственных языков. Все англичане обязаны учить язык африкаанс, все буры — английский. Многие белые овладевают начатками банту — "надо же понимать, что негры о тебе говорят". Черные же к языкам необычайно способны.

Англо-бурскую войну вспоминают совершенно так же, как гражданскую войну в Америке: обе стороны были героическими, больше говорить не о чем. Трений между

англосаксами и бурами нет, смешанные браки часты. Однако, спортивные команды делаются по языковому принципу. В правительстве практически нет англосаксов. Говорю: "Получается, что войну выиграли буры". Кристина согласна: "Да, мы даже вышли из Британского содружества наций и опять независимы, как во времена президента Крюгера".

Служба в армии для белых обязательна, черные туда принимаются добровольцами. "Негр до крайности меняется, когда надевает мундир солдата или полицейского: он становится лояльнее любого белого". А как насчет чрезвычайного положения? "Видите ли, оно введено, чтобы защитить лояльных негров, так как ожерелья угрожают только им". Кстати говоря, среди лояльных негров немало так называемых *витдуке*, которые борются с ожерельями при помощи тех же ожерелий: сожжены уже десятки два радикалов.

Кристина показывает мне северные районы города. Парки, площадки для игры в гольф, дома за высокими каменными заборами. Взломщиков здесь меньше, чем в Америке, но опасаются их много больше. Недвижимость сравнительно недорога, даже небогатые белые живут такими миллионерами. Нет ни одного дома без слуг. Для слуг предназначается небольшой барак в саду, обычно с голой лампочкой под потолком, краном и уборной. В нем — с разрешения полиции — можно ночевать. Это, в общем, лучше, чем Соуэто.

Вдруг Кристина взрывается: "Нам надо бежать из этой страны, хотя такого уровня жизни у нас нигде не будет. Сами-то еще продержимся, но у наших детей будущего здесь нет. И уже почти никто нас не принимает. Даже Австралия собирается запретить иммиграцию из Южной Африки. А как у вас, в Штатах? Есть ли у вас негритянская проблема? *И кто такие ваши негры — тоже местные или приезжие?*"

24 июня. Лечу в Дурбан. Делать здесь как будто нечего — курорт, и все тут. Типичный курортный театр абсурда. Ресторан в гостинице "Элангени" предлагает русскую кухню, черные официанты выступают в казацких папахах, а в лифте магнитофон играет "Катюшу".

У города странный план. Вдоль берега Индийского океана узенькая лента отелей; торговый центр — другая лента под прямым углом к ней. Сразу же за модными "Элангени" и "Махарани" — огромный пустырь: я бы не удивился, обнаружив там отряд черных партизан или льва, а змей наверняка полным-полно.

Здесь употребляются по меньшей мере четыре языка: на некоторых объявлениях друг за другом идут тексты на английском, африкаанс, тамильском и банту. Продаются газеты и даже журналы на зулусском. Больше всего индусов, затем следуют белые, потом негры (хотя на первый взгляд негры преобладают). Индусов легко распознать по шапочкам в стиле Джавахарлала Неру, индусок по сари; все они темнокожи — стало быть, дравиды. Черные обычно в ярких традиционных одеждах и босиком. Городская жизнь очень отличается от йоханнесбургской: не промышленность с ее безрадостными конфликтами, а торговля — анархическая, как на Ближнем Востоке.

Шофер такси немедленно предлагает девушку — "белую, здоровую и за восемьдесят рандов" (примерно тридцать долларов).

Вечером знакомлюсь с адвокатом-индусом, который только что получил разрешение иммигрировать в Соединенные Штаты и ликует, как советский "выезжант". Его земляки чувствуют себя здесь еще неуютнее, чем белые, ибо находятся между молотом и наковальней. Их четыре группы — тамилы, телугу, "просто индусы" и "мусульмане". Язык сохранили только тамилы, прочие давно перешли на английский.

В Йоханнесбурге взорвались две бомбы, обе в уже знакомых для меня местах — на Риссик-стрит и Плейн-стрит.

25 июня. В газетах — подробности о вчерашних взрывах. Пострадало девятнадцать человек, в том числе двухмесячный ребенок. Раса не указана, но наверняка преобладают черные — на улицах там никого другого не бывает. Другие известия: в Претории повешено семь человек, а всего начиная с Нового года произведено пятьдесят восемь казней. Казненные — убийцы (вероятно, как простые уголовники, так и террористы). Объявлен конкурс на место куратора музея, черных просят не беспокоиться. Статья о полигамии: если зулус венчается в христианском храме, он не может заводить новых жен, но старые — если они есть — остаются.

Кстати, взрыв несколько дней назад был и в Дурбане. Домах в пятнадцати от "Элангени" — гостиница "Пэрэйд", из тех, что попроще. У ее дверей взорвался автомобиль. Бомба убила двух женщин. Вылетели все стекла, немного пострадало и соседнее здание; но уже идет ремонт, трое черных рабочих расчищают площадку.

В ресторане и лифте, как и вчера, — комсомольские песни времен первой пятилетки. Бомбы в Йоханнесбурге и Дурбане тоже были советского производства, но это совпадение как-то никого не волнует.

26 июня. Экскурсия в Долину Тысячи Холмов. Гид и единственный компаньон — банкир из Цюриха — отчаянные расисты: не вступаю с ними в спор, по опыту зная, что расизм неизлечим, но прислушиваюсь не без интереса. Проезжаем пригороды Дурбана: один из них, сравнительно зажиточный, населен индусами, другой "цветными", то есть, не вполне черными. Это деление городов на зоны согласно расе — один из главных доныне сохранившихся признаков апартеида. Каждое лицо от рождения приписывается к той или другой группе и живет только со своими. Но уже год тому назад отменены наказания за "порчу расы": сейчас можно жениться и вступать в связь с кем угодно. Ребенок негра и белой — или белого и негритянки — приписывается к сословию цветных. Спрашиваю у гида, как классифицируется ребенок негра и индуски, но он затрудняется ответить.

Другое полностью сохранившееся проявление апартеида — то, что негры лишены права голоса. В парламенте по сути дела представлены только белые, причем скорее бурь, чем англичан. Белых в стране 14% (в США пропорция как раз обратная). Гид замечает: "Апартеид — это не закон, а система. Как демократия или.., скажем, как коммунизм. Систему в несколько дней не изменишь".

Шоссе в горах, зулусская деревушка. Разумеется, она потемкинская, но даже и при этом особого восхищения не вызывает. Традиционной, первобытной жизнью живет примерно 40% зулусов; демонстрация этой жизни — танцы, ритмичные и монотонные. У шаманки лицо раскрашено белым. Живет она в круглом плетеном шатре: дело в том, что в круглом здании негде спрятаться демонам. Мерцают две керосиновые лампы. Раньше шаман сам выбирал в деревне какого-нибудь ребенка познатнее других и готовил его себе в наследники; сейчас, чтобы стать шаманом, надо два года учиться под надзором властей и получить лицензию.

Здесь уже другой гид, рассказывающий историю племени зулу. История прослеживается с восемнадцатого века, но звучит совершенно библейски. "Матела родил сына по имени Зулу, сиречь дар Божий, ибо старая мать не ожидала его рождения. Зулу произвел из чресл своих многолюдный народ и дал ему свое имя. Потомка его в третьем колене звали Чака, сиречь ублюдок, ибо он был незаконным..." Чака оказался крупным государственным деятелем и полководцем. Войны тогда были жестокими — как, впрочем, любые войны. Зулусские воины особым образом приканчивали противников — деревянной дубинкой раздробляли череп и разрезали живот, дабы душе было легче покинуть тело. Сейчас они — наименее радикально настроенное племя, а вождь их Бутелези занимает умеренную позицию.

Девушка с голой грудью протягивает руку: "Сэр, я голодна".

Газеты: восемнадцатилетний велосипедист Мартин Кутцер наехал на мину, и ему пришлось отрезать ногу. В Дурбане судят террористов — девять мужчин, одну беременную женщину. Утверждается, что они взорвали более десятка бомб. Двое из них, кстати, индусы. Двое — врачи по профессии.

27 июня. Долгий полет до Кейптауна.

Пытаюсь слегка разобраться в том, что узнал в этой стране. Община белых и община черных вообще не соприкасаются — словно параллельные прямые. Бывают исключения, но они редки. Мелочный апартеид смягчен, — во всяком случае, он расшатался, — но главное в нем осталось: нет коммуникации между группами.

В белом обществе взгляды необычайно разнообразны. Противников апартеида много, их голос отлично слышен и сейчас, в условиях чрезвычайного положения и цензуры. Но "молчаливое большинство", несомненно, за апартеид и подавление черных сил. Впрочем, оно отнюдь не молчаливо — не стесняется высказываться не только в беседах, но и в прессе. Власти представляют это большинство белых. Справа от властей нахо-

дится "движение сопротивления буров". Сопротивленцы настроены вполне решительно, как, впрочем, и черные радикалы. Своим символом они избрали три семерки — вроде свастики, только из трех, а не из четырех частей.

Черное общество, пожалуй, не менее разнообразно. Есть витдуке, которые расправляются с радикалами. Есть Бутелези, которого — вряд ли справедливо — называют вождем витдуке и коллаборационистом. Есть епископ Туту, почти радикал, но порицающий ожерелья и бомбы. На то он и епископ. Его влияние постепенно слабеет — это часто случается с центристами. Есть Нельсон Мандела, сидящий в тюрьме двадцать четвертый год: пожалуй, его бы выпустили, но он принципиально не согласен отречься от насильственных методов. Жена его Винни недавно заявила: "Вместе, рука об руку, со спичечными коробками и ожерельями — вперед, к освобождению страны!" "Правда" любит цитировать другие ее высказывания — о Советском Союзе как надежде прогрессивного человечества. Некто Джонни Макатини, представитель при ООН группы Манделы (Африканского Национального Конгресса), утверждает: "Если после революции нас останется четыре миллиона, все же это будет лучше, чем сейчас" (сейчас черных двадцать один миллион). Слева от них находятся парни из Соуэто, которые занимаются не теорией, а практическим применением ожерелий. Похоже, что их все больше. Они примерно соответствуют "красным кхмерам" и при случае разнесли бы все и вся, включая супругов Мандела и Джонни Макатини.

Апартеид особенно отвратителен тем, что обеспечивает для террористов некое моральное оправдание — разумеется, иллюзорное, и все же... Должна быть справедливость, должно быть право голоса для всех. Но если немедленно ввести все необходимые реформы, власть явно могут захватить коммунисты или близкие к ним группы, а то и местные "красные кхмеры". Нужного количества голосов они не соберут, однако в запугивании и фальсификациях дадут много очков вперед любой партии. А тогда, разумеется, не позавидуешь южноафриканцам, причем не только белым, но и черным (черным в сущности даже придется хуже). Другой вопрос — кто виноват, что сейчас не видно альтернативы. Виноваты люди, которые десятилетиями пользовались удобствами апартеида, бассейнами, площадками для гольфа и правом голоса, не затрудняя себя размышлениями о том, что происходит в бараках для слуг, в хижинах Соуэто, в традиционных деревнях. Впрочем, сейчас выяснять вину поздновато.

Произойдет ли здесь кровавый переворот — не знаю и, по правде говоря, сомневаюсь. Власти с помощью "лояльных черных" контролируют положение. Решительности у этих властей, пожалуй, не меньше, чем у коммунистических. Что может возникнуть — это ситуация, сходная с ливанской: десять или двадцать лет ожерелий и бомб. Если это и лучше, чем кровавый переворот, то не слишком.

28 июня. "The Citizen" с нескрываемой симпатией отзывается о генерале Ярузельском: дескать, навел в Польше порядок. Покупаю "Time" и "Newsweek", но там целые страницы вымараны цензурой.

Вчера погибло семь человек, один из них так обгорел (на тело было надето семь автомобильных шин), что личность его установить невозможно.

29 июня. В Кейптауне напряжения меньше, чем в Йоханнесбурге и Дурбане. Большинство его жителей — "цветные". В семнадцатом и восемнадцатом веках, когда еще не было апартеида (было попросту рабство), белые тут существенно перемешались с неграми, готтентотами и привезенными на работы малайцами. Легко различить малайский и готтентотский тип лица на улицах. "Цветные" находятся в менее трагическом положении и менее склонны к радикализму, чем черные. Сам город очень хорош, в нем много европейской старины, пейзаж тоже замечателен.

30 июня. Черное предместье Ланга. Неподалеку другое знаменитое предместье Кроссроудс, от которого уже немногое осталось: там происходили схватки между радикалами и витдуке, власти сожгли большинство хижин и выселили их обитателей. Ланга напоминает концлагерь. Длинные ряды грязных двухэтажных барачков, перед которыми полощется белье. Дальше видны хибарки, сооруженные на скорую руку. Кое-где устроены уборные и организован вывоз мусора, но похоже, что таких мест немного. Где больше разница: между Лангой и Кейптауном или между ньюйоркским Гарлемом и Пятой авеню? Несомненно здесь. А как насчет разницы между рабочим поселком и номенкла-

турными дачами? Нет, Ланга — тем более Кроссроудс — будет похуже любого нашего рабочего поселка.

Вспоминаю то, что мне говорил А. — человек, знающий СССР и бывавший в Южной Африке: "Представь себе, что ты работаешь в Париже, получаешь при этом советскую зарплату и каждый вечер возвращаешься в Курск. В Курске ты живешь в коммуналке. Утром садишься в автобус — и опять на Елисейские поля, где, впрочем, при твоих деньгах и твоём виде тебе явно не место. Сбежать в Париж ты не можешь, торговать в Курске парижским барахлом не можешь. Ну что, стал бы ты бросать бомбы?"

Пожалуй, что и стал бы.

1 июля. Городок Стелленбос, второй по возрасту в Южной Африке после Кейптауна. В нем университет на языке африкаанс — "наш Оксфорд", как говорят местные жители. Его окончило большинство премьер-министров страны. Студентов четырнадцать тысяч, из них семь индусов, пятнадцать негров и сто восемьдесят цветных. Их стали принимать два года тому назад, но жить они должны отдельно. "Economist" с замазанной обложкой и несколькими вырезанными страницами. Что ж, в Москве или Вильнюсе я сказал бы спасибо и за такой.

В Соуэто кто-то бросил молотовский коктейль в автобус со сторонниками Бутелези: водитель загорелся и выскочил из машины. Убито двое прохожих; еще тридцать шесть человек в больнице. Пятнадцатилетний черный мальчик получил два года условно, так как ходил по городу с радикальными лозунгами на школьном ранце. Совершенно такая же история случилась в Вильнюсе с Т., сыном моего знакомого, который написал на ранце "Русские, вон из Литвы!" и вышел погулять. Там, правда, обошлось без суда, но крупные неприятности были.

2 июля. В Йоханнесбурге вчера взорвалась бомба, ранив девятых. Среди раненых — двухнедельный младенец. Взрывы учащаются: 14 июня, потом 24, 26, 28, 30, наконец 1 июля.

Лечу в Зимбабве, на водопад Виктория. В тесном аэропорту Булавайо типично советская проверка документов, багажа и валюты. Постояв в нескольких очередях, почти валюсь с ног. Кстати, "Булавайо" означает "место убийств". Это уже Зимбабве, бывшая Южная Родезия. Сравнительно недавно здесь было репрессивное белое правительство, как и в Южной Африке, а сейчас государством управляет черный марксист Мугабе. Зимбабве называет себя "страной на переднем крае", но с ЮАР отношения у нее, как ни странно, достаточно тесные.

От аэродрома в городке Виктория Фоллс до гостиницы километров двадцать. Фу ты, как похоже на Советский Союз! Постепенно начинаю понимать, почему: нет реклам, ярких дорожных указателей, сама дорога узка и вся в выбоинах. Железнодорожный переезд; станция белорусского вида. При этом я еду на лендровере, выпущенном чуть ли не в 1947 г. Большая придорожная гостиница разрушена во время партизанской войны и не восстановлена. Сейчас здесь тоже попадают партизаны — противники Мугабе: ехать на автомобиле из Булавайо в Виктория Фоллс считается опасным.

Атмосфера в гостинице тоже советская: начальство не то чтобы несимпатичное, но сонное, не шибко грамотное и ожидающее бакшиша. Во дворе пасутся четыре африканских кабана-бородавочника. Вид у них несколько пугающий, но достаточно топнуть ногой, и они убегают, подняв хвосты торчком.

3 июля. Водопад Виктория намного превосходит и Ниагару, и Игуасу. Это такая мощь, что она перестает восприниматься, вроде поздних поэм Цветаевой. Три километра идешь в облаке брызг, сквозь них еле просвечивает солнце, сияют маленькие круглые радуги — и это все.

Иду смотреть местные танцы. Репертуар чисто магический, дионисийский, большинство номеров с масками: пляшут гигантские бабочки, чудовищные кузнечики, сверхъестественные стрекозы. Лицо человека скачет на маленьких ножках — подобное изображал только Босх.

4 июля. Шаман из государства Малави предсказывает мою судьбу: я проживу семьдесят четыре года, буду много путешествовать и счастливо женюсь. Стоит это три доллара, причем выписывается квитанция. Шаман-конкурент из Замбии берет два с половиной.

Во всем городке Виктория Фоллс полно вооруженных солдат в форме защитного цвета. Глава белых консерваторов Иан Смит двадцать один год тому назад ввел здесь чрезвычайное положение (как сейчас в ЮАР), а Мугабе его так и не отменил. Впрочем, ситуация весьма серьезна, так как белым предоставлено двадцать мест в парламенте, и тот же Иан Смит продолжает в нем заседать. Это как если бы Пуришкевич заседал в Верховном Совете СССР (и говорил там все, что хочет). Всюду, разумеется, висят портреты вождей. Мугабе в сталинском кителе, с лицом, ничего хорошего не обещающим. Президент республики Банана несколько приятнее: этакий Банана-Калинин.

Мугабе уничтожил и пересажал множество людей, особенно из недружественного ему племени ндебеле. Цель его — введение однопартийной системы. И все-таки в Зимбабве пока что царит дух не катастрофы, а скорее оперетки. После победы марксистов отсюда сбежало двести тысяч белых, но в последнее время около тридцати тысяч вернулось — и живет им, говорят, неплохо. Встречаю одного такого белого, бизнесмена-шотландца. “Ну, и как вам нравится новый режим?” — “А сейчас всюду так себе, даже в Европе”.

В Булавайо опять запутанные бюрократические процедуры и шмон. В киоске аэропорта вижу огромный портрет Ленина: это обложка советского журнала “New Dawn” (“Новая заря”), распространяемого в Африке. На самой первой странице студентки Вильнюсского пединститута в национальных костюмах вручают генералу Ярузельскому студенческую шапочку: вот и лекарство от ностальгии. Впрочем, “Time” и “Newsweek” тоже продаются, и даже без цензурных изъятов. Местная газета сообщает, что некий парламентарий предложил вырыть канал от центра страны до Индийского океана: канал обеспечил бы экономическую независимость Зимбабве от ЮАР, а также создал бы предпосылки для перевоспитания трудом заключенных. Фамилия этого африканского Ягоды — Зворвадза.

Неожиданное затруднение в Йоханнесбургском аэропорту. В иммиграционной анкете я назвался писателем (в прошлый раз писал “университетский профессор”). Чиновник добрых полчаса выпытывает, что я за писатель, — может, не дай Бог, журналист, — и проверяет какие-то списки нежелательных лиц. Однако в конце концов пропускает и даже вручает карточку “Добро пожаловать в ЮАР!”

5 июля. В газете буквы метровой величины: “Террор в Претории”. Бомба взорвалась в тамошнем предместьи, пострадало девять белых, в том числе семилетняя девочка, и одиннадцать черных.

Я как раз и еду в Преторию. Порядок на железной дороге какой-то невразумительный: если не ошибаюсь, есть вагоны первого, второго и третьего класса, а вдобавок специальный первый класс для тех белых, которые с черными ехать не хотят. Билеты третьего класса белым не продаются. Сажусь в смешанный первый — стоит он столько же, сколько и раздельный. В дороге впервые вступаю в беседу с черным африканцем.

Он сидит напротив меня, читает “The Citizen” (нашел что выбрать!) и неожиданно спрашивает: “Сэр, я плоховато понимаю английский — не могли бы вы мне объяснить, что значит *декада*?” Объясняю. “Вы, сэр, не такой, как все белые. Другие (жест в сторону пассажиров) нас ненавидят”. — “Я из Америки, у нас многое по-другому. Неужели все белые здесь ненавидят черных?” — “Конечно, все. А в Америке есть черные?” — “Есть”. — “Они воюют с белыми?” — “В общем, нет”. — “А мы воюем. Бог сотворил нас всех равными, но белые говорят, что они наши отцы. Если отец ежедневно сечет детей сымбоком (здешняя нагайка), дети рано или поздно ответят ему тем же”. Говорю: “Что ж, это прискорбно, однако логично”. Черный собеседник опять не понимает в газете слово, на этот раз *insurrection* (восстание, мятеж). Привожу синоним — *uprising*. Опять не понимает. *Revolution*. А, вот это слово ему известно, очень даже известно.

Вблизи Претории он опять со мной заговаривает: “Знаете, я вам должен нечто сказать. Но не сейчас, а когда выйдем на перрон”. Выходим. “Будьте в Претории осторожны. Это плохой город. Очень плохой.”

Плохой? Во всяком случае, нагоняющий тоску. В скверах на траве сидят молчаливые негры. Надписей “Только для белых” много больше, чем в Йоханнесбурге (в Дурбане и Кейптауне их почти нет). Пыль, дешевые лавки, дома, помнящие времена республики Трансвааль. Гигантский бюст бывшего премьер-министра Стрейдома, одного из создателей апартеида, который смахивает на Чаушеску.

“Фоортреккер Монумент” — памятник бурам, основавшим Трансвааль. В начале девятнадцатого века буры ушли из окрестностей Кейптауна, поскольку англичане отменили там рабство и не выплатили им надлежащую компенсацию. Ехали на телегах, с женами и детьми, постоянно отстреливаясь от местных черных. Унылый каменный куб: что-то он мне напоминает, не пойму что. Ага! Точно такой же кубический постамент торчит над Ереваном — на нем была статуя Сталина, ее сняли, только куб остался. Внутри мраморный фриз в стиле соцреализма, изображающий историю похода буров. С начала до конца это битвы, различные вероломства и зверства негров, героические женщины, призывающие мужчин к оружию, и так далее. Внизу крипта с надгробием, на которое шестнадцатого декабря, в полдень, падает луч солнца. В этот день произошла битва у Кровавой речки, где буры уничтожили три тысячи зулусов, а сами отделались четырьмя ранеными. Никто из них не погиб, так что не совсем понятно, чью память увековечивает символическое надгробие с надписью “Мы — тебе, Южная Африка”.

Девять бурских патриотов восемь лет вышивали серию картин на темы того же похода. Вышивки можно посмотреть в отдельном здании. Труда в них вложено очень много, идеологии — тоже; со вкусом послабее. Черных у монумента не видно: администрация “оставляет за собой право отказывать в посещении” — это, вероятно, означает, что черные здесь нежелательны.

Это общество, по-видимому, никогда не будет искать с неграми общего языка. Впрочем, и негры не будут.

Потом захожу в музей Крюгера — знаменитого президента республики Трансвааль. Белый домишко обставлен чеховской мебелью конца века. В последнем письме Крюгера бурскому генералу Бота, написанном уже из эмиграции, сказано: “Главное — охраняйте и лелейте наш язык”. Меня — литовца это, естественно, трогает. Языку африкаанс неподалеку от Кейптауна поставлен памятник — до этого и литовцы не додумались. Кстати, жители Соуэто десять лет тому назад восстали именно потому, что их заставляли учиться на африкаанс, а не на английском. Язык этот явно отмирает: международная англоязычная культура оттеснила его в какой-то семейный заповедник. Магазины, торгующие книгами на африкаанс, один за другим терпят банкротство. Это, естественно, усиливает комплексы буров.

Вернувшись в Йоханнесбург, обхожу все три места, где недавно произошли взрывы. Следы их замаскированы, однако, заметны. Столовая на Риссик-стрит, где пострадало семнадцать человек, вывесила объявление: “Заходите, мы торгуем по-прежнему”. Что ж, захожу и выпиваю чашку кофе.

А выйдя слышу кого-то, орущего в соседнем сквере — вероятно, спьяну. Белый. По улице спокойно ковыляет негр с двумя тюками в руках, точь-в-точь мешочник с Казанского вокзала, а белый швыряет вслед ему пустые жестянки из-под пива и не своим голосом вопит: “Убью, гад! Убью! Будешь знать, как себя вести! Я тебя научу уважать наш народ!” Подошедший полисмен очень осторожно уличивает скандалиста, оба они переходят на африкаанс. Подруга скандалиста рыдает. За сценой наблюдают несколько черных, которые держатся, надо сказать, с достоинством — куда более достойно, чем трое белых.

6 июля. Последний день в Йоханнесбурге. Экскурсия на золотые копи. Расплавленное золото напоминает апельсиновый сок.

В газетах кошмарная история семьи Ниманн. Госпожа Ниманн в Претории поссорилась со своим черным садовником и, кажется, его избила. Тогда он привел в дом несколько приятелей и вместе с ними повесил ее на глазах у детей, после чего повесил детей. Его окружили и застрелили черные полицейские.

Мой собеседник в поезде был прав: Претория — плохой город. Очень плохой.

7 июля. Уезжаю. Что ж, я посетил страну, зашедшую в такой тупик и настолько переполненную ненавистью, что не могу представить себе для нее ни революционного, ни эволюционного выхода.

Видел ли я страны хуже этой?

Только одну.

ТАЙНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Советский Союз утверждает, что он поддерживает борьбу против апартеида и защищает право поработенных масс Южной Африки. В течение долгого времени он осуждал экономические связи, существовавшие между США и ЮАР, и поддерживал в ООН требования экономических санкций против ЮАР. Советские представители неоднократно подчеркивали, что, в противоположность США, Советский Союз не ведет с Южной Африкой никакой торговли. Правда, однако, состоит в том, что эти две страны, вполне в византийском стиле, имеют друг с другом прочные коммерческие отношения.

Подавляющая часть мировых запасов золота, алмазов и платины находится в недрах Южно-Африканской республики и Советского Союза. Эти полезные ископаемые имеют исключительное значение для экономики обеих стран. И СССР, и ЮАР жизненно заинтересованы в том, чтобы цены на них поддерживались на максимально высоком уровне. Продажа на Запад золота и алмазов в течение долгого времени является для Советского Союза источником твердой валюты, необходимой для закупок западной технологии и зерна. Для Южной Африки цена на золото определяет ее экономическое будущее.

Если иметь все это в виду, то вовсе не удивительно, что между этими странами установилось секретное сотрудничество в торговле драгоценными металлами и камнями. Чтобы понять характер этого сотрудничества, надо обратиться к тому, как действует огромная южноафриканская корпорация Anglo-American. Anglo-American, совместно с родственной ей компанией De Beers Consolidated Mines, контролирует основную часть западного рынка золота, алмазов и платины. Гарри Оппенгеймер, создатель империи Anglo-American, является председателем De Beers.

De Beers, сначала под руководством сэра Эрнеста Оппенгеймера, а затем его сына Гарри, стал наиболее успешно действующим картелем в анналах современной коммерции. Через систему De Beers проходит свыше 80% мирового производства ювелирных алмазов.

Разработанная компанией De Beers хитроумная схема формирования и поддержания цен на алмазы была поставлена под угрозу открытием алмазов в Советском Союзе. Большое количество ювелирных алмазов из сибирских месторождений появилось на международном рынке в 1956 г. Казалось, что положен конец контролю, который Южная Африка осуществляла над мировой торговлей алмазами. Гарри Оппенгеймер понял, что, если Советский Союз попытается продавать свои алмазы независимо от De Beers, мировые цены на алмазы резко упадут. Поэтому он предпринял энергичные шаги, чтобы заключить с Советским Союзом картельное соглашение.

Шел 1957 год, и Южная Африка только что разорвала дипломатические отношения с СССР из-за поддержки, которую последний оказывал Южно-Африканской коммунистической партии. Перспективы на заключение соглашения казались малообнадешивающими. Оппенгеймер направил в Москву своего двоюродного брата сэра Филиппа Оппенгеймера, чтобы убедить советскую сторону в необходимости участия в системе De Beers. Южноафриканское предложение заключалось в том, что все производимые в Советском Союзе ювелирные алмазы закупаются De Beers по цене, которая ежегодно устанавливается заново. Эти алмазы затем должны поступать на рынок через CSO (Центральная торговая организация). Предложение устроило советскую сторону, и сэр Филипп вернулся в Лондон с секретным соглашением о продаже всех советских алмазов на Запад. Все детали этого соглашения никогда не были преданы гласности.

Так как официальная советская политика состояла в поддержке национально-освободительных движений в Южной Африке, Советский Союз с самого начала настаивал на том, чтобы концерн De Beers отрицал существование каких бы то ни было торговых

отношений с ним. На это Оппенгеймер согласился с радостью. После шарневилльского расстрела 1960 г. для Советского Союза стало и вовсе политически немыслимым, чтобы его деловые связи с Южной Африкой были раскрыты. В своем годовичном отчете председатель Оппенгеймер отметил, что "ввиду русской поддержки торгового бойкота Южной Африки, наш контракт о покупке русских алмазов не был возобновлен". В действительности же торговое соглашение нисколько не пострадало. Оно продолжало действовать в полном объеме и лишь стало еще более усложненным и законспирированным. В 1978 г. Оппенгеймер сказал, что у Южной Африки "нет иных причин скрывать это соглашение, как то, что русские по понятным причинам не хотят привлекать к нему внимания общественности".

Хотя обо всех условиях торгового соглашения можно только гадать, о самих этих отношениях известно достаточно много. Например, советские представители из Министерства внешней торговли и государственной организации по торговле алмазами ежегодно встречаются с представителями концерна De Beers, чтобы выработать условия очередного соглашения. Во время этих встреч, проходящих часто весьма напряженно, южноафриканские представители должны установить, какое количество советских алмазов и по какой цене поступит на рынок через систему CSO. Советские представители отказываются сообщать какие-либо статистические данные о производстве алмазов и делают только общие поправки к ошибочным оценкам De Beers. В этих заседаниях часто принимают участие сэр Филипп Оппенгеймер или его племянник Николас Оппенгеймер. Несколько раз сэр Оппенгеймер от имени De Beers посетил Москву. Гарри Оппенгеймер также тайно встречался с советскими представителями в Лондоне на частных обедах в Connaught в Мэйфэре. Советскую сторону часто представлял Борис Сергеев, зам.председателя советской организации по торговле алмазами и платиной. Одна их недавних встреч между советскими и южноафриканскими представителями происходила в замке Брухем в Бенбери (графство Оксфордшир, Англия). Ответственные советские лица тайно посетили штаб-квартиру De Beers в Кимберли (Южная Африка). По-видимому, СССР каждый год требует все большей платы за свое участие в алмазном картеле.

Действительно, советское производство алмазов гораздо выше, чем кто-либо в компании De Beers мог себе представить. К 1965 г. оно уже достигло 2—3 миллионов карат. В 1978 г. Гарри Оппенгеймер заявил, что за предыдущий 1977 г. De Beers уплатил Советскому Союзу более 500 миллионов долларов. По имеющимся данным, за последние годы платежи De Beers Советскому Союзу выросли до 600—700 миллионов долларов в год.

Сотрудничество между Советским Союзом и Южной Африкой в области алмазного бизнеса простирается и на обмен информацией о технологии добычи, а также экспертами-специалистами. В 1976 г. группа сотрудников De Beers была допущена для осмотра одной из сибирских алмазных шахт. Советский Союз согласился на этот визит на условии, что советским геологам будет разрешено осмотреть шахты De Beers в Южной Африке. Вслед за этим советский горный инженер Георгий Смирнов был прикомандирован к шахте в Лесото сроком на два года как "консультант" концерна De Beers. В 1982 г. De Beers удалось блокировать публикацию британским правительством данных о ввозе алмазов из Москвы в Лондон, набросив тем самым еще один покров секретности на и без того держащиеся в тайне международные перемещения алмазов. Наконец, хотя упорные слухи о том, что в существующих соглашениях специально подчеркнуто, что СССР использует свое влияние, чтобы убедить Анголу сохранить свою торговлю неограниченными алмазами в рамках системы De Beers.

Тайный сговор между Южной Африкой и Советским Союзом не ограничен торговлей алмазами. На основе "алмазного соглашения" были установлены также контакты в области торговли золотом и платиной. Как и в добыче алмазов, СССР и ЮАР занимают господствующие позиции в производстве драгоценных металлов, совместно обеспечивая 80% мировой добычи золота. Таким образом, обе страны очевидно заинтересованы в сотрудничестве. Львиная доля золота в слитках, продающегося ежегодно на западных рынках, происходит из СССР и ЮАР. Две страны провели целую серию тайных контактов, обсуждая торговлю слитаками. В результате они взаимно получили весьма ценную информацию и внесли свой вклад в то, что экономисты обозначают термином "упорядо-

ченный рынок". В торговле золотом нет формализованных рыночных соглашений, нет организации типа CSO, существующей в алмазной торговле. И Южная Африка, и СССР выбрасывают свое золото на рынок в Цюрихе через Швейцарский золотой пул, объединение нескольких знаменитых швейцарских банков. Решающим является выбор времени для выхода на рынок в Цюрихе; поэтому именно здесь встречаются два главных производителя.

Возможность тайного соглашения между двумя основными производителями золота породила на Западе массу догадок и предположений. Деннис Этередж, директор отделения золота концерна Anglo-American, отрицал существование каких бы то ни было секретных соглашений, но заметил: "если банкиры в Цюрихе или Лондоне скажут южноафриканскому банку: смотрите, русские наступают на рынок — тогда южноафриканцы воздержатся". Во внутреннем отчете о советской внешнеторговой политике, составленном южноафриканской Горной палатой, такие отношения между торговцами золотом называются "системой тайного лидерства в области цен". Некоторые специалисты полагают, что Советский Союз имеет счета в Южно-Африканском резервном банке.

Есть множество свидетельств о связях между Советским Союзом и ЮАР в области торговли золотом. Майкл Бекет, исполнительный директор компании Consolidated Gold Fields (в которой Anglo-American имеет контрольный пакет акций), в сентябре 1980 г. посетил Москву. Бекет и его сотрудники были приняты руководством Внешторгбанка СССР. Их официальной целью было получение информации о "золотой" политике Советского Союза, необходимой для ежегодного аналитического отчета компании о торговле слитками. Во время этого и последующих визитов происходило оживленное обсуждение возможности расширения контактов, распространения их на вопросы металлургии и технологии добычи. Концерн Anglo-American выразил интерес к приобретению патента на совместную технологию отделения золота от примесей. Обсуждался вопрос о регистрации сделки в Аргентине, чтобы избежать огласки. Более того, были установлены регулярные консультации между представителями советского банка и советскими экономистами с одной стороны и высшими руководителями Anglo-American — с другой.

Нет сомнения в том, что между двумя странами происходят регулярные консультации о всех аспектах разведки, добычи и продажи золота, но цель этих встреч, по-видимому, состоит более в попытках выяснить намерения другой стороны, чем в кодификации какого бы то ни было торгового соглашения. Отношения СССР и ЮАР в вопросе о золоте можно определить как "встречи конкурентов", когда контакты происходят в атмосфере взаимной подозрительности.

Поскольку в платиновой промышленности Советский Союз и ЮАР господствуют абсолютно, неудивительно, что между ними существуют постоянные контакты. После того как Гордона Уэделла видели в Москве в обществе советских торговых представителей, возникли предположения о возможности заключения торгового соглашения между двумя производителями платины. Уэделл, один из руководителей концерна Anglo-American, является также председателем южноафриканской компании Rustenburg Platinum Holdings, главного мирового производителя платины. Он пытался, как утверждают, добиться негласного соглашения с СССР о том, что тот не будет принимать цен свободного

Слитки платины советского производства в подвалах одного из цюрихских банков

рынка, если они существенно ниже южноафриканских. Южноафриканские производители продают свою платину на основе контрактов, часто промышленным потребителям, тогда как Советский Союз продает свою платину на свободном рынке. Что касается платины, как, впрочем, и золота, то Южная Африка является их постоянным поставщиком, в противоположность разовым нерегулярным продажам на Запад, которые осуществляет Советский Союз.

Представители компании Rustenburg и советской организации по торговле алмазами и платиной встречались неоднократно частным образом в Осло и Гонконге и обсуждали недавние затруднения платинового рынка. Советские и южноафриканские представители встречаются каждый год в мае на так называемом "платиновом обеде" в отеле "Савой" в Лондоне. На этих обедах часто присутствует Уэдделл, где он делит председательское кресло с Борисом Осиповым, лондонским представителем советской организации по торговле алмазами и платиной. В 1981 г. на этом обеде были Гарри Оппенгеймер и представитель советского Министерства внешней торговли Евгений Монаков.

Так как СССР с 1977 г. практически исчез с международного платинового рынка, ходят упорные слухи о том, что южноафриканские компании тайно продают советскую платину на Запад. В частности, Ayrton Metals, дочерняя компания южноафриканского концерна Impala Platinum, выступает в качестве крупного продавца платины, и многие наблюдатели считают, что именно она взяла на себя продажу значительной части советской добычи платины.

Вся ирония секретных коммерческих связей между Советским Союзом и Южной Африкой нашла свое отражение в любопытном совпадении. В то время как в ноябре 1980 г. руководители советского Министерства внешней торговли принимали в Москве Гордона Уэдделла, председатель Президиума Верховного Совета СССР Л.Брежнев приветствовал прибывшего в советскую столицу Самору Машела, президента марксистского Мозамбика. Фантастически выгодные, хотя и тайные деловые отношения с Южной Африкой поддерживаются в то самое время, когда советские союзники на юге Африки пытаются военными средствами подорвать режим белого меньшинства в ЮАР.

Когда несколько лет назад английская пресса обвинила СССР в поддержании торговых связей с Южной Африкой, советские газеты реагировали на это очень яростно. "Известия" писали тогда: "Авторы подобных сообщений прибегают к методам доктора Геббельса, который говорил, что чем чудовищнее ложь, тем скорее ей поверят... Эти сообщения приготовлены на западных кухнях дезинформации по заказу западных спецслужб, чтобы дискредитировать в глазах Африки миролюбивую политику Советского Союза".

В.Ленин в 1921 г. заявил, что после победы социализма во всем мире из золота будут делать унитазы. До тех пор, однако, по мнению Ленина, золото следует "продавать по самой высокой цене и покупать товары по самой низкой цене. С волками жить — по волчьи выть". Подход вполне прагматический, где в основу положены собственные экономические интересы.

В то время как на Западе общественность оживленно обсуждает экономические санкции против ЮАР и многие страны такие санкции уже ввели (США даже вопреки президентскому вето), Советский Союз продолжает потихоньку свой тайный бизнес с белыми правителями ЮАР. Советский Союз вполне сознает свое ключевое положение в южноафриканской стратегии поддержания высоких цен на драгоценные металлы и камни и зависимость западных правительств от их поставок. СССР не высказывает никаких намерений отказаться от выгодных отношений с Южной Африкой. От Советского Союза в большой степени зависит южноафриканская экономика, основанная на добыче минерального сырья. Всего лишь действуя в обход синдиката De Beers, Советский Союз мог бы привести к его банкротству и нанести непоправимый ущерб южноафриканской экономике. Однако СССР предпочитает "выть по-волчьи" и экономически поддерживать апартеид. ●

Э.ЭРЛИХ, Г.СЛОНИМСКИЙ (Денвер)

ГРАНИ АЛМАЗА

К истории открытия сибирских месторождений

Рассказу об этом открытии посвящено великое множество газетных и журнальных статей, книг, кинофильмов. Созданы образы героев – ученых-предсказателей и геологов-первопроходцев, вырвавших у природы ее вековую тайну. Как всегда в подобных описаниях, главное – пафос высоких деяний. Серость будней, повседневный и действительно героический труд забыты. Забыты и имена тех, кто был истинным автором открытия.

Сейчас уже трудно ожидать, что правда будет восстановлена в ближайшие годы. Время бежит, и последние участники этой истории уходят из жизни. Поэтому мы берем на себя смелость передать эту историю такой, какой знаем ее мы, участники одной из алмазных экспедиций.

Память, как известно, штука ненадежная. Так что всегда возможны и смещения акцентов, и пропуски деталей, и неточная интерпретация отдельных моментов. И тем не менее мы считаем своим долгом рассказать о том, что помним, ибо в нашей советской действительности и без того слишком много легенд.

Эти небольшие заметки – не историческое исследование. Это всего лишь дань памяти тем, кто совершил открытие. Может быть, читатель, далекий от геологии, воспримет описываемое событие как еще одну иллюстрацию на тему "как это делается", в данном случае – в геологии. Но на наш взгляд, эта история отражает образ великой страны: неисчерпаемость ее богатств, неистребимую талантливость ее людей и калечащую этих людей государственную машину.

Плеяда провидцев

Алмазы добывались в России еще до Великой Отечественной войны. Однако добыча была невелика. Запасы известных к тому времени уральских месторождений были незначительны. Не был известен и источник алмазов в речных осадках. Поэтому открытие алмазов в стране справедливо связывают с находкой алмазных месторождений Сибири.

Рассказы об истории этого открытия принято начинать с уведомления, что "открытие блестяще подтвердило прогнозы..." или "явилось следствием прогнозов одного из знатоков магматизма Сибири академика В.С.Соболева". Это так и не совсем так.

Действительно, уже в начале 30-х годов было очевидно, что в Сибири располагается крупнейшая провинция базальтовых магматических пород – траппов. Она была описана в капитальном труде В.С.Соболева, ставшем его докторской диссертацией. Однако в конце 30-х годов геолог Арктического института Г.Г.Моор обнаружил на севере Восточной Сибири магматические породы другой группы, так называемые альнеиты. По своему составу они бедны кремнекислотой и по многим признакам напоминают алмазные породы Южной Африки – кимберлиты. Одновременно в южной части Таймыра, то есть в местах, прямо прилегающих к району находок Моора и близких к нему по геологическому строению, знаменитый Н.Н.Урванцев, первый геолог Таймыра и Северной Земли, нашел так называемые дайки – запол-

ненные магмой трещины земной коры, сложенные другой разновидностью кимберлитоподобных пород.

В работах Г.Г.Моора и Н.Н.Урванцева, посвященных описанию этих находок, была впервые высказана мысль о том, что на севере Восточной Сибири, на территории Сибирской платформы могут быть найдены настоящие алмазоносные кимберлиты, не менее богатые алмазами, чем кимберлиты Южной Африки. Может быть, в иных обстоятельствах эта мысль и привлекла бы внимание. Но Урванцев столько сидел в лагерях, что для экспедиций и публикации своих работ у него оставались лишь короткие промежутки между "отсидками". Что касается Моора, то его считали всего лишь добросовестным петрографом-описателем, его выводами общего плана начальство не интересовалось.

Однако общие аналогии между геологическим строением Сибири и Южной Африки были настолько очевидны, что в план Центрального научно-исследовательского геологоразведочного института в Ленинграде была включена тема сравнительной характеристики геологии зарубежных алмазных месторождений и сходных районов СССР. В 1937 г. очередная сессия Международного геологического конгресса проходила в СССР. К этой сессии В.С.Соболев представил доклад, где — на основе коллекций Моора и Урванцева — говорилось о возможном присутствии на севере Сибири не только пород, связанных с базальтовой магмой, но и пород, происходящих из магм того же типа, что и кимберлиты. В 1940 г., опираясь на тот же материал, Соболев представил в Госплан доклад, в котором рекомендовал организовать специальные поиски алмазов. Однако было уже не до того — началась война.

Эта предыстория открытия со всей очевидностью свидетельствует, что о точных прогнозах не было и речи. Все, что было, — это единичные находки пород, напоминающих кимберлиты, и некоторые общие аналогии.

Если считать это "прогнозом", то с тем же основанием можно объявить первооткрывателем другого ученого. Он предсказал и само открытие, и район будущих находок, причем указал с точностью до нескольких сот километров. Мы имеем в виду известный научно-фантастический рассказ И.Ефремова "Алмазная труба".

Впрочем, встав на путь перечисления "предсказателей", нельзя не упомянуть о Ю.М.Шейнманне. Один из тех, кто в начале 50-х годов руководил поисками алмазов в Институте геологии Арктики, М.И.Рабкин рассказывал, что в геологических фондах Норильского комбината он читал старый отчет заключенного Ю.М.Шейнманна. В этом отчете район возможных находок алмазных месторождений был очерчен с точностью до 100 км и прямо говорилось о перспективности Оленек-Вилуйского водораздела.

Начало поисков

Война нанесла колоссальный ущерб экономике страны. Но несравненно больше беспокоила Сталина обнаружившаяся в ходе войны отсталость советской промышленности. Определяющим моментом в эти годы стала скорость: скорость резания металла, скорость бурения. Фамилия токаря-скоростника Генриха Борткевича упоминалась в газетах чаще, чем имена Капицы или Ландау. Неудивительно, что к числу важнейших видов стратегического сырья — золоту и урану — прибавились алмазы — режущий и абразивный материал. Способность социалистической экономики сосредотачивать силы на главных направлениях проявилась в этом случае особенно ярко. В составе Министерства геологии было создано сразу несколько специализированных управлений. Первый главк должен был заниматься поисками радиоактивных материалов. Второй — алмазов и пьезосырья (основы электроники).

Под эгидой Второго главка в Якутии была организована Амакинская экспедиция с центром в поселке Нюрба на Вилюе. Первые же шаги экспедиции показали, что алмазы в речных отложениях есть — и в бассейне Вилюя, и к северу от Иркутска. Но источник их по-прежнему был неясен. И хотя научное руководство экспедицией фактически осуществлял один из ведущих петрологов страны — тот же В.С.Соболев (в то время профессор Львовского университета), геологи экспедиции метались и искали алмазы там, где их заведомо быть не могло. К очередному празднику в Амакинке брались обязательства: "Обнаружить, вскрыть горными работами и опробовать две новых дифференцированных трапповых (базальтовых) интрузии".

Одновременно с организацией Амакинки в Ленинграде, при Всесоюзном геологическом институте, была создана так называемая Центральная экспедиция. Экспедиция эта должна была осуществлять методическое руководство поисками. Эта экспедиция и вырастила тех, кто впоследствии нашел первые настоящие кимберлиты.

Геологическую съемку районов (то есть общее комплексное их исследование и оценку возможных перспектив) поручили Институту геологии Арктики. Его экспедиции отводилась роль передового разведчика, призванного открыть дорогу главным силам.

Так были распределены роли будущих участников алмазной драмы. Однако жизнь, как обычно, смешала эти стройные планы...

Упущенное открытие, или цена осторожности

Одним из тех, кто проводил съемку в бассейне Оленека, был Костя Забурдин — геолог-практик, не имевший специального образования, но прекрасно знавший все местные породы. В одном из маршрутов, среди надоевших до смерти известняков, он встретил обрыв, сложенный темно-зелеными породами, переполненными обломками. По возвращении с поля тончайшие срезы этих пород — шлифы — передали для описания в петрографическую лабораторию института. Тогда-то, осенью 1951 г., талантливый, но часто впадающий в запой Володя Черепанов написал на карточке описания шлифа новое для России название — кимберлит. На всякий случай Костя решил справиться у начальства — не слишком ли смело? Профессор М.Г.Равич, заведующий лабораторией петрографии и заместитель директора по науке, прекрасно понял, что это означает, а главное — какова мера ответственности.

Последовало категорическое распоряжение: термин убрать, заменив его осторожным "эруптивные туфы основного состава", Черепанову — проспать. На опечатанном через год листе Государственной геологической карты СССР масштаба 1:1 000 000 среди огромного сиренево-розового поля кембрийских отложений ярко-зеленой краской вне масштаба была показана Забурдинская находка под высочайше утвержденным названием "эруптивные туфы основного состава".

Пройдет несколько лет, и карта станет документом позора. Забурдинские туфы будут именоваться кимберлитовой трубкой "Ленинград", а руководство Института геологии Арктики примется писать во все инстанции, доказывая, что это они первыми нашли кимберлиты, их просто не так поняли! Однако находка будет уже прочно связана с другим районом и другими именами.

Обрыв, в котором "обнажаются" найденные Забурдиным кимберлиты, — одна из трех точек Сибири, где к ним можно прямо подойти, увидеть и описать. В остальных местах оползни, связанные с вечной мерзлотой, скрывают от глаз то, что, казалось бы, лежит под ногами. Стоя прямо на кимберлитовой трубке, можно не догадываться, на чем стоишь, пока тело магматических пород не вскрыют шурфами или каналами. Когда Амакинка, после долгих лет поисков, наконец вы-

шла на богатую трубку Айхал, первое, что увидели на ней геологи, — игральные карты. Их оставили сотрудники партии В.Ф.Медведева из того же Института геологии Арктики: они отводили душу после очередного безуспешного маршрута...

Чтобы найти кимберлиты и дать им их собственное название, нужен был метод. Метод, который дал бы ключ к тому, как искать их среди скованных вечной мерзлотой столообразных водоразделов Западной Якутии. Пока же ключа не было, геологические партии уныло бродили по богатейшим районам Оленек-Вилуйского водораздела. Работы велись с соблюдением всех канонов и принимались с отличными оценками. И выводы неизменно были строго научные: никаких признаков алмазоносных месторождений.

Одна беспокойная женщина и малиново-красные цепочки пиропов

В нашей шлихо-минералогической лаборатории работала Ягна Львовна Стахевич, по контрасту имени и характера прозванная "Тигрой Львовной". Она была из тех людей, у которых на дню тысяча идей, и со всеми этими идеями они носятся одинаково восторженно. Заранее ясно, что 999 идей ровно ничего не стоят, а то и просто бред, но зато тысячная — чистое золото.

Вот она-то первая при совершенно конвейерном просмотре сотен шлихов, взятых геологами в маршрутах, обратила внимание на две необычные вещи. Во-первых, хотя экспедиция работала в поле сплошных известняков, пород, почти свободных от вкрапления тяжелых минералов, шлихи почему-то были полноценные, а вернее — полновесные. Естественно, вставал вопрос об источнике сноса тяжелых минералов: либо они переносились водой за десятки, а то и за сотни километров из областей развития таких пород, либо среди известняков есть мелкие тела иного состава, скрытые под мерзлотными наплывами и болотами. И вторая деталь. Среди гранатов, обычных минералов шлиха, встречаются яркие, густо-малиновые или густо-фиолетовые зерна. Тогда-то Ягна впервые и произнесла имя, ставшее потом самым популярным среди алмазников Сибири, — пироп. Пироп — это гранат, обогащенный магнием и хромом, связанный, однако, с бедными кремнекислотной ультраосновными породами и особенно с алмазоносными кимберлитовыми трубками.

Со свойственным ей энтузиазмом Ягна принялась донимать руководство экспедиции и "тематиков", которым полагалось направлять поиски и разрабатывать их методику. Даже через десятки лет, рассказывая об этом, дряхлая старушка загоралась: "Я им сразу сказала — это пиропы, алмазы рядом!" Связь пироба с кимберлитами была известна. В Южной Африке геологи в какой-то мере учитывали этот момент при поиске новых кимберлитовых трубок. Но использовать пироба как основной ключ при поиске кимберлитов — это уже идея Стахевич!

Однако все в экспедиции устало от этого бесконечного энтузиазма, от желания (и способности!) видеть суть вещей. От Ягны просто отмахивались. Начальник экспедиции переправлял ее к "тематикам" — они-де ученые, пусть нам, производственникам, укажут, что делать. А ученые — в лице тогдашнего главного алмазника Института геологии Арктики М.И.Рабкина — проявили свойственную "настоящим ученым" осторожность. Глубокомысленно осмотрев в бинокляр яркие зерна и выслушав взволнованный Ягнин бред, Михаил Израилевич изрек: "Надо быть особо осторожным и точным в определениях. Правильнее будет указать, что это не пиропы, а гранаты пироп-альмандинового ряда". Маленькая поправка, благоразумное и в общем справедливое уточнение — и все переменилось.

Из-за чего же, собственно, шум? Стоит ли менять направление работ большого коллектива только потому, что не удается какой-то сумасшедшей бабе? Так Инсти-

тут геологии Арктики вторично упустил возможность открыть, найти кимберлиты, а значит и алмазы Сибири, само же открытие было отсрочено еще на год. Но всего на год!

Остановить поток было уже невозможно. Вопрос об источнике тяжелых минералов в шлихах был вновь поставлен в Центральной Экспедиции при Всесоюзном геологическом институте (ВСЕГЕИ). Фактически экспедиция входила в состав ВСЕГЕИ, но в силу каких-то административных хитростей она всегда значилась отдельно. Очевидно, начальство обходило хитроумные бюрократические ловушки, расставленные еще более высоким начальством.

А количество загадочных пиропов-непиропов множилось, и на картах результатов шлихового опробования потянулись первые, еще робкие цепочки красных кружков — слабый пунктир, ведущий к источникам сноса. Сейчас уже трудно определить, кто первый сказал "Э...". Так или иначе, но только после заключения крупного специалиста по россыпным месторождениям и уральским алмазам — профессора Ленинградского университета А.А.Кухаренко у алмазников возник профессиональный интерес к пиропам. Даже особые термины появились: "пироповый метод", "пироповая съемка".

Официальное признание важности этого поискового критерия сразу же изменило отношение к нему начальства. Но подлинный перелом еще не наступил. Все свелось к горячим дискуссиям среди минералогов, почти не выплескиваясь наружу. Только в конце полевого сезона 1952 г. произошла встреча, во многом определившая дальнейший ход событий. Минералоги Центральной Экспедиции — Наталья Николаевна Сарсадских со своей аспиранткой Ларисой Попугаевой, усталые после тяжелого полевого сезона, вышли на базу нашей экспедиции (по имени реки, на которой стояла база, экспедиция называлась Яралинской).

Такая встреча — всегда событие. Те, кто пришел, могут помыться в бане, не возиться с готовкой, а ходить в базовскую столовую, узнать последние новости. И конечно же — поговорить с коллегами. Ягна, обретя долгожданную возможность выступить перед слушающими (и с интересом слушающими) людьми, тут же изложила им свою любимую идею о пиробах. И не только изложила — дала карту с точками находок. Гости сняли кальку с карт, где были нанесены кроваво-красные точки, промыли шлихи из только что доставленных на базу крупно-объемных проб.

Точек на карте было много. Они шли вверх по течению больших рек, "отходили" в притоки и из них в ручьи. Находка источника пиропов становилась уже делом техники. Оставалось идти и брать кимберлиты "голыми руками".

Героиня не выдерживает испытания

Они пошли и взяли... К полевому сезону 1954 г. находка кимберлитов стала неизбежной — источник пиропов протянулся вверх по ручью до "выхода на склон". В том году Н.Н.Сарсадских осталась в Ленинграде рожать сына, Лариса поехала с отрядом одна. Конечно, ей предстояли обычные тяготы сибирского "поля" — длинная и мучительная транспортировка, изнурительная работа во влажную жару в тучах комаров. Но решающий шаг уже был сделан. Слух о том, что коренные месторождения алмазов будут вот-вот открыты, летел впереди отряда Попугаевой. Амакинское начальство постаралось забросить им продукты, и очень этим гордилось — когда дело было сделано.

Так пришел этот миг, которого ждали и для которого работали все геологи-алмазники столько лет: в конце полевого сезона была найдена кимберлитовая трубка номер один — трубка-предвестник, названная "Зарницей".

В сентябре Лариса вышла в Нюрбу, где ей предстояло отчитаться об итогах полевых работ перед Амакинской экспедицией. Амакинское начальство было без-

раздельным хозяином Нюрбы. В успехах Попугаевой оно увидело только одно — свидетельство собственного провала. Молодой аспирантке был предъявлен ультиматум: либо она подает заявление (датированное задним числом) о переходе в Амакинку, либо ей навсегда закроют путь в этот район и лишат возможности продолжать начатую работу. В случае согласия ей сулили золотые горы.

И молодая женщина, прошедшая войну, спокойно переносившая тяготы экспедиционной жизни, не выдержала. Случай, увы, нередкий. Надо ли говорить, что ее обманули? Не было не только золотых гор, но она вообще осталась без работы. Назад, в Центральную Экспедицию, ее за "предательство" не взяли, а в Амакинке она была чужаком и только мозолила глаза. Всю славу открытия приписало себе руководство Амакинки. Подлинные первооткрыватели — Стахевич, Сарсадских, Кухаренко, Попугаева — остались в тени.

Правда, Попугаева и Сарсадских в том же 1954 г. напечатали статью о находке кимберлитов. Но и эта скромная заявка на приоритет была оспорена в вышедшей двумя годами позже статье В.С.Соболева и Г.Г.Моора, напомнивших свои заслуги конца тридцатых годов.

Через несколько лет дотошный репортер "раскрутил" часть этой истории. Лариса Попугаева получила орден Ленина. Была срочно сконструирована версия, вошедшая в каноническую литературу, легенда о героической женщине, исследовательнице-одиночке, нашедшей первый кимберлит.

Победная поступь алмазов

Мы знаем, однако, что все было иначе. Похожие на кимберлит породы и направляющиеся аналогии подвели геологов к самому порогу открытия. Потому-то "Зарница" сразу же осветила перспективу поисков. Алмазники получили и цель — кимберлитовые трубки, и метод — путеводную нить пиропов.

Амакинцы перестали радовать Родину вновь и вновь открываемыми к праздникам дифференцированными массивами базальтовых магм, утихла и охота за кристаллами алмазов в речных осадках. А ведь еще недавно пределом мечтаний Амакинского начальства было — плюнуть на "высокую геологию", намыть большую миску алмазов и поразить ею Хрущева!

В Институте геологии — там тоже не лыком шиты — был отдан приказ срочно провести ревизию шлихов в скандальной Забурдинской находке. В первый же год туда бросили несколько партий.

Спохватилось и Министерство геологии. Вместе с Академией наук оно подготовило большую, с красочными фотографиями (пример в советской геологии единственный) монографию "Алмазные месторождения Сибири". Одновременно состоялась канонизация В.С.Соболева — он был возведен в ранг предсказателя. Алмазная легенда обрела законченный вид.

Теперь уже денег не жалели. Началась широкая геологическая съемка потенциально алмазоносных районов. Вели ее сразу две организации: ленинградский Институт геологии Арктики и Всесоюзный аэрогеологический трест, расположенный в Москве. Правда, впопыхах подведомственную территорию разделили так, что граница съемки разрежала пополам листы Государственной Геологической карты, по которым следовало выпускать сводные карты и отчеты. Годами геологи обеих организаций катались "из Санкт-Петербурга в Москву", кляня "меридиан Лобанова". Так в историю геологии вошло имя чиновника, который провел эту славную межведомственную черту.

Зато открытия сыпались как из рога изобилия. В течение нескольких лет были околонтрубки "Айхал", "Удачная". Почти случайно (хотя находки были уже делом техники!) нашли богатейшую трубку "Мир".

Каждый год геологи находили десятки новых трубок. Некоторые из них были действительно сказочно богаты. В погоне за алмазами власти не жалели ни

людей, ни средств. Трудно сказать, во что обошлась эта охота, где "гвоздь простой завези, а вывезешь — он по стоимости уже из чистого золота будет!" Шли экспедиции, строились (плохо, конечно) поселки, рудники, обогатительные фабрики. Зато сейчас Советский Союз второй (после Южной Африки) поставщик алмазов на мировой рынок. А это — валюта!

В тяжелейших условиях северной части центральной Сибири построены и работают три рудника, возле которых встали поселки — Мирный, Айхал, Удачная. Далеко на севере, всего в 150 км от Ледовитого океана, разведана первая и пока единственная в стране Эбеляхская россыпь алмазов, а рядом построен новый поселок — Амакинский, база новых экспедиционных работ.

В истории открытия и освоения месторождений алмазов воплотилось все. Научная смелость тех, кто нашел и описал неизвестные в стране породы и нащупал метод поиска. Тяжелый, поистине героический труд геологов. Трусость "научного руководства", которое сумело не только задержать открытие на годы, но и загубить тех, кто его совершил.

Каинова печать

Открытие многое меняет. Но даже самое великое открытие не может изменить общую обстановку в стране. Обстановку, при которой на верху пирамиды неизменно оказываются перестраховщики. У нас, в Институте геологии Арктики, ведущую роль по-прежнему играл "крестный отец" Забурдинской находки — профессор М.Г.Равич. Разумеется, на разных людях эта атмосфера отражалась в разной степени. Но в итоге большинство тех, кто занимался наукой, теряли способность воспринимать новые факты и старались их "обломать", приспособить к имеющейся теории.

Казалось бы, вопрос чистой науки: к востоку от Анабарского щита найдены новые массивы щелочных пород, не похожих на те, что были обнаружены на западе. Радиометрический возраст известных массивов — 250 млн. лет. Для новых же получен необычный возраст — 420 миллионов. Вывод? Этого не может быть. Ошибка!

Проходит, однако, какое-то время, и теория становится чистой практикой. Принципиально новая провинция щелочных пород дает принципиально новые типы месторождений. Исследование этих массивов поручают тому, кто уже угробил рудоносные породы на западе — вполне добросовестному петрографу-описателю и абсолютно бездарному ученому Леониду Егорову, знаменитому тем, что все его научные рекомендации за два десятилетия свелись к тому, что бурить надо больше и глубже.

На базе фактов, которые стали известны в середине 60-х годов, Владимир Милашев (в свое время пропустивший большую часть трубок Оленек-Вилуйского водораздела, а ныне ведущий алмазник) создает теорию зональности кимберлитовых провинций. Теория эта отнюдь не лишена достоинств. Но это, конечно, еще не истина в последней инстанции. В частности, из теории следует, что в направлении на север алмазность трубок должна уменьшаться. Позднее на севере находят новый кимберлитовый район, судя по первым данным, не менее богатый, чем южные. И что же? Автор теории делает все, чтобы не дать развернуться этим работам. И во многом преуспевает: в советской науке важнее всего иерархия.

Или пример из поисковой практики. Отряд идет в "большую воду". Берет шлихи. В это время в маленьких ручьях взять пробу нельзя. Надо ждать. Но рядом, на Анабаре, вместе с большой водой уйдет и знаменитая рыба таймень. И отряд достойного представителя той же школы Анатолия Вишневого бросает все и отправляется за тайменем на большую реку. В итоге на несколько лет отклады-

вается открытие крупнейшей и пока единственной в СССР россыпи алмазов на реке Эбелях.

Но так неиссякаемо богата эта земля, так велика у тех, кто работает, жажда поиска, что при ретроспективном взгляде кажется, что все предшествующие годы были сплошной чередой великих находок.

Прошло всего несколько лет с начала применения пиропового метода, а Галина Анастасенко ввела в практику методику поиска трубок по иному минералу — хром-диопсиду, а геофизик Вадим Литинский разработал новые геохимические и геофизические способы поиска кимберлитов.

Позже Сергей Табунов, Борис Лопатин и Андрей Уханов оконтурили целую систему новых полей кимберлитовых трубок вдоль восточной границы Анабарского кристаллического щита. Сергей Гулин нашел и описал новую провинцию щелочных магматических пород, с которыми связан большой и богатый комплекс руд редких металлов и апатита. Вскоре и вокруг этого района были обнаружены богатые алмазами кимберлитовые трубки. И, наконец, петролог из Всесоюзного геологического института Виктор Масайтис сформулировал новые идеи о происхождении Попигайской депрессии. Идеи, согласно которым в породах этой структуры должны содержаться минералы — индикаторы высоких давлений. Первые же пробы дают блестящие результаты: в совершенно необычной геологической обстановке обнаружена гексагональная форма алмаза — в три раза более твердая, чем обычная...

Теперь многих героев этой истории более чем тридцатилетней давности уже нет в живых. Уволена из Института геологии Арктики на пенсию и умерла забытая почти всеми Ягна Стахевич. Уволен из того же института и умер от сердечного приступа Володя Черепанов. Умерли Костя Забурдин и Лариса Попугаева.

Равича тоже уже нет. Он умер в промежутке между двумя заграничными поездками. Постановлением Красноярского крайисполкома его именем назван безвестный залив на севере Енисея: родина, забывшая Ларису Попугаеву, генералов от науки помнит. ●

Ольга МАКСИМОВА (Монреаль)

УЧИСЬ, МОЙ СЫН...

Не так давно мы, трое русских, сидели в маленьком мюнхенском ресторанчике над золотистыми пороссячими ножками и кричали друг на друга. Вернее, мы спорили, но так энергично, что немцы за соседними столами оглядывались. Как и положено в российских дискуссиях, каждый доказывал свое и не очень слушал остальных. Но горячность в этом конкретном случае была оправдана: мы обсуждали проблемы образования в Северной Америке, на эту тему каждый имел что сказать.

Среди причин, толкающих людей на эмиграцию, желание дать детям хорошее образование играет не последнюю роль. Мы точно знаем, чего *не* хотим для своих детей. Когда-то, когда меня вызывали на допросы в "Дом свободы" на Лубянке, я оставляла десятилетнему сынишке деньги, ключи, телефон друзей, на случай если не вернусь, и говорила: "Если тебе скажут, что твоя мать негодяйка — не верь". Это была борьба с тенью маленького доносчика Павлика Морозова, портрет которого висел в те времена в пионерской комнате в школе, висел в школе моих детей, висит и сейчас. Но скверно в советской школе не только присутствие идеализированного доносчика, отвратительны казарменная дисциплина, идеологическое промывание мозгов, начинающееся с первого дня в первом классе; не радуют слишком сложные программы по точным наукам и слишком слабые по гуманитарным, обязательное военное обучение и многое другое.

Кончающий школу где-нибудь в Барабинском районе Казахстана не получает такого же образования, какое получает его сверстник в Москве, Ленинграде, Киеве, Риге. И это несмотря на единообразие программ. Программы одинаковы, а выполнение разное. Ни

для кого не секрет, что даже из столичных школ или школ областных городов, где возможностей всегда больше, выпускники могут поступить в вуз, особенно хороший, только в том случае, если дополнительно занимаются дома с репетиторами по усиленной программе. В спецшколе в Москве, в десятом классе, где учился мой сын, 28 учеников имели в общей сложности 35 репетиторов. И это не потому, что школа была "спец", для недоумков. Отнюдь нет. Это был класс с повышенной по сравнению с обычными школами программой по литературе и истории. Дочка училась в той же школе в спецматематическом классе с таким же количеством учеников и приблизительно таким же числом репетиторов.

Десять десятых выпускников этих классов хотят поступить в высшие учебные заведения. Но многие ли могут платить репетитору или репетиторам 10 рублей в час? (Таковы были цены семь лет назад, сейчас, может быть, уже больше?) Значит, те, у кого родители не в состоянии осилить финансовые тяготы, еще до окончания школы теряют шансы на поступление в высшее учебное заведение. Наконец, в маленьких провинциальных городах репетиторов вообще нет, даже если хочешь и можешь их оплачивать.

Таким образом, отбор идет прежде всего по экономическому признаку. Далее следует признак идеологический: некомсомолы не могут поступить на так называемые "идеологические" факультеты: исторический, педагогический, юридический. Далее, существует отбор социальный — по происхождению. Есть вузы, куда попадают в основном дети номенклатурных работников высокого ранга — такие, как Институт международных отношений, Институт внешней торговли и другие, открывающие возможность контактов с Западом.

Глядя на эту печальную картину, один мой знакомый, старый генетик — умнейший человек и большой идеалист — написал работу о проблемах советского школьного образования. Он ссылался на Америку. Он считал, между прочим, что частое тестирование и возможность свободно выбирать программы помогают выявить наиболее способных учеников и предоставить им наилучшие условия для развития, что в конечном счете выгодно обществу.

Книгу его, насколько мне известно, не напечатали до сих пор. И, надо думать, не напечатает — уже потому, что автор настаивает на специальном подходе к людям повышено одаренным (принцип элитарного образования), да еще ставит в пример Штаты.

Такое, несколько идеализированное представление о североамериканской системе образования присуще отнюдь не только моему ученому другу. Многим эмигрантам казалось, что с переездом в Америку они избавятся от школьных неурядиц. В действительности все оказалось не совсем так, как представлялось издавала.

Года три назад в Штатах был опубликован документ под названием "Нация под угрозой" (A Nation at Risk). Речь шла не о нападении России на Америку и не о борьбе с террористами или наркоманией. Документ был посвящен проблемам школьного образования. В нем указывалось, что около 13% школьников 17 лет (то есть заканчивающих школьное образование) должны быть признаны функционально неграмотными. Это около 23 миллионов — каждый восьмой гражданин страны. Функционально неграмотными считаются люди, неспособные прочесть название улицы, этикетку на покупаемом товаре, заполнить элементарный документ. И эти 23 миллиона живут не в дебрях Африки, а в богатейшей стране, располагающей всеми мыслимыми техническими и финансовыми возможностями.

Составители отчета констатируют, что начиная с 1963 года результаты общенациональных тестов по всем предметам неуклонно понижаются, что американские школьники занимают все более низкие места на сравнительных международных экзаменах, что в колледжах и университетах масса времени уходит на обучение студентов тому, что они должны были проходить в школе, что руководители крупных предприятий тратят огромные деньги на обучение вновь принимаемых молодых работников чтению, письму, счету.

Документ "Нация под угрозой" — не единственный в этом роде. О том же говорят другие, более поздние исследования и опросы. Об этом говорится по телевидению. Жена

вице-президента Буша возглавила общенациональную кампанию по борьбе с неграмотностью, во многих штатах созданы центры по обучению взрослых чтению и письму.

В Канаде, где система образования в основном скопирована с американской, результаты столь же огорчительны. Весной 1986 г. был проведен международный сравнительный экзамен среди учеников шестого года обучения франкоязычных стран — Франции, Бельгии, Швейцарии и канадской провинции Квебек. Оказалось, что только 15% квебекских учеников знали, когда была открыта Америка, только 38% из них смогли назвать столицу своей собственной страны (против 94% европейцев), лишь трое из десяти канадцев сумели сложить два пятизначных числа, и половина из них делает орфографические ошибки в каждом втором слове!

Есть от чего схватиться за голову.

Столь удручающие результаты — прямое следствие недостатков ныне существующей в Северной Америке системы образования, а отнюдь не прогрессирующей умственной отсталости жителей этого континента. Но, во-первых, в Америке функционирует не одна система, а две, — ибо существуют общественные (штатные в Америке, провинциальные в Канаде) школы, дающие общедоступное, бесплатное и обязательное образование, и частные школы самого разного направления и степени дороговизны. Во-вторых, в общественных школах (о которых в первую очередь идет речь) есть и хорошие черты.

До начала семидесятых годов школьное образование в Соединенных Штатах и Канаде более или менее соответствовало европейскому образцу. Затем началась пора либерализации общества, которая коснулась всех сторон жизни, включая школу. Главная идея состояла в том, чтобы дать школьникам больше свободы, не давить на них, не утеснять их чрезмерной дисциплиной, жесткими программами, авторитетом учителей...

Давление такое, действительно, было, и его в самом деле больше нет. Нет настолько, что понятие элементарной дисциплины в школе отсутствует, и даже самый хороший преподаватель тратит половину времени на то, чтобы убедить учеников прислушаться к его словам, его послать. Нет общих по стране программ ни по каким, в том числе по основным, предметам. Практически не существует никакой обязательной суммы знаний, минимума, с которым должен выйти из школы самый неспособный ученик. Главный принцип современной американской школы: "обучение должно быть легким, занятым, почти игрой". Каждый предмет преподается на разных уровнях, не привязанных к году обучения. Что это значит? В СССР, как и в западноевропейских странах, проходят, предположим, в первом классе сложение и вычитание небольших чисел, во втором деление и умножение, затем дроби и так далее. И если ученик перешел, скажем, в седьмой класс, предполагается, что он должен знать арифметику, начала алгебры, теорему Пифагора... Определенный уровень знания связан с определенным годом обучения и обязателен для всех учеников этого года. В Штатах и предмет, и его уровень *выбирает и определяет ученик*. Если он, скажем, будучи в десятом классе, не хочет заниматься алгеброй, у него есть две возможности: либо вовсе не включать ее в программу (ибо программа индивидуальная у каждого ученика), либо взять на самом низком уровне. Нередко можно встретить человека, кончающего школу, который проходит так называемую "потребительскую" математику (по сути — арифметику), необходимую для расчетов в магазине и банке.

Когда детей учат писать, им предлагают "выбор из множества" — фразу с пробелом, куда нужно вставить недостающее слово. Рядом пишутся три-четыре ответа. От ученика не только не требуется, чтобы он переписал всю фразу, но он не должен писать и выбранное слово, достаточно поставить крестик. Поэтому ребенок не запоминает правописание и не учится самостоятельно формулировать даже самые простые мысли.

Так как нет обязательного набора предметов в программе, то, например, такие дисциплины, как всемирная история, география, литература очень часто практически выпадают из поля зрения учащегося. В итоге нередко можно встретить людей вроде одного молодого специалиста по компьютерам, с которым мне пришлось недавно разговаривать. Речь зашла о Гитлере, и мой собеседник сказал: "А, это тот, который начал Первую мировую войну..." Когда говоришь, что Советский Союз вдвое больше Канады по территории и в 12 раз превышает нашу страну по населению, американцы и канадцы поражаются: "Такой большой?!"

Процесс обучения чтению по-английски затруднен из-за сложности правописания. В минувшие годы это как-то преодолевалось. Сейчас детей учат читать слово как картинку, целиком. В результате многие запоминают некоторое ограниченное количество таких "картинок" и на этом останавливаются. Встретив новое слово, они не могут его прочесть. Эти-то люди и составляют армию полуграмотных.

Подход к обучению как к игре, забаве, которая не должна причинять никаких неприятностей, приводит к тому, что при малейшей трудности ученик меняет программу обучения, благо это не возбраняется. Если ему неохота решать задачки с бассейнами, он и не решает, а берет вместо этого скучного и трудного предмета что-нибудь "животрепещущее", вроде "Правовых проблем гомосексуалистов и лесбиянок в современном обществе" (весьма модная тема). Не обязательно принадлежать к вышеназванной группе, такой ученик будет прекрасно разбираться в ее моральных и прочих проблемах, но так и не научится считать, не сможет сложить без карманного компьютера двухзначные числа. Два выпускника школы, оба с прекрасными отметками, могут оказаться на совершенно разном образовательном уровне: у одного будет эквивалент русской пятерки по высшей математике, а у другого — по арифметике. Такой же разрыв будет и по другим предметам.

При отсутствии твердой программы только ребенок из культурной семьи в состоянии выбрать (с помощью родителей) нужные ему предметы и определить уровень их усвоения, чтобы успешно продолжать образование. Дети малограмотных родителей, оставленные на произвол собственных желаний и нежеланий, не усваивают ничего или почти ничего. Система, таким образом, сохраняет свои преимущества для избранных, для тех, кто с раннего возраста проявляет ярко выраженные способности и может в той или иной мере определить область дальнейшего приложения своих знаний. Но много ли таких детей? Большинству нужны достаточно серьезные знания по основным дисциплинам, чтобы иметь возможность сознательно выбрать дальнейший жизненный и профессиональный путь.

Демократия, существующая в США и Канаде, подразумевает свободу для всех, в данном случае — и для ученика, и для директора школы. И если во многих школах в самом деле учебный процесс почти развалился, то есть и такие, которые не только сохранили все хорошее, что было при старой системе, но и приобрели то положительное, что есть в новой. Примером может служить Brookline High School of Sciences в Нью-Йорке. Это, собственно, обычная общественная школа. Отличает ее от других лишь упорство директора, который считает, что школа существует прежде всего для того, чтобы учить, а не для того, чтобы развлекать. Здесь строго экзаменуют в старших классах, добиваются дисциплины, требуют выполнения домашних заданий (которых почти нет в большинстве общественных школ). Вместе с тем есть и свобода выбора. Ученик, который занимается в качестве главного предмета математикой, может слушать для общего развития, например, курс истории театра. Из этой школы вышло немало серьезных ученых, деятелей культуры, крупных бизнесменов.

Но таких школ мало. Большинство родителей, не удовлетворенных положением в общественных школах, вынуждены отдавать детей в частные учебные заведения. Число учащихся частных школ с традиционно поставленным образованием резко возросло за последние два-три года, и не потому, что стало больше богачей, а потому, что все больше людей понимает, что массовое народное образование не отвечает требованиям современной жизни. Низкий образовательный уровень приводит к тому, что выпускник средней школы не может найти себе применение в высокоразвитом, технически великолепно оснащенном обществе, где даже самая простая работа требует определенной суммы знаний. Но достоинство демократического общества — его открытость и восприимчивость к критике. Будем надеяться, что общество найдет способ вывести школу из тупика.

А ВСЕ-ТАКИ ЭКОНОМИКА...

Р.Бахтамов написал интересную статью " $X=f(y)$, или Экономика как функция политики" ("Страна и мир" № 5, 1986).

Автор не называет Ленина бланкистом, как это делает польский философ Лешек Колаковский в своем труде "Основные течения марксизма". Решение Ленина захватить политическую власть в октябре 1917 года Р.Бахтамов считает "разумным, а доводы его критиков несостоятельными". Тем не менее автор утверждает, что "Великая Октябрьская социалистическая революция была переворотом".

В чем же дело? Почему она была переворотом, если была разумной? Р.Бахтамов отвечает: потому, что большевики, став в силу "уникального стечения обстоятельств" хозяевами страны, не знали, как вывести ее на путь социализма. "Иначе говоря, была ли разработана экономическая политика? Нет, конечно".

Нельзя не согласиться с автором статьи. Действительно, большевики не знали. И откуда им было знать? Исторического опыта в этой области не было. Парижская Коммуна ничего существенного в этом отношении не дала. Налицо, пишет автор, было только два идеологических принципа Маркса и Энгельса: об обобществлении (огосударствлении) частной собственности и распределении продуктов согласно потраченному времени.

Ввиду утопичности этих экономических принципов большевики в то время выдвинули два *политических* лозунга: "землю крестьянам и заводы рабочим". Первый лозунг, украденный у эсеров, ничего общего с социализмом не имел. Что касается второго, то большевики "заставили" рабочих контролировать заводы и фабрики. Но ощутив слабость политической власти, большевики для ее удержания начали насильствовать экономику, совершенно подчинив ее политической власти. Вот вам зародыш и истоки тоталитарного ленинского государства, в котором и доньше торжествует математическое уравнение: $x=f(y)$, или экономика как функция политики.

Проследим этот тезис на протяжении всех этапов развития революции в России. Действительно ли политика большевиков была насильем над экономикой уже в октябре 1917 года?

На этот вопрос мне нет надобности отвечать, ибо давным-давно на него ответили такие авторитетные личности, как К.Каутский и Э.Карр. Каутский указывает, что землю помещиков крестьяне стихийно разделили между собой до прихода большевиков к политической власти ("The Dictatorship of the Proletariat", Michigan, 1964, p. 121). Карр пишет, что не только крестьяне стихийно завладели землей до прихода большевиков к политической власти, но и рабочие — заводами ("The Bolshevik Revolution 1917—19", London, 1952, p. 56).

Это значит, что крестьяне и рабочие, не дожидаясь решения Учредительного собрания, *стихийно* осуществили экономический переворот в России в течение восьми месяцев, с февраля до октября 1917 года, и большевикам осталось только одно: создать и укрепить политическую надстройку, которая соответствовала бы новой экономической структуре.

Недаром Ленин спешил с созданием этой новой политической надстройки. И не обязательно путем вооруженного восстания. Как известно, уже в сентябре 1917 г. Ленин обратился ко всем фракциям Петроградского совета с предложением сохранить мирное развитие революции при условии, что меньшевики, эсеры, трудовики порвут с Временным правительством. Получив отказ, он начал торопить события. Почему? Да потому, что после похода Корнилова на Петроград в августе 1917 года, хотя мятеж был подавлен, стало ясно, что помещики и капиталисты не примирятся со стихийным экономическим переворотом, совершенным крестьянством и рабочим классом, а будут пытаться всеми средствами и главным образом силой оружия вернуть старый порядок... Можно

предположить, что если бы большевики не совершили политического переворота организованным порядком, то крестьяне и рабочие, одетые тогда в солдатские шинели, попытались бы *стихийно* устранить Временное правительство и создать в какой-то форме свою политическую власть. Увертюрой к этому была вооруженная демонстрация полумиллиона человек в июле 1917 г. Неизвестно, конечно, чем бы кончилась эта историческая социальная схватка. Возможно, что в истории России был бы отмечен еще один кроваво подавленный крестьянский бунт типа бунтов Степана Разина и Емельяна Пугачева...

Следовательно, октябрьское восстание 1917 года было только *политическим завершением* закономерного экономического переворота. И не случайно трехлетняя гражданская война в России (1918—1921) кончилась, как, впрочем, свидетельствует и сам автор, "полной победой большевиков". Но Р.Бахтамов не задает себе вопроса: а почему эта гражданская война кончилась победой большевиков? Ведь казалось бы, все преимущества были на стороне белых генералов, армий, лучше вооруженных и вскормленных Антантой.

Очень просто. Русский мужик дрался не ради большевиков, не за социализм, а за свой клочок земли, за свой надел, который он сам себе отмерил еще до прихода большевиков к политической власти. А какие законы тут действовали? Ясно, что экономические. Тогда где же здесь перевертыши?

Да, эту историческую истину следует хорошенько запомнить тому, кто хочет серьезно и объективно заниматься историей революции в России, а не отделяваться метафорами в роде "зеленых и спелых яблок"...

Перейдем к следующему вопросу. Действительно ли дело обстояло так, что эсеровско-большевистский лозунг "землю крестьянам" был только ловушкой, дабы заманить крестьян и насильствовать экономику? Действительно ли этот лозунг совершенно противоречил идеологическим принципам социализма?

Если бы речь шла о Великой Французской революции, автор был бы прав, ибо земельная реформа в конце XVIII века была направлена против феодального строя и открыла зеленый свет развитию капиталистического сельского хозяйства. Однако применительно к историческим условиям Февральской революции 1917 года подобный способ мышления является анахронизмом.

Стоит только поставить вопросы о характере сельского хозяйства России в 1917 г., о том, какие общественные силы были тогда объективно заинтересованы в земельной реформе и могли *последовательно* ее провести, против какого экономико-социального строя она была направлена, — чтобы убедиться, что уравнение автора $x=f(y)$ исторически не оправдывается.

Сельское хозяйство России в 1917 году было уже в основном капиталистическим, с некоторыми остатками феодально-крепостного строя. Крупный русский экономист В.Немчинов, которого Сталин сначала цитировал, а потом упек в лагерь, писал, что в 1913 г. 47% продукции помещичьих земель носило товарный характер, зажиточных крестьян — 20%, даже середняцкие земли давали 11% товарного зерна. Тем самым Немчинов доказал научную правоту Плеханова и Ленина (в споре с народниками), подчеркивавших капиталистическую направленность в развитии сельского хозяйства России после отмены крепостного права.

Что же отсюда следует? А следует то, что стихийный экономический переворот, совершенный самим крестьянством в течение восьми месяцев 1917 года, объективно носил *антикапиталистический характер*, непосредственно смыкаясь с социалистическим движением рабочего класса.

В сознании крестьян этот факт преломился вполне определенным образом. Во-первых, широкие массы крестьянства не питали никаких надежд на то, что какая-либо партия, представленная во Временном правительстве, заинтересована экономически и политически в решении их земельного вопроса. Во-вторых, они осознали, что большевики и левые эсеры, заседавшие в Советах, стали единственной политической силой, готовой сохранить за ними землю.

Добавлю, что все происшедшее в России на протяжении этих восьми месяцев впоследствии проявилось как экономическая закономерность во всех социальных движениях и революциях на земном шаре, в частности, в экономически отсталых странах.

Несколько примеров. В 1959 году, когда сталинские бюрократы в центральном руководстве коммунистической партии Кубы спали глубоким сном, Фидель Кастро, не марксист, не коммунист и даже не социалист, но последовательный революционер и антиимпериалист, сверг американскую марионетку, диктатора Батисту. При этом Кастро даже не подозревал, что своим политическим переворотом и земельной реформой сверху (не смешивать с коллективизацией) начал революцию антикапиталистического (социалистического) характера.

То же самое (только мирным, парламентским путем) произошло в Чили, когда социал-демократ Сальвадор Альенде, получив политическую власть и проведя последовательно земельную реформу, открыл двери для антикапиталистических (социалистических) социально-экономических преобразований. Ясно, что уже сама реформа была направлена против чужих и собственных плантаторов. В этом отношении Альенде был опаснее Кастро, ибо его никто не мог обвинять в том, что он создал на территории своей страны советскую военно-политическую базу. Поэтому его нужно было поскорее убить. Что и было сделано...

Во избежание недоразумений хочу сказать, что *антикапиталистический характер* социальных движений и революций нашего времени не следует отождествлять с конкретными *социалистическими* формами экономического порядка, используемыми в ходе строительства народного хозяйства. Это два различных понятия, хотя они между собой, несомненно, связаны. Эта связь диктует объективную закономерность смешанной экономики. Я рассматриваю этот вопрос в своей книге "The Mixed. Economy NEP and its Lot", Copenhagen, 1984.

Вернемся к тезису автора: экономика СССР как функция политики. Проследим этот тезис на дальнейших этапах революции: военном коммунизме, нэпе и коллективизации.

Чем был военный коммунизм с точки зрения соотношения сил экономики и политики? Хотя Р.Бахтамов уделяет военному коммунизму мало внимания, он пытается доказать, что большевики уже в этот период — в силу властолюбия Ленина — укрепляли приоритет политики, насилуя экономику.

Прав ли автор? Нет. Во-первых, вообще нельзя говорить о какой-либо экономике во время трехлетней гражданской войны. Ведь тогда свирепствовала экономическая разруха. Рабочий класс голодал и деклассировался, а разрушенное промышленное производство едва удовлетворяло нужды войны. Уровень сельского хозяйства до того снизился, что оно стало по сути натуральным, отдавая все свои "излишки" на пропитание Красной армии и городского населения.

И все-таки никакая политика, никакой красный террор не могли противодействовать новому экономическому закону. Недаром Ленин самокритично писал в 1921 году, что военный коммунизм причинил советской власти больше вреда, чем все военно-политические поражения Красной армии в борьбе с белыми генералами...

Да, возник и начал проявляться новый экономический закон. Закон, обусловленный новой экономической структурой середняцкой деревни. Как известно, Февральская революция смела с лица земли экономическую власть помещиков и капиталистов и стихийно установила экономическую власть крестьянства, как почти единственной производительной силы страны. Но этот новый экономический строй находился в полном противоречии с политической формой власти, с военным коммунизмом. Системой, которую теоретически никто не предвидел и которая была привнесена извне, объективными силами гражданской войны.

Правда, большевики во главе с Лениным вначале восприняли военный коммунизм как проявление исторической закономерности революции и усмотрели в нем определенную форму социалистического строительства. Бухарин написал даже книгу "Экономика переходного периода". Конечно, это была публицистическая болтовня, а не научный анализ, ибо военный коммунизм не только не укрепил большевиков политически, но и неизмеримо их ослабил.

Действительный хозяин страны (в экономическом отношении), крестьянин, враждебно воспринял военный коммунизм и, в частности, его конкретную экономическую практику — продразверстку. В течение всех трех лет гражданской войны между кре-

стынством и большевиками шла тихая, но неумолимая борьба. И если большевики удержались у власти, то не потому, что насильовали экономику политикой, а лишь потому, что крестьяне проявляли по отношению к новой власти известную терпимость, понимая, что крушение большевиков приведет к восстановлению власти помещиков. Это значит, что политика большевиков все-таки в какой-то мере отвечала экономическим интересам крестьян.

Однако с момента окончания войны, когда стало ясно, что общий и главный враг — помещик — разбит, в стране поднялась волна крестьянских бунтов, вершиной которой стало восстание в Кронштадте. Тут уж экономические нужды крестьянства проявились с железной силой исторической необходимости. Крестьяне, оставшись с глазу на глаз с большевиками, восстали *против экономической политики* большевиков, но не против советской власти. Так пишет в своей книге "Kronstadt 1921", П.Аврив — не большевик, но анархист, симпатизирующий восстанию.

И что же? Кто кому покорился: крестьяне большевикам или большевики крестьянам? Экономика политике или политика экономике? Новая экономическая структура страны потребовала новой экономической политики. И она ее добилась.

Верно, что Троцкий еще в 1920 году предлагал ввести свободную торговлю. Об этом пишет Карр, за это хвалит Троцкого его биограф И.Дейчер. Но Троцкий никогда не понимал экономической сути и исторической роли нэпа. Идея смешанной экономики была ему чужда. С самого начала он рассматривал нэп как тактический маневр.

Не так было с Лениным. Правда, и он сначала оценивал нэп как нечто временное. Однако быстро осознал его историческую необходимость и определил его как *экономическую предпосылку социалистического строительства*.

Отметим, что с введением нэпа исчез и такой политический лозунг, как "беднота в союзе с середняком бьет кулака", и сакральный тезис о том, что мелкое производство ежедневно рождает капитализм. Появились новые термины: "гражданский мир", "старательный хозяин", "реформизм большевиков". Ленин исправил даже характеристику социального строя страны. Он писал: "Конечно, в нашей Советской республике социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях и "нэпманы", то есть буржуазия."

Разумеется, чешский экономист Ота Шик прав: Ленин не успел теоретически обосновать нэп. Это сделал выдающийся польский экономист Оскар Ланге, определив экономическую необходимость и суть смешанной экономики вообще.

Совершенно прав и Р.Бахтамов, отметивший самостоятельное экономическое положение государственных трестов и предприятий, "свободных от прямого контроля и управляющихся на независимой коммерческой основе". Я разделяю тоску автора, когда он пишет: "...кто знает, о чем я писал бы, если в стране сохранилась смешанная экономика. Увы!.."

Стоило бы, наверное, пометить о том, что было бы, если бы в России сохранилась смешанная экономика. Вполне возможно, что при этом не было бы сталинизма, возможно, не было бы гитлеризма и Второй мировой войны. Наверняка не было бы ГУЛага. Советский Союз не покупал бы зерно в капиталистических странах, а наоборот, мог бы своим зерном бесплатно кормить голодных крестьян несчастной Эфиопии.. Вспомним, что при нэпе уже в 1926 году начался экспорт советского зерна.

Но оставим "если бы да кабы" и вернемся к основному вопросу этого периода: чем был нэп в системе отношений политики и экономики? К сожалению, даже на этот период, когда, по определению самого автора, "тресты и предприятия были свободны от прямого контроля", Р.Бахтамов распространяет свою оценку насилия политики над экономикой на том основании, что во все годы существования (1921—1928) нэп сопровождался административными ограничениями.

Утверждение автора, конечно, совершенно правильно, но с его выводом согласиться нельзя. Потому что основным экономическим законом, действующим в период нэпа, был *закон стоимости*, которому сопутствовали все другие категории политической экономики: товарное производство, купля-продажа, предложение и спрос, проблема цен и т.д., которые не подчинялись никаким политическим страстям.

Это только троцкист Преображенский, прекрасный человек, романтик, но схоласт, пытался в своей книге "Новая экономика" доказать, будто в народном хозяйстве дей-

ствуют два экономических закона: в государственном секторе — закон "первоначального социалистического накопления", в частном секторе — закон стоимости. Естественно, что Бухарину легко удалось теоретически опровергнуть построения Преображенского, а Сокольников, народный комиссар финансов, практически доказал, что уровень зарплаты в государственном секторе регулируется зарплатой в частном секторе, иначе государственный сектор столкнулся бы с утечкой рабочей силы.¹

Следует заметить, что фракционная борьба двадцатых годов, которая формально сводилась к "идеолого-политическому" спору о возможности построения социализма в одной стране, по существу затрагивала экономические судьбы нэпа. Каменев, тогда уже член объединенной оппозиции, предостерегал, что хороший урожай может укрепить экономическую мощь кулака, а Троцкий бил в набат, что "кулак уже стучит в дверь политики".

Это был ответ на призыв Бухарина к крестьянству "обогащайтесь". Призыв, который был лишь парафразой ленинского лозунга поощрения "старательного хозяина" и естественным следствием теоретической установки самого Бухарина на мирное вращение капитализма в социализм или, говоря современным языком, установки на смешанную экономику.

Но если Бухарин и Сокольников были правы (а они были правы) и при нэпе действовал лишь один объективный экономический закон, закон стоимости, причем действовал в интересах крестьян, составлявших тогда 80% населения страны, то ясно, что никакие административные ограничения не могли изменить ситуацию в духе алгебраического уравнения автора: экономика на службе политики. Притом большевики долго не забывали кронштадтского урока. Крестьяне тоже не забывали...

Верно, в партии, вплоть до Политбюро, все годы существования нэпа тенденция его ущемления проявлялась не только теоретически. И практически, на каждом шагу, "левые" разных мастей административным порядком давили нэпманов, зажиточных крестьян. После смерти Ленина обозначился откровенный рецидив элементов военного коммунизма со всеми его прелестями, появились даже признаки антисемитизма...

Но Р.Бахтамов пытается сделать исходным пунктом своих построений 1924 год, совершая далее скачок прямо в 1931 год, когда частный сектор, как он пишет, был "именно ликвидирован с помощью судов, законодательных мер, милиции..." Читатель, очевидно, помнит, что в 1931 г. нэпа не было уже и в помине, это было время, когда Сталин писал о "головокружении от успехов".

Автор пытается доказать, что процесс ограничений нэпа был начат самим Лениным, и ссылается на падение доли частного сектора в сравнении с государственным. Однако статистика тут явно хромает...

Я рад, что мы с Р.Бахтамовым оба одобряем идею смешанной экономики. Но отсюда вовсе не следует, что в условиях смешанной экономики темпы развития крупной промышленности и оптовой торговли должны совпадать с темпами роста кустарной промышленности и мелкой розничной торговли. Такая диспропорция неизбежна при любом социально-экономическом строе — обстоятельство, на которое обратил внимание уже Маркс, анализируя капитализм.

Но и с ограничением разворота нэпа дело обстоит не так просто, как пытается это представить Р.Бахтамов. У него получается, что с 1923 по 1928 год политика представляет сплошную полосу ограничений. Да помилуйте, многоуважаемый автор! А куда деть апрельский пленум ЦК партии 1925 года, который *расширил* рамки деятельности нэпа? Именно тогда троцкисты упрекали Бухарина в том, что это уже не ленинский нэп, а бухаринский неонэп и что над революцией в России нависли термидор и Вандея.

Другой вопрос, что Сталин на XV съезде партии (в декабре 1927 г.) уже держал за пазухой свой "левый курс". Да, XV съезд был не только началом конца нэпа, но и вообще роковым событием, определившим крушение революции в России и отбросившим мировое рабочее движение на полвека, если не больше.

"Левый курс" Сталина, с его стержнем — коллективизацией, не просто смел нэп, но разрушил и поставил на голову сельское хозяйство. И не только в СССР, но во всех

¹ Только Сталин, полный невежда в политической экономии, пытался в 1953 году, после тарбарщины о крепостях, которые не могут устоять перед большевиками, декретировать существование двух экономических законов.

странах, где коллективизация насаждалась по советской "классической" модели. В результате развитие сельского хозяйства в этих странах задержалось на 20—25 лет. И случилось это не потому, что коллективизация была, как некоторые рассуждают, принудительной. Наоборот, она была принудительной именно потому, что экономически была незаконна, неестественна, антиисторична.

Но несмотря на это (а возможно, именно поэтому) этот выкидыш революции создал новую, чудовищную экономическую структуру. Структуру, которая для своего функционирования потребовала (и требует донныне) громадного политико-административного, по сути паразитического аппарата, накрепко связанного с этой уродливой структурой сельского хозяйства, но никак не способствующего росту производительности труда. Хуже того. Эта структура требует и закрепощения рабочей силы, крестьянства.

Пример. Основным рычагом взаимных отношений государства и колхозов являются принудительные государственные поставки зерна и других продуктов сельского хозяйства. Эта форма экономических отношений не имеет ничего общего не только с социализмом, но даже с капитализмом. Она унаследована от феодальной меры, временно использованной кайзером Вильгельмом II в период Первой мировой войны и повторенной Гитлером в 1939—1945 гг. в оккупированных странах Европы — в том числе и в Советском Союзе. Характерно, что его не смутила "социалистическая" природа колхозов...

И сколько бы казенные реформаторы ни разглагольствовали о реформах в сельском хозяйстве СССР, ничего из этого не выходит и не выйдет, ибо любая мера, направленная на то, чтобы выправить уродливую колхозно-совхозную систему, тотчас наталкивается на жесточайшее сопротивление со стороны всего паразитического аппарата, *экономически* заинтересованного в этой уродливой структуре.

Что я хочу всем этим сказать? Каким бы значительным с виду ни казалось давление политики на экономику (а такое давление, несомненно, есть), в конечном счете решает дело именно экономика. И можно смело сказать, анализируя совокупность отношений в стране матерого сталинизма, что не тоталитарная политика определяла и определяет экономическую структуру, а напротив — сталинская тоталитарная экономика вырастила и определяет тоталитарную политику. Сталинизм вообще является выражением экономической политики.

Ясно, например, что политическая экспансия Советского Союза по отношению к своим сателлитам и другим государствам продиктована тоталитарной экономической политикой страны. Взять хотя бы смехотворные цены на каменный уголь, по которым Советский Союз импортировал его из Польши до 1956 года. Впрочем, экономические выгоды, извлекаемые СССР из участия в СЭВ, сохранились и до сих пор. Не случайно из пяти революционных всплесков в Польше все (за исключением одной, 1968 г.) были связаны с экономическим недовольством рабочего класса.

Кажется парадоксом, что хотя Сталин умер 34 года назад и вместе с ним ушел в историю разгул политико-правового беззакония, сталинизм все еще жив и действует. Между тем это закономерно, так как сохранилась введенная им *экономико-социальная структура*. Это уже не вопрос культа личности, к которому официальная советская историография пытается свести роль Сталина. Нет, это вопрос сталинизма как экономико-социальной системы.

В связи с этим небезынтересно проанализировать текущий момент в жизни Советского Союза. Новый генеральный секретарь ЦК Михаил Горбачев с большим шумом объявил о необходимости экономических реформ, введении новой технологии и, применительно к сельскому хозяйству, попытался увязать перестройку с энпом, весьма популярным среди некоторых экономистов.

В своем докладе на XXVII съезде партии М. Горбачев, говоря о тяжелом положении в сельском хозяйстве, предложил вернуться к ленинскому "продналогу".

Это предложение генерального секретаря свидетельствует, что он скользит по поверхности проблемы, ничего не понимая ни в сельском хозяйстве, ни в истории энпа. Он намерен действовать не дубинкой, а всего лишь палкой. Вместо принудительных госпоставок — "продналог". Но ведь это не более чем другое наименование при сохранении все той же экономической сути!

Продналог Ленина был первой фазой в развитии нэпа, и его можно считать прогрессом только в сравнении с продразверсткой военного коммунизма. Столбовой дорогой к социализму Ленин считал не продналог, а *торговую* (не производственную) кооперацию.

Ясно, что если реформу в сельском хозяйстве Горбачев стремится увязать с нэпом (что само по себе правильно), он должен провести полное (второе) раскрепощение крестьян в экономическом, общественно-политическом и моральном отношениях.

Это значит, во-первых, выбросить в мусорный ящик истории принудительную, феодальную систему госпоставок. Во-вторых, *экономические отношения между государством и колхозом строить на началах абсолютной экономической самостоятельности и независимости колхоза, то есть на основе отношений купли-продажи товаров двух независимых экономических партнеров*. Именно такая реформа создала бы предпосылки для возникновения очагов "свободных производителей", о которых писал Энгельс.

Экономическое раскрепощение колхозов и колхозников заложило бы фундамент политических и социально-культурных свобод советского общества. И уж во всяком случае не подлежит сомнению, что года через два-три Советский Союз перестал бы закупать зерно за границей.

Меня могут спросить, почему я, при обсуждении поднятых Р.Бахتامовым проблем, делаю упор на сельское хозяйство, уделяя меньше внимания промышленности.

На это я отвечу словами Маркса: "Земельная собственность является первым источником всякого богатства, и она стала большой проблемой, от разрешения которой зависит будущее рабочего класса".

ЭКОНОМИКА НА ДЫБЕ ПОЛИТИКИ

Возражать тому, кто тебя критикует, всегда трудно. В данном случае – особенно. Михал Мирский написал большую, хорошо аргументированную статью. Чтобы спорить с ним по каждому пункту, пришлось бы писать статью примерно того же объема. Поэтому я ограничусь немногим.

1. Мирский не может не знать классической формулы Маркса о соотношении базиса и надстройки. Столь же очевидно, что производительные силы и производственные отношения в дореволюционной России отнюдь не достигли того уровня, который оправдал бы, по Марксу, переход к новому, социалистическому способу производства. Решение Ленина начать такой переход с изменения надстройки (создания социалистического государства) прямо противоречило схеме марксизма. В этом смысле Октябрьская революция и была перевертышем.

Почему я считаю это решение – конечно, с позиций самого Ленина – разумным? Ленин был убежден, что социализм откроет широчайший простор развитию производительных сил. Это позволяет уже через несколько лет подвести под социалистическую надстройку соответствующий ей фундамент – социалистический способ производства.

Мы знаем, что этого не произошло. Новый механизм хозяйствования оказался громоздким и неэффективным. Обнаружилось это очень рано, задолго до второй сталинской "революции". Бесцельные (и, как правило, абсолютно безуспешные) старания Ленина как-то активизировать этот механизм – яркое тому свидетельство. Не исключено, что попытка Сталина поднять экономику "на дыбы" – или, если угодно, вздурнуть ее на дыбу – в какой-то мере была обусловлена именно тем, что социалистические производительные силы упорно не желали догонять (а тем более перегонять) капиталистические.

2. Ссылка Мирского на захват крестьянами помещичьих земель, а рабочими – заводов и фабрик призвана, очевидно, доказать, что новые производственные отношения возникли в России стихийно, большевики же лишь юридически закрепили существующее положение вещей.

Допустим, что это так, хотя известно, что "стихийная" экспроприация (особенно в промышленности) была неплохо организована. Важнее другое. Чего добивались рабочие, захватывая предприятия? Очевидно, самоуправления, а отнюдь не перехода этих предприятий в собственность государства. Между тем, никакого самоуправления они не получили. Единоначалие, централизация, жесткая дисциплина были введены уже при Ленине. Значит, социалистическое государство вовсе не санкционировало "инициативу масс", а декретировало совсем иную систему производственных отношений. Систему, при которой вся собственность сосредоточена в руках одного хозяина – государства.

3. Мирский изображает дело так, будто военный коммунизм возник сам по себе, стихийно, а Ленин и большевики чуть ли не с ужасом взирали на этого монстра. В действительности все было несколько иначе. Национализировав предприятия, запретив торговлю, заменив рыночные отношения

распределением, большевики сами способствовали и появлению этого монстра, и расширению гражданской войны. Именно Ленин насаждал продрозверстку, боролся с торговлей, высоко оценивал систему распределения, усматривая в ней прямой путь к коммунизму.

4. Победа красных в гражданской войне была обусловлена многими причинами. Не в последнюю очередь — политикой белых. Из двух зол крестьяне выбрали то, которое казалось им меньшим. Меньшим уже потому, что они его не знали.

5. Да, Ленин в конце концов принял нэп. Но принял как меру вынужденную, временную, сугубо тактическую. Не случайно ленинские статьи и выступления этого периода пестрят военными терминами: "отступление", "временная передышка", "накопление сил". Он действительно растерян: корабль не слушается руля, стихия нэпа захлестывает социалистическое государство. Отступление оказалось куда более длительным и глубоким, чем он рассчитывал.

Впрочем, допускаю, что при Ленине "великий перелом" не был бы таким переломным и кровавым. Но трудно поверить, что партия отказалась бы от идеи абсолютной власти во всем (включая, разумеется, экономику) ради такой безделицы, как интересы социально-чуждых крестьян, ремесленников, торговцев.

6. Согласен, что искоренение нэпа шло не по прямой, кампания эта знала подъемы и спады, колебалась вместе с линией партии. Однако главная тенденция на искоренение нэпа сомнений не вызывала; спор шел лишь о сроках и методах.

7. Как будто согласны мы с Мирским и в оценке роли Сталина, сути его реформ. А равно и в том, что новая, созданная им экономическая конструкция оказала и оказывает сильнейшее влияние на всю политику Советского Союза. Я, кстати, попробовал это показать в статье " $Y=f(x)$, или Политика как функция экономики", напечатанной в № 6 (1986 г.) нашего журнала.

Р.Бахтатов

Потепление общественно-политического климата в СССР и связанные с этим цензурные послабления привели к более отчетливому выявлению взглядов и настроений, которые прежде не выходили за пределы узких кружков. Одной из демаркационных линий, разделивших литературную интеллигенцию в обеих столицах, стало отношение к русскому национализму. В декабрьском номере журнала за прошлый год мы поместили большую подборку материалов на эту тему и, в частности, опубликовали нашумевшую переписку историка Н.Эйдельмана с писателем В.Астафьевым, сопроводив ее комментарием Кр.Любарского, в котором выражена точка зрения редакции. Переписка продолжает будоражить общественность. Ниже публикуется самиздатский текст — письмо писателя Вал.Ерашова в журнал "Наш современник", а также ряд писем, полученных нами.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО РЕДКОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА "НАШ СОВРЕМЕННИК" И ПИСАТЕЛЮ В.БЕЛОВУ

Коллеги-редакторы, Василий Иванович!

Пишу с некоторым опозданием, ибо раздобыть 7 и 8 книжки журнала, где напечатан роман "Все впереди", удалось только теперь.

Мои друзья и знакомые, люди разных возрастов, профессий, национальностей, читая ставшую широко известной переписку между Н.Я.Эйдельманом и В.П.Астафьевым, в большинстве своем наряду с прочим говорили: обидно и странно, что оппонентом Виктора Петровича выступил писатель по крови не русский. В этом слышались и упрек, и осуждение нам, русским писателям. И тут, полагаю, есть элемент истины.

Литератор, далеко не столь известный, нежели Астафьев, В.Белов и Н.Эйдельман, беру на себя смелость сделать то, чего не сделали, насколько мне известно, другие мои русские коллеги.

Следую примеру Н.Эйдельмана, представляюсь.

Ерашов Валентин Петрович. Родился в 1924 году. Русский сугубо, "без примесей". Разночинец — сын сельских агронома и учительницы. 40 лет состою в рядах партии. Член

Союза писателей с 1961 г. Последние 15 лет круг моих литературных и историко-прикладных интересов (по образованию историк) — общественное движение в России последней трети XIX — начала XX веков, дореволюционная и послереволюционная история КПСС.

Словом, в отличие от заведомо "нехорошего" Натана Эйдельмана, я не еврей, не беспартийный, в лагерях не побывал, как побывал его отец. И в Отечественную войну был солдатом (на фронт, правда, не попал, как ни старался, но тут не моя вина). Перейду к сути.

Не буду излагать содержания, ни цитировать роман В.Белова, не стану вдаваться в его разбор с позиций литературных, говорить о его заведомой пошлости, безвкусице, беспомощности композиции и т.д. Выделю только одно — то, что, насколько мне известно, задело — и больно! — многих читателей-интеллигентов.

Над персонажами романа, русскими страдальцами, без вины виноватыми Медведевым и Зуевым, спившейся Натальей и тайным алкоголиком Ивановым, — навис роковой злыдень Михаил Бриш. Как Астафьев замаскировал своих "еврейчат" "вейчатами", так и Белов укрыл несуществующей в природе фамилией — легко просматриваемую, скажем, Фриша или Фиша...

Значит ли сказанное мною, что я отношу евреев к числу, так сказать, неприкасаемых? Боже упаси. Им, как и всем иным, присущи в национальном характере не одни положительные качества... Но что бы сказал Белов, если бы в чем-то романе единственным инородцем, при том подлым, оказался *русский*?

Воля автора — заселять воздвигаемое им здание романа кем угодно, делать носителем зла хоть негра, хоть хакаса, хоть якута, хоть карайма. Важно лишь, чтобы читателю было понятно, почему, во имя чего это было сделано, какими художественными потребностями продиктовано. Когда этого нет, возникает греховная мысль об авторской озлобленности, той, что выражена в давнем присловье: "Если украл русский — значит украл в о р. Если украл еврей — значит украл е в р е й".

В нашей огромной многонациональной стране играть в такие игры опасно, особенно, когда и г р о к о м становится не пьяный забулдыга, которому в конце концов не так уж трудно скрутить руки и заткнуть пасть, изрыгающую хулу, а человек, получивший самое мощное орудие воздействия — слово. На нас, интеллигентах, лежит особая ответственность. Можно бы не пояснять этот бесспорный тезис, однако поясню.

Известно, что учинителями еврейских погромов в России были лабазники, мясники, дворники, всякое отребье. Но часто ли мы вспоминаем и напоминаем о том, что черносотенные "Союз Михаила Архангела" и "Союз русского народа" — идейные центры антисемитизма и шовинизма — возглавляли вполне образованные люди: юрист Пуришкевич и врач Дубровин?

Я сознательно говорю о них — образованные, но не интеллигентные: о какой интеллигентности тут может идти речь! Образованным стать у нас не хитро. Сделаться интеллигентом и достойно пронести через всю жизнь это высокое звание — ох, как бывает трудно!

Кажется, я, как и Белов, видывал высочайшие образцы духовности и интеллигентности в людях, формально не причастных к элите духа. У Белова — это им прославленный Иван Африканович, а у меня — это никем и ничем не прославленная бабка моя, Прасковья Сергеевна, мир ее праху. Человека такой совестливости, порядочности, тактичности, деликатности, самоотверженности я, кажется, не встречал, а она была безграмотной крестьянкой. Русская, русская, утешу Белова.

Как и В.Белов, числю себя интеллигентом лишь в первом поколении. И добившись этого горбом и совестью, держу в памяти горячие и горькие слова высокого интеллигента (простите, В.Белов, — не русского, но все-таки славянина) Ал.Довженко:

"Интеллигенция завоевала себе честь стоять на третьем месте после рабочих и крестьян. Знаменательное распределение. Говорю себе: человек, помни — высшая твоя цель стать на третье место, на место наивысшее, найдостойнейшее, наипрогрессивнейшее. Люби это слово, пусть оно будет твоим символом — человек-интеллигент, ибо не может быть радости жизни, где ты заброшен, третьеразряден, фальшив и подделен" (А.Довженко. Зачарованная весна. Рассказы. М., "Советский писатель", 1964).

Похоже, Василий Белов, были Вы интеллигентом, когда писали о своей малой родине, о своей любви, о боли — о селе. Писали талантливо. Писали интеллигентно. Но, оказывается, — и Вы, на мой взгляд, убедительный тому пример, — интеллигентность не пожизненное звание, кем-то дарованное. Она приходит — и она уходит, если она не стала сутью человека, была лишь наружной. Помните, то ли у Горького, то ли у Вересаева (забытал, не могу найти) есть рассказик-притча о некоем российском купчике. Он окончил и Оксфорд, и Сорбонну, англоизировался, научился носить фрак и прикладываться к ручкам дам. А потом сошел с ума, и вся российская темная мерзость полезла из него: стал бить в трактирах зеркала, мазать лакеям физиономии горчицей.

Задумайтесь, члены редколлегии и автор романа, над такой, отнюдь не литературной, а взятой из жизни цепочкой: высокий, подлинный патриотизм — патриотизм "квасной" — национализм — шовинизм — антисемитизм — фашизм. На последней стадии либо возникают концлагеря, либо раздаётся испытанный, проверенный, безотказный клич: "Бей жинов!"

На какую ступень опустились Вы, В.Белов?

Впрочем, наша писательская кухня никому не подвластна. И неподконтрольна. Мы вольны в своем кабинете месить любое тесто. Но выпекаем из него пироги не мы, а издатели... В данном случае журнал "Наш современник", заслуживший себе после нескольких лет взлета дурную славу. О половине членов редколлегии я ничего не знаю, фамилии для меня "глухие". Но кое-кого я знаю — и раздумываю сейчас о них.

Не спрашиваю, не стыдно ли Вам, Сергей Васильевич Викулов, главный редактор журнала: ведь это у вас печатался вонючий, простите, роман В.Пикуля "У последней черты". И это Вам, поэту, принадлежат строки, где едва ли не единственный раз за годы Советской власти печатно и в авторской речи, а не в речи персонажа употреблено слово **п а р х а т ы й**, имеющее у нас единственное значение. (Стихи опубликовал ваш коллега Анатолий Андреевич Ананьев в журнале "Октябрь", 1976, № 8.)

Позволю себе спросить у Вас, Гавриил Николаевич Троепольский, у старшего собрата, чьи произведения — эталон совестливости: как поднялась Ваша рука, рука члена редколлегии, подписать в печать сочинение В.Белова? Вам выпало на писательском съезде извиняться за публикацию рассказа В.Астафьева... Новый съезд через пять лет.

Спрошу у Вас, Георгий Витальевич Семенов, "автор нежных дымчатых рассказов" (не про Вас говорено, однако и к Вам относимо): как Вы, тоже член редколлегии?..

И у Вас, известный интернационалист в литературе Николай Елисеевич Шундик, опять же член редколлегии?..

А вот у Вас, Юрий Васильевич Бондарев, руководитель Российского Союза писателей, у вас, члена редколлегии "Нашего современника", я не спрошу ничего. Ибо Вы молвили в свое время слова, под которыми рад бы подписаться и я... Разве только поинтересуюсь, ведает ли Ваша правая рука о проделках левой? Слова эти Ваши подчеркну в качестве резюме:

"В ся к и й н а ц и о н а л и з м — э т о п о с л е д н е е п р и б е ж и щ е п о д л е ц а".

Валентин Ерашов
Москва, 3 декабря 1986 г.

СИЛА НЕНАВИДЯЩЕГО СЛОВА

Письмо в редакцию

Воскресным январским утром этого года оказался в Нью-Йорке мой давний московский знакомый. Литератор. И сразу же, не отрываясь от делегации, позвонил мне с аэропорта. Он явно спешил, разговор был короткий, вопросы мои попросил отложить до встречи. Но об одном столичном событии, животрепещущем, все же проинформировал: "У нас там пошла по рукам переписка. Так накалила страсти!" — "Какая?" — "Эйдельмана с Астафьевым".

И вот эта самая переписка появилась в "Стране и мире". Сенсация столичного Самиздата стала достоянием эмиграции.

Документ впечатляющий. И, наверно, заслуживающий обсуждения. Но меня побуждает включить не содержание писем, где больше запальчивости, необоснованных выпадов, чем истинной сути спора, а скрытые за внешней его оболочкой истоки, мотивы антагонизма участников переписки.

Не во всем для меня убедительны и суждения оппонентов, принявших безоговорочно сторону Н.Эйдельмана. Я, хоть и не столь энергично, но в общем и целом на стороне В.Астафьева.

Попробую объясниться.

Так что же заставило маститого советского историка литературы разгласить в Самиздате письмо не менее известному в стране прозаику? Что послужило поводом обвинения Н.Эйдельманом В.Астафьева в ненависти к малым народам, в шовинизме и даже расизме? Прежде всего, как следует из текста письма, рассказ В.Астафьева "Ловля пескарей в Грузии". Правда, несколько поздновато. К моменту появления письма Н.Эйдельмана инцидент, связанный с эпизодом рассказа В.Астафьева, был уже в основном исчерпан. "Когда на июньском съезде Союза писателей грузинские и кое-кто из русских литераторов выступили с резким осуждением Виктора Астафьева за рассказ "Ловля пескарей в Грузии", многим все это показалось совершенно неправдоподобными нападка или преувеличением. Против, выступление Валентина Распутина в защиту Астафьева прозвучало в общем убедительно... С другой стороны, далеко не у всех, выступавших на съезде против "Ловли пескарей", такая уж безупречная репутация (Сергей Михалков, например). Подборка "антиинородческих" пассажей в письме Эйдельмана делает, конечно, правоту противников Астафьева очевидной. Но и после этого можно было считать их случайными неудачными высказываниями, простительными каждое по отдельности". — Мы цитируем здесь слова москвича, комментирующего в том же номере "Страны и мира" переписку Н.Эйдельмана с В.Астафьевым. — "И если бы Астафьев в ответ (на письмо Н.Эйдельмана. — Ю.Ш.) хотя бы промолчал, реконструкция его взглядов, сделанная Эйдельманом, осталась бы всего лишь вероятной гипотезой". А сам автор цитируемых выше строк, вероятно, не стал бы на сторону Н.Эйдельмана.

Но поскольку В.Астафьев не промолчал, мы продолжим начатую Эйдельманом "реконструкцию его взглядов".

Отбирая уличающие цитаты в тексте рассказа "Ловля пескарей в Грузии", Н.Эйдельман выловил из него все те немногие куски и фразы, где автор неодобрительно, а порой и с присущей перу его желчью гневно высказывается о местных хапугах, бездельниках, пьяницах, торгашах, увиденных им на побывке в Грузии, а до того еще, раньше, встречаемых на российских базарах, толкучках, в питейных дорогостоящих заведениях. Не жалует он и Отра, близкого в прошлом, достойного "сотоварища по Высшим литературным курсам", а ныне разнузданного, барственно огрубевшего, как не щадит писатель Астафьев в других повестях и рассказах того же сорта своих соплеменников, духовно и нравственно покалеченных.

Не хотел, не увидел историк литературы, что рассказ не об этом, не о пороках встреченных писателем инородцев, — подорожные встречи с пошлостью не заслонили восприятия окружающей жизни, — что полон рассказ доброты, благодарности к людям Кавказа, гостеприимным и великодушным, хранящим бережно обычаи предков, в массе своей еще не утративших память сердца. "Как чудесно быть гостем, значит, и другом, пусть мимолетным, недолгим, у людей, умеющих без задней мысли жить, говорить, радоваться простым радостям жизни, ну хотя бы встречному человеку, новому ли светлому дню, улыбке ребенка, говору ручья, доброму небу над головой". Так благодарственно отзывается путник о приютившем его ненадолго грузинском семействе. И в этих словах, в этих простых понятиях — духовные ценности автора, В.Астафьева. Где же тут место ненависти, национальному высокомерию?

Но Н.Эйдельман находит в рассказе другой, еще более вопиющий факт надругательства над национальными чувствами инородцев, на сей уже раз монголов, осквернивших древнюю святыню Грузии — Гелатский храм. Это, по мнению Эйдельмана, "одна из самых дурных, безнравственных страниц нашей словесности". Тут же дается цитата: "По дикому своему обычаю, монголы в православных храмах устраивали конюшни. И этот дивный и суровый храм они тоже решили осквернить..." Далее следует ужасающая картина осквернения.

"Что тут скажешь? — вопрошает риторически Н.Эйдельман. И ответ его уже смахивает на провокацию: — Удивляюсь молчанию казахов, бурятов... калмыков, крымских татар...

Чего тут рассуждать? — Расистские строки!"

Вот к чему может привести, по наблюдениям историка литературы, "сила ненавидящего слова". Не будем спорить о праве писателя излагать исторические события, давать им свою оценку. Обратим лишь пристальное внимание на одну мелочь.

Картина осквернения Гелатского храма, эмоционально встряхнувшая историка Н.Эйдельмана и, видимо, не соответствующая исследованиям знатока русской истории Николая Михайловича Карамзина, на что указывает Н.Эйдельман, к автору рассказа Астафьеву прямого отношения не имеет. Это, как явствует из текста рассказа, пояснения грузина-экскурсовода или прислужника храма. "Все это тихим голосом *переводил* мне умеющий незаметно держаться и вовремя прийти на помощь Шалава", — читаем мы у Астафьева. Н.Эйдельман этой мелочи впопыхах не заметил и поспешил уличить автора в тяжком грехе расизма.

Нельзя заподозрить В.Астафьева и в использовании испытанного художественного приема, когда мысли автора влагаются в уста персонажа. Рассказ этот биографический, основанный на материалах поездки в Грузию. И Шалва, и его брат Отар фигуры реальные.

Итак, с рассказом В.Астафьева как будто покончено, обличительный пафос иссяк. Но счеты — не сведены. И уже на исходе полемических сил Н.Эйдельман приступает к вопросу, лежавшему в замысле всей этой эпистолярной свары. Конечно, еврейскому. Ненавистник калмыков, казахов, крымских татар должен быть непременно и антисемитом. Так и есть. В прошумевшей недавно астафьевской повести "Печальный детектив" он выискивает "пустяк", но — в контексте задачи — значимый. Вот она, эта искомая фраза: "Герой повести в пединституте изучает лермонтовские переводы с немецкого вместе с "десятком еврейчат". Любопытно было бы только понять (это уже щекоотливый вопрос к прозаику. — *Ю.Ш.*), к чему они в рассказе, если ни до, ни после больше не появляются?" Прозаик понял намек и ответил цитатой из произведения Н.Эйдельмана, после чего тот о судьбе "еврейчат" уже никого не спрашивал.

Теперь — об ответном письме В.Астафьева.

Впечатление оно производит действительно удручающее. И если отвлечься от обстоятельства его появления, то, не столько по фактам, сколько по тону, по форме выражения, непозволительное. Но давайте сначала поговорим об обстоятельствах, о причинах, вызвавших у адресата эту самую форму и тон. А затем и о фактах.

Натан Эйдельман в письме к Виктору Астафьеву, основываясь на рассказе и повести писателя, обвинил его ни много ни мало в шовинизме, расизме, национальной ненависти. Как попытались мы доказать всем вышеизложенным, обвинения эти безосновательны, примеры из текста превратны, притянuty, манера письма, интонация, внешне будто бы в рамках приличия, по сути своей часто бестактна и высокомерна. Все это, конечно, бывает, и даже похлеще, в частном, личном письме, закрытом для посторонних. Но письмо Н.Эйдельмана не просто "попало" в массовый Самиздат. Оно было туда адресовано.

Обращение интимное, личное: "Уважаемый Виктор Петрович!" Но уже через несколько строк: "Теперь же позволю высказать несколько суждений о писателе Астафьеве... Ему, думаю, принадлежат... описания природы... Он сказал о войне..." И даже: "На это скажут, что Астафьев..." Кто скажет: близкие его родичи или, может, друзья закадычные, которым покажет письмо Астафьев? Сомнений тут никаких. Письмо заведомо, в замысле, предназначено для посторонней аудитории.

И аудитория интерес проявила. По свидетельству выше уже цитируемого москвича, "две главные "сенсации" осеннего сезона в Москве — это фильм Тенгиза Абуладзе "Покаяние" и переписка Натана Эйдельмана с Виктором Астафьевым... Но если "Покаяние" смотрели в Москве сравнительно немногие, то круг москвичей, познакомившихся с перепиской, намного шире. Она разлетелась по Москве в десятках, а то и сотнях машинописных экземпляров... Старожилы не упмят такого с 60-х годов".

Писатель, один из немногих в стране творчески честный, страницы прозы которого — о жестоко-стях соотечественников в годы войны, о повальном падении нравов, цинизме, лжи, о глубочайшем духовном распаде собственного народа — пронизаны болью и состраданием.

И вот, запросто, брошенным в толпу листком бумаги с "тяжкими обвинениями" подвергнут людскому судилищу. Какое же чувство должен вызвать у потерпевшего создатель такой затеи? Отвращение, горечь, обиду. Этими чувствами и продиктованы и форма, и тон ответного письма В.Астафьева. Человека немолодого, испытывавшего за долгие годы творческой жизни и тягости вынужденного молчания и душемотанье цензуры, и барственое отношение к "деревенщику" преуспевающих столичных писателей. И, между прочим, покалеченного войной, с одним зрячим глазом, что дало повод другому участнику журнальной дискуссии к "коррелирующей" иронии насчет его "юрдства".

Так что с мотивами тона и формы письма В.Астафьева, кажется, все прояснилось.

Что же касается фактов, то в моменты, подобные этому, человек выплескивает такие глубоко затененные свои мысли, о коих в обычные часы и задуматься не решится. Но они для него наиболее живые, и коли уж выплеснулись наружу, попробуем уяснить их истоки.

Для русского верующего человека расстрел царской семьи — рана незаживающая. Особенно сейчас, после недавней канонизации их как великомучеников. И то, что непосредственным организатором этой расправы, собственноручно расстрелявшим беззащитных, оказался еврей Юровский, прочно осело в темных углах сознания. Сионист он там не сионист, разберись под горячую руку, но — еврей, и это так просто не забывается. Как не забывают поляки русским раздела Польши, как помнят и напоминают нередко в эмигрантской прессе евреи нашей волны об учиненных русскими черносотенцами еврейских погромах. И, кстати, эти напоминания полемических писем не вызывают. Не забыл, надо думать, коренной житель деревни В.Астафьев и о не в меру активном участии евреев-партийцев в кампании раскулачивания и коллективизации, приведшей крепкое крестьянское хозяйство России к сегодняшнему, быть может, уже непоправимому развалу. Руководителем этой кампании Сталин поставил, с дальним, несомненно, прицелом, работника аппарата ЦК Аркадия Яковлеви-

ча Эпштейна, назначив его наркомом земледелия и одновременно председателем Колхозцентра, дав ему на этом посту неограниченные карательные полномочия. Впоследствии Аркадий Эпштейн, как и многие его сподручные, пал жертвой "партийной чистки" 37-го года, и В.Астафьев увидел в этих ежовских арестах "веление Высшего судии". Его право.

Все это исторически объяснимо. Никто из нас не несет за преступления предков, пусть самых близких, никакой личной вины, но это — было. И оставило, к сожалению, след.

Не лишена оснований и раздраженная ирония В.Астафьева о евреях-пушкиноведах, лермонтоведах, комментаторах Достоевского. Повод к такому настрою дает ему в своем письме сам Н.Эйдельман.

"Хотел бы высказаться, но прежде — представляюсь", — обращается к провинциалу столичный интеллигент. И представляется: "Историк, литератор (член СП) ... специалист по русской истории XVIII—XIX веков (Павел I, Пушкин, декабристы, Герцен)". Перечень сфер творческой деятельности в двухвековой истории русской культуры должен свидетельствовать о его абсолютной на этом поприще незаменимости. Писатель Астафьев понял.

Представляясь торжественно адресату, Н.Эйдельман упоминает, несколько неожиданно, и кое-какие анкетные данные своего отца: "В 1910-м исключен из гимназии за пощечину учителю-черносотенцу". Эту семейную информацию он сопровождает уверенным предположением: "Ряд пунктов приведенной "анкеты" Вам, мягко говоря, не близок".

Писатель Астафьев понял и это. И степень его раздраженности перешла границы печатно дозволенного.

Приемы полемики и нравственная позиция Н.Эйдельмана коренятся не только в чрезмерных его личных амбициях, но, думается, прямо скажем, и в специфических наших ашкеназских комплексах, сложившихся из сознания принадлежности к избранному народу, и психологии уроженца местечка. Отсюда и убежденность в национальной нашей непогрешимости, отсюда и наши претензии на монополию только своих страданий.

Дора Штурман, основываясь на опыте жизни в Израиле, уверяет, что сабры, урожденные израильтяне, не знают уже наших комплексов. Какое благо!

В письме В.Астафьеву Н.Эйдельман свое обостренное ощущение национального достоинства переносит безоговорочно на других живущих бок о бок с ним инородцев. Но это не совсем так. Те же грузины в этом вопросе не столь болезненно шепетильны. Покинув по восточной горячности в знак протеста писательский съезд, разобрались, одумались и все-таки вернулись. А тот же фильм Абуладзе, вскрывающий всенародно цепь преступлений кровавого своего соплеменника?

Мы же из нашей недавней истории все только муссируем трагедию Катастрофы.

Пора уже нам осознать себя нормальной нацией, по всем параметрам достойной и небезгрешной, как все другие народности мира. Тем более теперь, когда есть свое, независимое государство и уже доказано миру, что евреи умеют, не хуже иных больших народов, и воевать, и пахать.

Но умеют евреи, судя по опыту жизни в диаспоре, и вести себя неблагородно в приютившем нас государстве, не считаясь с его интересами.

Нет у меня и тени сомнения в искренности негодования Крониды Любарского, отозвавшегося на ответное письмо В.Астафьева криком души: стыдно быть русским! Я понимаю Крониду. Мне это чувство знакомо. Когда здесь, в Штатах, в первых рядах либеральствующей, безответственной части общества, подрывающей по сути дела основы стабильности государства, я увидел именно еврейскую интеллигенцию, когда на недавних президентских выборах *все* белое и цветное население страны, включая малоимущих латиноамериканцев, голосовало в большинстве за Рейгана и лишь единственной национальной группой, отдавшей *в подавляющем большинстве* голоса Мондейлу, оказались еврейские избиратели, мне тоже хотелось крикнуть: стыдно быть евреем!

Такое же чувство у меня вызывает сейчас неблагородный, провокационный по сути своей поступок Эйдельмана в надуманном споре с Астафьевым.

Юрий Штейн (Нью-Йорк)

Крониду Любарскому (для сведения)

Весьма любопытный материал только что получен из Зап.Германии: частная переписка писателя Виктора Астафьева с еврейскими "почитателями" его таланта, напечатанная в журнале "Страна и мир" № 12 за 1986 год.

Что можно сказать по поводу этой конфиденциальной переписки, которую наши "еврейчата" вероломно опубликовали для того, чтобы высечь русского писателя?

Начало письма Н.Эйдельмана вполне корректное, можно сказать, даже ласковое: прямо за здравие. И тут же резкий переход за упокой: "Что тут рассуждать? Расистские строки", — пытается одним ударом прикончить свою жертву литератор Натан Яковлевич. Ату еро!

От такого неожиданного удара в солнечное сплетение слабый человек и не устоит, тут же поднимет руки вверх, запросит мира или, бухнувшись прямо в ноги, начнет ползать перед владыкой мира, как это было с Генри Фордом и ген. Д.Брауном, ездившим на поклон в Израиль.

То-то, Виктор Петрович, будьте полегче на поворотах!

"Трагические обстоятельства", как и "дурные народы", это плод еврейского спекулятивного мышления, чтобы запутать суть вещей. Хотя Гитлер развязал войну один, но мы видим, что весь немецкий народ расплачивается за его ошибки, выплачивая по сей день баснословные репарации тем евреям, которые никогда не нюхали даже пороха.

Мы не обвиняем поголовно всех евреев в геноциде русского народа, однако считаем, что наибольшая их часть рано или поздно будет вынуждена покинуть Россию. И дело тут не в мести, т.к. нам никогда не отыскать равного числа евреев, сионистов и иудеев вместе взятых, чтобы оплатить им за содеянное...

Понимая ситуацию, в которой находится В.Астафьев, мы хотели бы от своего имени высказать "беззащитно" несколько слов.

А.Герцен, Л.Толстой, А.Сахаров, талмудист Карл Маркс и палач Янкель Юровский — это Ваши кумиры, г-н Эйдельман и Любарский, которым Вы истово отбиваете поклоны. Наш идеал — Монархия, наша вера — Православие, наши наставники — почвенники-славянофилы, а не безродные космополиты. И свободу мы понимаем не так, как Вы! Следовательно, каждому свое, и спорить, казалось бы, не о чем.

Что же касается признания Кронида Любарского, сказавшего: "Но сейчас мне стыдно, что я принадлежу к тому же народу, что и Виктор Астафьев", — так мы ему скажем прямо:

Вам нечего стыдиться, г-н Любарский, потому что душой Вы никогда не принадлежали к русскому народу, несмотря на получение Вашими предками дворянского титула под стенами Казани.

Писатель Василий Розанов почему-то не "устыдился" своей принадлежности к русскому народу. Он претерпел лишения и завещал нам строки, полные пафоса и любви к Родине: "Счастливую и великую родину любить не велика вещь. Мы ее должны любить именно когда она слаба, мала, унижена, наконец, глупа, наконец, даже порочна, именно, именно когда наша "мать" пьяна, лжет и вся запуталась в грехе, — мы и тогда не должны отходить от нее. Но и это еще не последнее: когда она, наконец, умрет, и обглоданная евреями будет являть одни кости — тот будет "русский", кто будет плакать около этого остова, никому не нужного, и всеми плюнутого. Так да будет".

С пожеланием дальнейших успехов

Николай Тетенов
"Русское самосознание"

П.С. Прочитируем еще одну фразу ученого-астронома: "Я думаю, что мы слишком долго отдаем другим право говорить о национальном возрождении русского народа".

Наглость иудейская поистине не знает границ! Ваша родина, г-н Любарский, это Палестина. Вот там плодитесь и размножайтесь.

15 марта 1987 г.

Знакомясь с материалами публикации "Виктор Астафьев — взгляд извне и изнутри" ("Страна и мир", № 12, 1986) я очень надеялся, что не увижу в ней имени А.Солженицына. Но я, безусловно, покривлю душой, если напишу, что был "изумлен" статьей А.Ясакова "Кое-что о прозе и публицистике В.Астафьева". Изумлен я не был, потому что понимал, как велико, должно быть, искушение недоброжелателей втянуть имя А.Солженицына в "дискуссию об антисемитизме". Мне хотелось, однако, думать, что редакция журнала не останется солидарной с аргументацией недобросовестного автора. Видимо, я ошибся.

В 1973 г. А.Солженицын в интервью Ассошиэйтед Пресс и газете "Монд" назвал в алфавитном порядке 16 авторов — "ядро современной русской прозы", оговорившись, что имена дает "с затруднением и, вероятно, с пропусками". Среди упомянутых писателей был В.Астафьев, в чем и усмотрел криминал А.Ясаков, пожелавший через это навязать читателю свое мнение о "трогательном" единстве взглядов А.Солженицына с "многолетним руководителем Союза писателей СССР" Г.Марковым:

"Поскольку ниже речь пойдет о Викторе Петровиче Астафьеве, отмечу одно любопытное обстоятельство: мнение о нем Александра Исаевича Солженицына полностью совпадает с мнением Георгия Мокеевича Маркова — многолетнего руководителя Союза писателей СССР, председателя Комитета по Ленинским и Государственным премиям, дважды героя Социалистического труда. Единство трогательное и нечастое... Так что писатель Астафьев в рекомендациях не нуждается. Практически вся советская литературная критика в своих суждениях о нем солидарна с Марковым и Солженицыным."

Я должен признаться, что не вижу того "трогательного и нечастого" единства, которое так обрадовало А.Ясакова. Из того факта, что А.Ясакову нравятся, например, булгаковские "Дни Турбиных", вряд ли следует "трогательное и нечастое" единство между ним и Сталиным, который очень любил эту пьесу; как и не следует единства между теми, кто любит Бабеля, и Троцким (который тоже его любил). А уж поклонникам Бетховена, вероятно, придется просто возненавидеть этого композитора, поскольку его любил Ленин. И — к разговорам об антисемитизме — что делать нам с музыкой Вагнера, которой восторгался Гитлер и под которую евреев уничтожали в нацистских концлагерях?

Одинаково легко и бесчестно прибегать к подтасовкам на страницах советской и западной прессы. В СССР это поощряется. Но в мире свободном у читателя, по крайней мере, всегда остается право высказать свой протест недобросовестному автору.

И я хочу воспользоваться этим правом.

Юрий Фельштинский (Бостон)

От редакции:

Статья А.Ясакова получена редакцией из Москвы. Об авторе известно лишь, что он — врач в одной из московских больниц. Напоминаем авторам и читателям, что "мнение, выраженное автором, может не совпадать с точкой зрения редакции" (см. стр. 2 обложки).

"ФАКТЫ — УПРЯМАЯ ВЕЩЬ"

Письмо в редакцию и ответ

Статья Б.Хазанова в № 12 вашего журнала за 1986 год читается с интересом. Затронутая в этой статье тема национализма, возможно, вызовет полемику и споры. Не желая дискутировать по основной теме статьи, позволю лишь остановиться на некоторых, по моему мнению, неверных суждениях автора о существующем положении в Германии. Так, автор пишет: "Очистилась ли она (Германия) от скверны, теперь, спустя сорок с лишним лет? Я думаю, что на этот вопрос не колеблясь можно ответить утвердительно..." и далее: "С первых дней жизни в Германии бросается в глаза радикализм, с которым здесь разделились с прошлым". В подтверждение сказанному автор ссылается на средства информации: телевидение, радио, литературу, прессу, на изобразительное искусство, причем знает, что в стране законом запрещена любая нацистская и расистская пропаганда. Однако, как это ни прискорбно, многочисленные факты последних лет говорят о совершенно обратном. Не стоит напоминать Б.Хазанову о наличии в Германии неонацистских групп и формирований. Если он следит за западногерманской прессой, то должен знать, что руководителей этих довольно многочисленных групп часто судят и приговаривают к смехотворным по советским понятиям срокам заключения. Думается, не стоит в этой связи напоминать Б.Хазанову о часто встречающихся в различных городах ФРГ на стенах общественных зданий надписях вроде: "Иностранцы, вон из Германии!"; как и о широко освещавшемся всеми западногерманскими средствами информации случае убийства на вечерней улице в Гамбурге фашиствующими молодчиками одного молодого человека только за то, что последний оказался по национальности турком. Я уже не хочу напоминать Б.Хазанову, как стали довольно часто появляться в прессе сообщения об осквернении еврейских памятников старины (старинных синагог и кладбищ). Возможно, что от автора упомянутой статьи ускользнул еще один также широко освещавшийся прессой ФРГ факт, когда в 1986 году еврейская община Дюссельдорфа предъявила судебный иск бывшему бургомистру городка Кершенбройх за то, что при обсуждении дефицита в бюджете городка он сказал публично: "Если вы хотите уладить финансовые дела городка, нужно убить пару богатых евреев". На суде ответчик ссылался на "старую шутку нацистских времен", однако эта уловка ему не помогла, и он был приговорен

к штрафу в 90 тысяч марок в пользу еврейской общины с обязательным публичным извинением. Глава общины передал эту сумму местной больнице. Не хотелось бы Б.Хазанову напоминать о заявлении председателя еврейской общины Западного Берлина Гейнца Галинского в мае 1986 года перед многочисленными корреспондентами: "Последнее время мы вынуждены прибегать к услугам полиции для охраны зданий общины и синагоги. Я никогда не думал, что в нашей высокоразвитой и культурной стране вновь появится антисемитизм. В немецких школах еврейских детей в лучшем случае игнорируют, в худшем — к ним скверно относятся. В высшие учебные заведения почти совсем не допускают евреев, не говоря о работе в учреждениях. Последние два-три года среди немецких граждан снова довольно сильно появился антисемитизм". На вопрос одного из корреспондентов, что он лично об этом думает или предпринимает, Галинский ответил: "Около 10 миллионов немцев нужно снова посадить за школьные парты и начать с ними изучение последствий нацизма и войны. Нужно беспрестанно напоминать о жертвах нацизма. Мы стремимся и нам частично удастся вносить в школьные учебники тематику, отображающую прошлые зверства нацизма и гибель миллионов. Недавнее обсуждение в бундестаге вопроса о проявлениях антисемитизма в стране не может явиться примером и уроком... Некоторые общины в разных городах страны из-за малых средств вынуждены сами себя охранять от возможных антисемитских проявлений. Наше государство должно стоять за каждого своего гражданина".

Я допускаю, что все указанные факты неизвестны автору статьи. Но может ли Б.Хазанов указать хотя бы на один западноевропейский парламент, который в течение последних лет посвятил бы специальное заседание проблеме антисемитизма в стране? Этого не было ни в Голландии, ни в Дании, ни в Бельгии, ни во Франции, ни в Люксембурге, ни в других странах Западной Европы. Это было только в Западной Германии. Один лишь этот факт опровергает следующий пассаж автора статьи: "Но трудно сейчас представить себе в западном мире государство, где опасность реставрации фашизма была бы менее реальной, — опасность сколько-нибудь заметного возрождения фашистских или родственных им настроений, воинственного национализма, тоталитарных грез, агрессивной "народности", опасность реваншизма, о котором нам прожужжали все уши в СССР. Тому, кто здесь живет, все это кажется смехотворным". Но могут ли реальность и факты, указываемые мной, быть такими уж смешными? Напомню, кстати, что при обсуждении остро назревшего вопроса антисемитизма в стране депутат от партии "зеленых" Иохим Мюллер с высокой трибуны парламента заявил, что 30% граждан Западной Германии антисемитски настроены, а 46 депутатов бундестага внесли резолюцию, в которой, в частности, говорилось: "Все демократические партии должны нести ответственность перед историей, они должны принять практические меры против появившихся за последние годы антисемитских тенденций".

Уверен, что Б.Хазанов упрекнет меня в сгущении фактов, но факты — вещь упрямая, особенно, когда они опровергают неверные утверждения. Я слышу и другой упрек, что указывая на них, лью якобы воду на мельницу советской пропаганды. Но что делать, в данном случае реалии совпали. Даже у Андрея Дмитриевича Сахарова некоторые его высказывания иногда полностью совпадают с официальной позицией кремлевских владык. По крайней мере люди, хорошо знающие мое политическое кредо, никогда не упрекнут меня в умышленном подыгрывании советской пропаганде.

Наконец, Б.Хазанов о Германии пишет еще: "Историки безжалостно расковыряли это прошлое..." Уж кому, как не Б.Хазанову, должна быть известна развернувшаяся в прессе ФРГ и длившаяся более месяца полемика немецких историков по поводу освещения в своих трудах периода нацизма. Когда одни из них пытаются не только сгладить все ужасы преступлений, но вообще многие из них отрицать, вторые, оставаясь верными правде, упрекали первых в желании исказить историю во имя того, чтобы снять всю прошлую вину в глазах молодого и будущих поколений. Эта полемика общеизвестна и вызвала широкий резонанс.

И последнее. На недавних январских выборах в бундестаг в избирательных бюллетенях, как и полагается в любой демократической стране, фигурировало шестнадцать партий, от крайне левых до крайне правых. Вовсе не желая смешивать правые партии с партиями типично нацистского толка, укажу лишь на две из них, неонацистских, прикрывающихся названиями "Партия патриотов" и "Новая Германская партия" ("НДП"). Естественно, когда в стране действуют законы, запрещающие любые нацистские партии, новым нацистам приходится скрываться под "зонтиком" и присваивать себе разные, не вызывающие поначалу никаких претензий названия, чтобы

скрыть свою сущность. В результате всеобщего голосования обе партии получили 1,5% голосов, что в абсолютных цифрах составляет около миллиона граждан страны, отдавших свои голоса за явно националистические и неонацистские партии. Не получив ни одного кресла в бундестаге, ибо для этого согласно конституции страны требуется не менее 5% голосов, указанная цифра проголосовавших может показаться на первый взгляд ничтожно малой. Но нельзя в этой связи забывать, что эти же партии на прошлых выборах, 4 года назад, набрали лишь 0,5% голосов, а также, что в свое время Гитлер начинал все с нескольких десятков своих приверженцев. Не покажется ли Б.Хазанову почти миллион избирателей, отдавших свои голоса неонацистам, чем-либо серьезным и еще раз опровергающим его же неверные утверждения?

Немногие российские эмигранты еврейского происхождения "раскинули шатры" (выражение Б.Хазанова) в Германии по разным причинам. Некоторые в надежде найти хорошо оплачиваемую работу, и лишь немногим это удалось, другие в погоне за бизнесом, и в этой категории лиц оказались отдельные счастливицы. Я знаю московских евреев, торгующих в Мюнхене и Западном Берлине старинными православными иконами, получаемыми контрабандой. Общеизвестными стали многочисленные случаи, когда некоторые немецкие адвокаты путем подставных свидетелей за крупные суммы многим эмигрантам из России, прибывшим в ФРГ из Израиля, помогли даже получить западногерманское гражданство. В 1984 году в Западном Берлине был разоблачен один из таких адвокатов, имевший целую сеть вербовщиков, через руки которых прошли десятки советских граждан, приехавших из Израиля. Разоблачение приняло характер политического скандала, и дело было спущено на тормозах по двум причинам: чтобы крупным судебным процессом не вызвать лишних обвинений в официальном проявлении антисемитизма, другая — нежелание портить хорошо отстроенных отношений с государством Израиль. Адвокат отделался лишь административным наказанием. Этому делу посвящал свои страницы журнал "Шпигель".

Оправдывать свою жизнь в ФРГ высокими чувствами к историческим культурным ценностям немецкого народа, как и отсутствием, якобы, в стране неонацизма, по крайней мере не искренно. Остается лишь сожалеть, что Б.Хазанов допустил в своей статье не только указанные неверные утверждения, но и неискренность.

С.Бадаш (Бад-Эмс, ФРГ)

Читатели, знакомые со статьей "По ком звонит потонувший колокол", о которой пишет автор письма, согласятся, что она продиктована той же самой тревогой по поводу любых попыток восстановить в правах пронацистскую идеологию. Опыт Германии, страны, проделавшей путь от агрессивного национализма к фашизму, запятнавшей себя неслыханными преступлениями и жестоко наказанной, но сумевшей возродиться для демократии, — этот опыт остается в большой мере актуальным для нас. Вот о чем говорилось в статье. Автор письма не согласен с моим утверждением, что в Германии покончено с национал-социализмом. Тем не менее любые оценки нынешней ситуации в Федеративной республике, как бы ни были похвальные вдохновляющие их чувства, должны быть добросовестны. Этой добросовестности я в письме С.Бадаша не вижу.

Цифры, которые он приводит, неправильны. Вот официальные данные о выборах в федеральный парламент, состоявшихся 25 января этого года. Из 61 миллиона граждан, населяющих страну, голосовало 38 225 294 человека. Голоса избирателей распределились так: за консервативную партию было подано 44,3%; за социал-демократическую партию — 37,0%; за партию либералов — 9,1%; за экологическую партию ("Зеленые") — 8,3%. Эти партии получили места в бундестаге. Мелкие партии и группы, те, кто остался за бортом, все вместе собрали 1,8%, или 688 тысяч голосов. В это число входят упомянутые автором письма правозкстремистские (фактически — пронацистские) партии "Патриоты за Германию" и "Национал-демократическая партия Германии" (НДП; С.Бадаш слегка исказил ее название). В группе мелких партий НДП собрала больше всего голосов: 0,6% (229 тысяч). "Патриоты" собрали 0,1% (38,2 тыс.). Обе партии вместе получили, таким образом, около 267 тысяч голосов из тридцати восьми миллионов избирателей ФРГ. Сравните эти числа с "данными" С.Бадаша.

Факты, говорит он, упрямая вещь. Этот афоризм Ленина не кажется мне бесспорным. Нет, факты — совсем не упрямая вещь. Напротив, факты представляют собой чрезвычайно податливый материал, из которого можно лепить какую угодно неправду. Автор письма ссылается на выступление депутата Зеленых, который сообщил с "высокой трибуны парламента", что 30% граждан ФРГ — антисемиты. Почему не 50, не 80%? Почему мы обязаны верить цифрам, которые невозможно ни проверить, ни удостоверить? В качестве доказательства массовости нацистских и юдофобских настроений автор письма приводит случай с бургомистром провинциального местечка, который позволил себе в заседании местного совета отпустить зловещую шутку и которому не помогли никакие извинения: он мгновенно лишился своего поста. О нем прочли в газетах, его увидели на телеэкранах по всей стране. Суд приговорил его к крупному штрафу. Не свидетельствует ли эта история, напротив, о массовости антинацистских настроений, о сугубой бдительности к любым проявлениям антисемитизма? Повышенная чувствительность ко всему, что хотя бы отдаленно напоминает нацистское прошлое, как раз и приводит к тому, что любой случай такого рода получает самую широкую огласку. А она в свою очередь подает повод к особому рода демагогии, образцом которой, как мне кажется, может служить не только письмо С.Бадаша, публикуемое здесь, но и корреспонденции из Германии, с которыми он выступает в нью-йоркской газете "Новое Русское слово".

Автор усомнился в моей фразе: "Историки безжалостно расковыряли это прошлое, художники выставили его напоказ." Загляните в книжные магазины. Вы увидите длинные полки, целые отделы, посвященные истории национал-социализма, его истокам, его облику, структуре гитлеровской партии и государства, концлагерям, военным преступлениям, истреблению евреев. Я мог бы назвать, ограничившись только самыми популярными именами, книги немецких историков Иохима Феста, Голо Манна, Себастьяна Гафнера, Эйгена Когана, Эриха Нольте, рассматривших феномен фашизма во всех его проявлениях; своды документов, в том числе широко известное многотомное собрание под редакцией Полякова и Вульфа; бесчисленные документальные фильмы о фашизме и Катастрофе европейского еврейства, которые буквально не сходят с экранов немецкого телевидения; наконец, чуть ли не всю немецкую литературу послевоенных десятилетий в лице ее наиболее видных представителей.

Сравните это отношение к своему национально-государственному прошлому с Советским Союзом, где архивы правительственных учреждений, партии и тайной полиции хранятся за семью замками и едва ли будут обнародованы даже при жизни наших детей, где до сих пор не существует научной биографии Сталина, где не издано ни одного документального сборника о лагерной системе, погубившей больше людей, чем погибло в Германии.

Я благодарю С.Бадаша за откровенность, с которой он просто и прямо объяснил публике, что каждый эмигрант из СССР, нашедший политическое убежище в Германии, в том числе и автор статьи "По ком звонит потонувший колокол", поселился там не иначе как в надежде разбогатеть на продаже икон, закрыв глаза на антисемитизм, якобы бушующий в этой стране. Спросим себя, однако, жив ли вообще антисемитизм в Германии. Конечно, жив. Существует ли среда, в которой он находит себе пищу и оправдание? Разумеется, существует, и не только в этой стране. Достаточно обратить взгляд на правый фланг российской эмиграции. Что касается меня, то я склонен думать, что антисемитизм бессмертен. Вопрос идет о другом. Существуют ли в современной Германии условия и предпосылки, которые дали бы возможность кучке замаскированных неонацистов поднять голову, превратиться в сколько-нибудь влиятельную общественную группу, пробраться к власти? Тот, кто в отличие от моего оппонента готов разобраться в этом вопросе объективно, может дать на него вполне однозначный ответ. Таких условий здесь больше не существует.

Борис Хазанов

ТАЛАНТЫ И ТОТЕМЫ

Литературные заметки

В "Антимемуарах" Андре Мальро есть забавный эпизод из жизни знаменитого психолога Юнга. Однажды Юнгу случилось побывать у индейцев в Нью-Мехико, и те поинтересовались, какое животное служит тотемом его клану. Юнг ответил, что в Швейцарии нет ни кланов, ни тотемов. Когда беседа закончилась, индейцы вышли из дома по приставной лестнице — по которой они спускались, как мы по ступенькам: лицом вперед. Юнг же спустился вниз — как это сделал бы и любой из нас — лицом к лестнице. Едва он оказался на земле, индейский вождь молча ткнул пальцем в герб Берна, вышитый на куртке Юнга. На гербе был изображен медведь — единственное животное, которое спускается, обратив морду к дереву или лестнице.

В отличие от швейцарского общества в советской литературе всегда было явственно обозначено существование кланов и тотемов. Правда, кланы время от времени перепутывались, а тотемы — менялись. В последние года полтора и вовсе все смешалось в доме Герцена: завязалась оживленная игра слов, в ходе которой появились совершенно новые понятия, вроде "перестройки" и "гласности", отменились кое-какие старые табу. Как заявил герольд новых тотемов Андрей Вознесенский, "сейчас в России другой климат, можно печатать такие вещи, о которых раньше и мечтать не приходилось".

Фрейлехс на улице Горького

Из Москвы еще прошлой зимой писали о спектакле "Улица Шолом-Алейхема, 40" в театре Станиславского — драма об эмиграции, ажиотаж страшный, народ ломится, билеты не достать. Напечатать пьесу, даже поставленную, в СССР, как известно, весьма сложно: мало изданий, публикующих драматургию. Тем не менее эта пьеса в печати появилась.¹

За новизной темы действие начинается не сразу: неискушенного читателя готовят к нему исподволь, со всех сторон обкладывая сюжет мягкими подушками. В темноте, на фоне популярной песни 30-х годов, звучит голос, объясняющий читателю-зрителю: "История, которую мы вам расскажем сегодня, произошла в конце семидесятых годов... Но долг театра не оставлять без внимания ни одну тревогу, ни одну боль... ибо в нашем беспокойном сложном мире все уже повторилось или может повториться. Вот почему, начиная рассказ о событиях, некогда разыгравшихся в доме номер сорок по улице Шолом-Алейхема, мы хотим говорить с вами о том, что не зависит от времени, настроений и того, кто откуда родом: из Вологды или Тбилиси, Москвы или даже самой Одессы..." То есть все это, дорогие товарищи, история минувших — хоть и не так давно — дней, и почему бы не взглянуть на нее из нашего сегодняшнего, правильного времени? Да и вообще, не одни лишь проблемы еврейской эмиграции нас занимают: замысел автора, судя по приведенной цитате, глубже и шире.

¹ Аркадий Ставицкий. Улица Шолом-Алейхема, 40. "Театр", № 7

Все это, конечно, весьма прозрачный камуфляж. Драматург просто-напросто рассказывает грустную историю о двух стариках, решивших скрепя сердце эмигрировать вслед за подавшими заявления сыновьями. Разумеется, одна из "ватных подушек", которыми обкладывается пьеса — так, что действию ни дышать, ни повернуться невозможно, — это тема интернационализма и дружбы советских народов. Русский парень Федя, влюбленный в еврейскую девушку, завтрашнюю эмигрантку, под овацию всхлипывающего зала лихо отплясывает "фрейлехс". Соседи-евреи дружно не одобряют решение семьи Марголиных эмигрировать и подвергают остракизму бросаемый ими старинный буфет — обзывают его антисоветским и даже в подарок принять не желают. Приютить несчастный буфет, к которому с трогательным монологом, явно навеянным "многоуважаемым шкафом", обращается старушка Марголина, согласен — за некоторую мзду — лишь бывший полицей, заверяющий, что он евреев в войну не выдавал.

Что же до причин, заставивших братьев Марголиных податься в эмиграцию, то инициатором этой идеи, хирургом Леонидом, движет всего лишь элементарная корысть и тщеславие, маскируемые разговорами об антисемитизме: "Я делал самые сложные операции, а мой шеф рос по службе. Я спасал больных, а о нем писали газеты. Ну, как же, он — Воронов, а я — Марголин. Не совсем блондин". Второй брат, ученый, согласившийся эмигрировать только из-за дочери, — он не видит другого способа оторвать ее от дурной компании — отвечает: "Ты здесь не стал Барнардом или Вишневским не по той причине...", а потому что "безнравственен, хотел не лечить, а самоутвердиться". Полнейшая безнравственность Леонида демонстрируется по ходу пьесы самым наглядным образом: он даже не остается на похороны отца, бросившегося с балкона, виза у него, видите ли, истекает... Вполне возможно, правда, что визу ему продлить отказались, но пьеса, само собой, о такой мелочи умалчивает.

Кроме извинений самого автора, журнал счел необходимым добавить еще и послесловие Арбузова. Маститый драматург называет пьесу Ставицкого "произведением замечательным", хвалит за то, что "конфликт не надуман, не сочинен, не сконструирован, а взят из самой жизни": "Сказать правду о каком-то сложном явлении нашей жизни есть задача всякого серьезного художника. Сказать правду, оставаясь от начала до конца на четкой мировоззренческой позиции, — удача писателя... Так осуществляется движение всей советской литературы, движение театра."

Подпись под этой крошечной заметкой стоит в траурной рамке: послесловие к пьесе Ставицкого — последнее, что написал крупнейший советский драматург последнего двадцатилетия. По иронии судьбы, это оказались строки о правде — той самой правде "о сложных явлениях нашей жизни", которой днем с огнем не сыщешь в романтических, легких и по-своему привлекательных пьесах Арбузова, немало способствовавших "движению советской литературы".

Дело № 1586

Среди привычных оговорок западной прессы блеснула пару месяцев назад на редкость меткая проговорка: в сообщении агентства Рейтер о сплошной либерализации упоминается "статья А. Вознесенского, опубликованная в журнале "Юность". На самом деле речь идет о *поэме* "Ров",¹ хотя поэмой это произведение действительно можно назвать лишь с натяжкой: большие куски прозы (в понимании мольтеровского персонажа) со всех сторон обтекают рифы зарифмованных деклараций. Правда, форма произведения намеренно и демонстративно не заботит автора: "Поэма ли то, что я пишу? Цикл стихотворений? Вот уж что менее всего меня занимает. Меня занимает, чтобы зла стало меньше."

¹ Андрей Вознесенский. Ров. "Юность", № 7, 1986.

Действительно, то, о чем пишет Вознесенский, страшно настолько, что не о форме тут надо думать. В основу поэмы положено судебное дело № 1586 — о разграблении могил в степи под Симферополем, где в 42-м немцы расстреляли несколько тысяч человек, "преимущественно еврейской национальности". В Симферополе в 1984 году состоялся открытый суд, после чего ко рву устремились, получив точный адрес, новые толпы гробокопателей: искали золотого, которое сорок с лишним лет назад не успели прибрать к рукам немцы. "Протокольная проза "дела" куда чудовищнее фантазии", — совершенно справедливо замечает поэт. Но тогда — не бестактно ли, не кощунство ли сооружать вокруг поистине чудовищной истории нелепую постройку из поспешно сляпанных, неуклюжих виршей?

Какой, к черту, поэт, ты 'народа глас'?
 Что разинул свой каравай?
 На глазах у двенадцати тысяч пар глаз
 сделай что-нибудь, а не болтай.

Или такой пассаж:

Это преступление огорошивает.
 Начали на спор.
 А того, кто ропшет, пытали в роще —
 фарами в упор.

Очевидно, одно лишь дело № 1586 на целую поэму не тянуло, и Вознесенский вставил в нее изрядное количество уже напечатанных стихотворений, якобы смежных по теме. Его намерения вполне понятны: он пытается ввести разграбление могил в некий общий контекст, сказать более широко о падении нравственности в стране, об охвативших общество апатии и бездуховности, об отсутствии моральных стимулов в советской жизни, — но все эти рассуждения, не выходя за пределы тривиальности, никак не поднимаются выше уровня газетной статьи. Зато — какая ширина охвата, какой кругозор! Нет, пожалуй, такой болевой точки в жизни страны, которой не коснулся бы поэт. Хотите про охрану окружающей среды? Пожалуйста:

Так неужели мы будем в истории
 "Это Байкал загубили которые?"

Про новое руководство?

Вот почему, победив показуху,
 Борются наши прорабы духа.

Про Чернобыль?

Что пробило и что еще не пробило
 И что остановило нас в Чернобыле?
 А вдруг — неподконтрольная война?

Про морально-этические проблемы?

Это не только отстойников числа —
 Совесть народа должна быть чистой.

И так далее, и так далее.

Смелость поэта доходит до почти nepoзвoлитeльных пpeдeлoв: мaлo тoгo, чтo oн бeз кoнцa пoвтopяeт "гeнoцид зaлoжил этoт клaд", oн и нa сeгoдняшний дeнь зaмaхивaeтcя. Зaпaдныe кoppecпoндeнты, мoжeт, и нe зaмeтилa стрoчкy: "Бeй сepвизмoм poмaнoвcким oб пoл пaлaт", нo в пaмяти coвeтcкoгo читaтeля oнa нaвepнякa вызвaлa нaшyмeвшyю иcтopию пpo cвaдьбy дoчepи (или cынa?) лeнингpaдcкoгo нaмecтникa poмaнoвa, нa кoтopoй был, пo cлyxам, paзбит cepвиc Eкaтepины Bеликoй. Пpaвдa, poмaнoв тeпepь, кaжeтcя, yжe нe y дeл.

Стpaннaя кaкaя-тo мoдa пoшлa в coвeтcких жyрнaлax: нaблaжaть пeчaтaeмoe пocлeдcтвиями. Bот и "poв" тoжe coпpoвoждaют нecoкoлькo cтpoк "oт peдaкции": "Пoэт Aндрeй Boзнeceнcкий, пoтpяceнный yвидeнным и yзнaнным, нaпиcaл пoэмy, в кoтopoй вoзвыcил cвoй гoлoc пpoтив вoпиющeгo кoшyнcтвa нaд пaмятью тыcяч coвeтcких гpaждaн, пoгибших oт pyк фaшиcтcких пaлaчeй". Bот cпacибoчки, чтo paзъяcнили: caми-тo мы, бeз вac, нy никaк бы... Дaльшe нaм cooбщaют o "пpинятых мepax": "виoвнныe... cypoвo нaкaзaны, нeкoтopые oтcтpaнeны oт зaнимaeмых дoлжнocтeй. Oтпyщeны cpeдcтвa для cooздaния мeмopиaлa... Бyдeт cooздaнo Пoлe Пaмяти". Я oднoгo тoлькo нe пoймy: вeдь пoэмa вoт oнa, нaпeчaтaнa в этoм нoмepe, кaк жe тaк oпepaтивнo cpaбoтaли? Или гpaнки пoсылaли кyдa нaдo? Bыхoдит, пpaв Boзнeceнcкий, кoгдa гoвopит: "Чeм бoльшe я coбepy злa нa cтpaницy — тeм мeньшe eгo oстaнeтcя в жизни"? И, мoжeт, нaкoнeц-тo нaйдeн yнивepcaльный cпocoб бopьбы co злoм?

Почва и семья

C пpoвoзглaшeниeм глacнocти чтeниe coвeтcких гaзeт пpeвpaтилocь в пoиcтинe yвлeкaтeльнoe зaнятиe: нa пeчaтный cтaнoк cтaли пoпaдaть peaлии, дo cиx пop cyщecтвoвaвшиe иcключитeльнo в дoгyтeнбepгoвoй гaлaктикe. Литepaтypa нe мoглa oстaтьcя в cтopoнe oт этoгo пpoцecca. Ктo кoмy oбъявил copeвнoвaниe — нe яcнo, дa и нe вaжнo: вaжнo, чтo пoявилиcь книги, кoтopыe, пo тoчнoмy выpaжeнию кpитикa "Литepaтypнoй гaзeты", "нe cтoлькo вpaчyют, cкoлькo бичyют oбщecтвeннoe coзнaниe". B минyвшeм гoдy в цeнтpe читaтeльcкoгo внимaния oкaзaлиcь poмaны тpeх кpупных пpoзaикoв — Bиктopa Acaфьeвa, Bacилия Бeлoвa и Чингизa Aйтмaтoвa. Cтaтью o пpoизвeдeнияx Бeлoвa и Aйтмaтoвa Bлaдимир Лaкшин cнaбдил пoдзaгoлoвкoм "Poмaны, o кoтopых cпopят". Bиктop Acaфьeв в интepвью жyрнaлy "Oгoнeк" нe cлишкoм cкpoмнo, нo, вepoятнo, впoлнe cпpaвeдливo зaмeтил: "poмaнoм я yгoдил в дecяткy".

Гepoя Acaфьeвa¹ мы зacтaeм в пepелoмный мoмeнт: вчepaшний милициoнep, выйдя в 42 гoдa нa пeнcию, oкaзывaeтcя нaeдинe c мyчитeльными paздyмьями. "Кaк быть дa жить cpeди нapoдa, кoтopый дeлилcя дoлгoe вpeмя нa пpecтyпный мир и нeпpecтyпный мир. Пpecтyпный, oн вce жe пpивычeн и oднoлик, a этoт? Кaкoв oн в пecтpoтe cвoeй, в cкoпищe, cyeтe и пocтoяннoм движeнии? Зaчeм? Кaкиe y нeгo нaмeрeния? Кaкoв нopoв?" Oтвeты oбнapyживaютcя дoвoльнo cкopo: нaмeрeния — выпить и зaкycить, нopoв — пpeмepзкий. И вooбщe — пpивычнoe гepoю тpaдициoннoe дeлeниe миpa нa двe пoлoвины выpoдилocь в чистyю ycлoвнocть: гpaницы мeждy ними нaстoлькo paзмыты и зыбки, чтo пepecтyпить их мoжнo c пoлнoй нeпpинyждeннocтью и coвepшeннo нeзaмeтнo для caмoгo ceбя. Bce пoвecтвoвaниe дpoбитcя нa oтдeльныe и вecьмa oтвpaтитeльныe cцeнки, пpизвaнныe иллюcтpиpoвaть пoлнeeшee пaдeниe нpaвoв в cтapиннoм pyccкoм гopoдищe Bейcкe и oкpecтных дepeвнях. poдители, бpocaющиe cвoих дeтeй, мaть, eдвa нe дoвeдшaя peбeнкa дo гoлoднoй cмepти, юнeц, "пpoстo тaк" yбивaющий бepeмeннyю жeнщину, "пoзopнaя дocтoпpимeчaтeльнocть гopoдa Bейcкa" Ypнa, aлкoгoличкa, yтpaтившaя вcякoe чeлoвeчecкoe oблицьe; пpoхoжии, cпoкoйнo нaблюдaющиe зa пoпыткaми гpyппы пap-

¹ Bиктop Acaфьeв. Пeчaльный дeтeктив. "Oктябpь", № 1, 1986.

ней изнасиловать девушку, — таков народ, предстающий на страницах романа. Выходит, это и есть "так называемый русский характер, приближенно к литературе и возвышенно говоря, русская душа", постичь которую старается герой, закончивший — "вместе с десятком местных еврейчат" — филфак пединститута, читающий Гете и Ницше, да и сам сочиняющий прозу.

По всем этим параметрам уместно было бы назвать Леонида Сошнина человеком интеллигентным, когда бы не его презрительное отношение к этой прослойке, выражаемое весьма конкретно и определено: "Интеллигенты что? Их только резать или стричь". Парочка интеллигентов, присутствующих в романе Астафьева, — персонажи явно карикатурного свойства: "местное культурное светило дергалось, елозило на стуле, сорило пеплом, хваталось за телефон" — перед нами портрет редактора издательства Октябрины Перфильевны Сырокурасовой.

Где же спасение от всех этих напастей, от всеобщей безнравственности и равнодушия? Ответ Астафьева внятен: в семье; семья единственное прибежище посреди безумного мира. Правда, проповедником этой идеи выступает в романе бабка-алкоголичка, завязтая матерщинница, "сравнившая" шестнадцатилетнюю внучку немолодому распутнику — ну да это не беда, главное, мыслит бабка верно... Роман завершается идиллической сценкой: герой, в очередной раз сойдясь с вечно убегающей от него женой, под ее сонное дыхание умиротворенно листает Даля, подыскивая пословицы насчет брака. Как тут не вспомнить другого героя из совсем другой книги: дворник солженицынской шарашки Спиридон того же мнения придерживался.

"Его родиной была — семья.

Его религией была — семья.

И социализмом тоже была семья."

Пытаясь отыскать хоть какие-то позитивные стороны в романе, корреспондент "Огонька", беседовавший с Астафьевым, заверяет нас: "печаль его светла". Сказано красиво, но не убедительно. Печаль — чувство доброе. Тут же совсем другое: за ерничающим, каким-то подпрыгивающе-подмигивающим стилем романа трудно разглядеть не любовь даже, но хотя бы сочувствие автора к персонажам, его заботу о них — ведь "печалиться" это еще и заботиться. Авторская позиция в романе — это брезгливый взгляд со стороны, исподлобья, тяжелый взгляд недовольного, раздраженного наблюдателя.

Сексологи, кибернетики, евреи

Астафьев на точке этого раздражения и замирает, Василий Белов пытается копнуть глубже: вскрыть причины. Его роман¹ интересен прежде всего как произведение, так сказать, атмосферического порядка: черным по белому, открытым текстом здесь воплощено то, что последнее время носится в воздухе.

Переноса действие своего романа в город, признанный деревенщик отнюдь не становится в ряды "городских писателей": точкой отсчета для него по-прежнему остается деревня. Как рассуждает его герой, физик Медведев, "крестьянская изба всегда спасала Россию. И если мы погибнем, то отнюдь не от "першингов"... Крестьянская изба — это все равно что... подводная лодка, она всегда в автономном плавании. Одна она и способна на длительное самообеспеченное существование... Потому так яростно и уничтожаются во всем мире крестьянские хижинки!" Город как место действие явно выбран Беловым с единственной целью: ярче показать ужасы городской цивилизации. По точному замечанию Лакшина, роман вполне можно назвать "антигородским". Москва предстает здесь неким страшным, близким и бездушным, громогласно реющим чудовищем:

¹ Василий Белов. Все впереди. "Наш современник", № 7–8, 1986.

”Садовое кольцо рычало, отплеывалось и фыркало бензиновым смрадом, как живое... Ужасающие порции металла, стекла, резины, спекшиеся в рычащие автомобильные сгустки, цепко и плотно облекшие сидящих в кабинах людей”. С годами дело становится все хуже. За десять лет, что проходит между первой и второй частями романа, натиск антигуманных сил набрал устрашающее ускорение: ”незаметно для москвичей понемногу исчезали в столице бани и бублики, фанта и пепси-кола усердно соревновались с иными напитками”. Ученики начальной школы по пути домой демонстрируют ”беспомощные, но от этого еще более неприятные приемчики каратэ”. В Третьяковке, куда попадает герой после долгого перерыва, толкуются иностранцы и стоит ”запах интернационального пота”, а экспозиция ”вызвала в нем (герое) гнев. Он не узнавал Третьяковку. Многих картин не было, другие висели в необычном соседстве. Живопись последних десятилетий занимала слишком много пространства. За счет кого и чего?” Словом, ”творится поистине что-то дьявольское”, как мрачно резюмирует герой, наблюдая этот кошмар.

Впрочем, вовсе не какие-то таинственные инфернальные силы породили весь этот ужас. Зачинщики хорошо и давно известны: заговор составлен силами реакции и сионизма во главе с американским империализмом. Их цель — известить русский народ, задуть его городской цивилизацией и спиртным. Как они этого добиваются на таком расстоянии? Очень даже просто: через средства массовой информации — ”все эти голоса помалкивают насчет нашего пьянства... зато о правах так называемого человека долдонят день и ночь”. И началось все это не сегодня и даже не вчера: нарколог Иванов, профессионально изучающий пагубное воздействие алкоголя на общество, сообщает Медведеву, что ”еще президент Кеннеди запрещал журналистам писать о нашем пьянстве. Зачем, дескать, мешать? Пусть пьют, скорей развляться. Выродятся, не надо никакой водородной войны...”

Эта новость, впрочем, вызывает у собеседника недоверие: Джон Кеннеди? Не может быть! Откуда у тебя такие сведения? Единственный президент, которого я сколько-нибудь уважал. Может, не он?” Но нарколог твердо стоит на своем: ”Он, он, успокойся. То есть и он тоже. Вместе с Никсоном, с Джонсоном.”

Кроме наркотиков физиологических, в ход идут также идеологические. ”Сексологи пошли по Руси, сексологи!” — в ужасе восклицает заклятый поборник нравственности Иванов и подтверждает эти слова макабрическим рассказом о том, как у советских женщин ”кисточкой ищут эрогенную зону”. Для чего это нужно — ему понятно. Как говорит Медведев, в котором автор обнаруживает ”неукротимую, лежащую втуне проповедческую силу”: ”Чтобы уничтожить какой-нибудь народ, вовсе не обязательно забрасывать его водородными бомбами. Достаточно поссорить детей с родителями, женщин противопоставить мужчинам. Не так просто, но возможно”.

Олицетворением движущих сил заговора выступает в романе еврей Миша Бриш. Его образ настолько четко выписан в лучших традициях геббельсовского ведомства, что как-то даже неловко приводить Мишины главные характеристики. Ну, прежде всего, он, разумеется, неприятен внешне: нескладен и долговяз; когда кричит, ”голос его становится женским”. При всем своем благополучии — доктор наук как-никак — он жалок: ”глаза Михаила Георгиевича беспомощно бегали из стороны в сторону, в них сквозь слезную муть светилась какая-то вековая тоска”. Живя в России, русский народ он не любит, без конца жалуется на всеобщее хамство, в самых невинных школьных дразнилках и шуливых подначках друзей усматривает антисемитизм. В отличие от Медведева, который иногда ”плачет о Пушкине”, русская слава и русская история для Бриша просто не существуют. Во время деловой встречи с Бришем Иванов предлагает тост за русскую удадь: ”Что бы мы запели без этой удали? Что — без этой удали был бы, по-твоему, сорок пятый? Или восемьсот двенадцатый? Мой отец в семнадцать лет пошел на фронт! И умер от ран! Оба моих деда погибли в московском ополчении.”

Бриш тоже начал кричать: "Не суй мне в морду эту войну! Прошло почти полвека." Насколько можно понять, авторскую позицию наилучшим образом определяют строки Бориса Слуцкого: "Иван в окопе воюет, Абрам в рабкоопе торгует".

Как ни печально, но все эти нехорошие свойства обнаруживались в Мише еще в детстве. Автор предусмотрительно сообщает нам школьные клички героев: Иванова называли "Жажущий справедливости", Медведева — "Предсказатель событий", а Бриша — "Идущий впереди". Отвлекаясь от полного неправдоподобия столь неудобоваримых прозвищ можно заметить, что кличка Бриша в общем-то несет в себе вполне положительную информацию. Ничего подобного! Вот как объясняет Медведев Иванову происхождение этого прозвища: "Он всегда седлает третьего скакуна — я имею в виду гегелевскую триаду. Пока мы с тобой едем на тезе и на антитезе, он уже шпарит на синтезе. Как только синтез становится новой тезой, он тут же покидает это седло и пересаживается на свежую лошадь".

Поступки Бриша тоже с легкостью укладываются в идеологические схемы третьего рейха. Пока хороший русский человек Медведев, можно сказать, безвинно отбывает срок в лагере, Бриш женится на его жене (ненасытная еврейская сексуальность), усыновляет его детей и дает им свою еврейскую фамилию. Как выражается Медведев, "ты просто всех присвоил! Иными словами, украл". Даже когда Миша вроде бы ни при чем, эта непричастность обманная, кажущаяся. Роман начинается с описания туристской поездки во Францию — проныра Бриш помог Любе Медведевой попасть в тургруппу. При нормальном раскладе спасибо бы ему за это сказать, но не забудем заговор: именно эта поездка и порождает разлад в дружной до тех пор семье Медведевых. Муж начинает сомневаться в нравственной чистоте жены, — а вдруг она в Париже смотрела порнографические фильмы? — приходит к выводу, что она "была плохая всегда... поездка за границу только проявила ее всегдашние коренные свойства", впадает на почве этих мук в запой, а там уж, как прямое следствие, происходит гибель его ассистента, тоже замечательного русского человека, из-за чего Медведеву как лицу ответственному приходится на 10 лет отправиться в места достаточно отдаленные.

Совершенно очевидно, что сюжет и развитие действия нужны автору исключительно для обрамления главных идей, которые многословно, велеречиво и почему-то всегда за очередной рюмкой выражают его положительные герои. Поэтому ни о каком художественном правдоподобии характеров опытный писатель Белов на этот раз совершенно не заботится: до того ли, народ ведь в опасности! Когда же его любимые герои совершают, мягко говоря, не совсем высоконравственные поступки, автор, видимо, уверенный в их принципиальной непогрешимости и безгрешности, даже не затрудняет себя сколько-нибудь логическими оправданиями. Нарколог Иванов, например, напивается до положения риз (а вернее, его подпаивают — разумеется, по наущению Бриша) в доме каких-то кибернетиков и биологов, тоже, кстати, замешанных в заговоре против русского народа. Поздней ночью бесчувственное тело врача оказывается в вытрезвителе, откуда он, впрочем, очухавшись, благополучно удирает. Чтобы спасти свою репутацию, "Жажущий справедливости" предлагает одному из своих пациентов разыграть такую версию: больной-де, находящийся на излечении, украл документы врача, сбежал из диспансера и попал в вытрезвитель, в то время как нарколог Иванов честно спал в своей квартире. Представляете, что было бы, соверши такое Миша Бриш? Ух, и выдал бы ему Белов по первое число! Впрочем, давно известно: что позволено Ивановым, не позволено Бришам.

В контексте романа название его звучит едва ли не парадоксом. Без конца обыгрывая затасканное клише насчет светлого будущего, Белов постоянно напоминает, что слишком многого уже нет, слишком многое уже отдано врагу — вот и Москва не та, что раньше, и дети Медведева носят фамилию Бриш, и сексологи, сексологи... И все же, вопреки Лакшину, который ставит после "все впереди" вопросительный знак, я бы

поставила восклицательный. Герои Белова во главе с "Жаждающим справедливости" не собираются сдаваться. Они еще повоюют. В заключительной сцене Иванов уговаривает Медведева бороться, отобрать детей у растленного Бриша, не сдаваться, не уступать:

— Христианство в его российском варианте равносильно самоубийству... Крокодил возьмет ли конфетку из рук ребенка? Нет, он проглотит ее вместе с дающей рукой и вместе с ребенком. Так для крокодила надежнее... Сколько же можно быть жертвенным?

И видя, что Медведев не решается, колеблется, бросает ему последний, убийственный аргумент: "Бриш каждую неделю шатается по Колпачному переулку... Вся Москва знает об этом. Он давно околпачен... Этот колпак нам не пере-кол-пако-вать!.. Когда ты решишь, они будут уже в каком-нибудь Арканзасе. Ты предал своих детей!"

Гремит боевая труба, сзывая граждан. Собственно, кое-какие бои уже идут. В том же номере "Нашего современника" опубликовано — без всяких комментариев — письмо грузинских писателей, возмущенных напечатанным в № 5 рассказом Виктора Астафьева "Ловля пескарей в Грузии", где о грузинах говорят в издевательски-пренебрежительном тоне, приличном разве что для коммунальной кухни. Интересно, увидим ли мы там же письмо еврейских писателей? Впрочем, не все ведь письма удостоиваются публикации, жанр этот интимный, деликатный. Тем не менее иные письма получили самую широкую огласку. Такова переписка Астафьева с Эйдельманом (она опубликована в журнале, который читатель держит в руках). Известный пушкинист упрекает известного прозаика в национализме и шовинизме, на что получает отпор. Астафьев отвечает "на черное письмо, переполненное не просто злом, а перекипевшим гноем еврейского высокоинтеллектуального высокомерия".

А совсем в другом источнике — журнале "Шпигель" (от 22 декабря) — попало мне на глаза интервью с новым председателем Комитета по делам печати Ненашевым: на вопрос о том, будет ли напечатан роман Василия Гроссмана "Жизнь и судьба", Ненашев по старой доброй традиции отвечает, что он романа не читал, но "вряд ли Гроссман имел право судить страну, в которой он чувствовал себя чужим". Между прочим, на обложке этого номера журнала красуется название главной подборки: "Возвращение дьявола". Редакция, правда, не то имела в виду, да уж это вопрос восприятия. Так что рановато отчаиваться героям романа и его автору: все еще впереди...

Вслед за Булгаковым

В отличие от Астафьева и Белова Чингиз Айтматов¹ начинает повествование с размахом, обещающим крупномасштабное эпическое полотно. Неторопливо, обстоятельно выписаны первые — и лучшие — страницы романа: история жизни супружеской пары волков в казахстанской степи. Необычны и люди: бывший семинарист, выгнанный из семинарии за богоборчество, и "стая" продавцов наркотиков. Таких героев, таких тем и проблем не было еще в советской литературе, и появление первой книги романа вызвало интерес и в СССР, и на Западе. Интерес этот подогревался и явлением внелитературного свойства, имеющим зато отчетливый "местный колорит": первая часть появилась в 6-м номере "Нового мира", продолжения было бы логично ожидать в 7-м, однако в нем и намек на "Плаху" не оказалось. Можно представить себе, какие слухи, предположения и шепотки поползли по Москве: испугались, запретили, зарезали... "Литературка", впрочем, поспешила успокоить паникеров, опубликовав интервью с Айтматовым, из которого выяснилось, что он просто не успел прочитать верстку второй части, пришлось перенести ее в 8-й номер — но кто же верит литературкам!

¹ Чингиз Айтматов. Плаха. "Новый мир", № 6, 8—9, 1986.

Роман и впрямь благополучно завершился в 8 и 9-м номерах — но уже отнюдь не к удовольствию читателя. Заданный в первой части ритм оказался Айтматову не под силу: он быстро выдохся, сполз в банальность, а затем и в откровенную пошлость, граничащую с беспомощностью. Роман распозлся, отказавшись подчиняться авторскому замыслу и воле, композиция и сюжет рухнули. Единственной нитью, кое-как, наживо скрепляющей все три книги, стала все та же волчья пара. Единственной мыслью — идея насчет того, что волки, традиционно противопоставляемые человеку, во все века и во всех фольклорах, неизменно перед человеком принижаемые, эти волки, сохранив патриархальные ценности и цельность и истово заботясь о продолжении рода, оказываются нравственнее людей.

В романе много и страшно умирают. Вторая книга завершается гибелью в шутку, по пьянке распятого на дереве бывшего семинариста Авдия (до этого чудом уцелевшего, когда его выкинули на полном ходу из поезда, — так что его настоящая смерть следует уже как бы после воскресения). В третьей книге герой, спасая сынишку от волка, случайно убивает ребенка, после чего стреляет в человека, глупость которого спровоцировала месть волчицы, а затем кончает с собой. Но все это написано столь иллюстративно и декларативно, что остается чистой декорацией. "Гибель всерьез" так и не происходит.

Количество поединков, в которых терпят поражение и в конце концов гибнут герои, тоже явно избыточно для романного пространства. Но и сам автор, не удовлетворившись битвами своих героев, вступает в поединок с заранее известным концом: пишет парафраз булгаковской сцены с Понтием Пилатом. И тут остается лишь удивляться отсутствию у писателя вкуса и чувства меры: он написал пародию — но не на Булгакова, а на себя. В самом деле, можно ли всерьез воспринимать Христа, который говорит Понтию Пилату, что пребудет "немеркнущим примером"? И возможно ли читать без хихиканья письмо жены прокуратора, где она умоляет помиловать Христа в таких выражениях: "не причиняй, прошу тебя, непоправимого вреда этому скитальцу, прозываемому, как сказывают, Христом... Давеча, когда его вела стража, я видела, какой он красивый, ну прямо молодой бог"? Так и ждешь, что эта римлянка вот-вот заголосит "ой ты гойеси добрый молодец". А птица, которая назойливо кружит над дворцом и которую прокуратор никак не может вычислить (у Булгакова, как мы помним, это была ласточка), явно залетела сюда совершенно из другой оперы — из горьковской песни о соколе: "Пускай ты умер, но в сердце смелых и сильных духом всегда ты будешь..."

Пока что самое интересное, что возникло из романа Айтматова, было обсуждение книги за "круглым столом" в "Литературке", в котором участвовал Сергей Аверинцев. Очень метко назвав язык романа "безъязыкостью современности", он сказал, что "несомненно значительное произведение... написано так, как это всегда было просто невозможным для настоящей литературы". Пафос выступления Аверинцева сводился к тому, что никакая тема, никакая злободневность не может оправдать отсутствия культуры и чувства дистанции. Его не замедлили одернуть: другой участник обсуждения Г.Гачев обнаружил в словах ученого неуместное низкопоклонство перед прошлым и презрение к возможностям современности. И сразу повеяло чем-то давно и крепко знакомым: логика слова столкнулась с логикой доноса, четко обозначились очертания еще одного, быть может, важного поединка.

При всей разнице авторских подходов и позиций есть нечто общее между романами Белова, Астафьева и Айтматова: все они из рук вон плохо написаны. Астафьев, тот даже признается озабоченно в интервью "Огоньку": "Мало я прописывал этот роман. Кое-где действовал напрямую, информационно". В результате все раздумья героя сводятся к фразам из школьной стенгазеты: "Зачем люди укорачивают себе жизнь? Зачем торопят друг дружку туда (в могилу. — Е.Г.)? Надо наоборот. Надо как-то совместно преодолевать трудности, мириться с недостатками".

Впрочем, по сравнению с Беловым Астафьев выглядит едва ли не изысканным стилистом. В романе Белова то и дело натыкаешься на уродливые фразы-калеки: "Нереализованная возможность женской неверности была, по его мнению, равносильна самой неверности" или "по всем чаяниям, ему нужно было сказать что-то утешительное для Любы" или "полусогнутое колено... взбодрило и своей округлой полнотой и белизной едва не вывело его из интеллектуального состояния". Можно без особого труда выписать десятки подобных примеров.

У Айтматова, может, и не сыщешь столь вопиющих несуразностей, но в глаза бросаются вялость, какая-то окостенелость языка, засилие канцеляризмов, неряшливость и невыразительность. Больше всего в романе, насыщенном страстями и смертями, запоминаются голубые глаза волчицы Акбары — да и тут трудно обойтись без полудетских ассоциаций с "Маугли".

Что же происходит? Что случилось в авторах "Царя-рыбы", "Привычного дела", "Белого парохода"? Куда подевалось их мастерство, словотворчество, умение захватить читателя яркой образностью, метафоричностью стиля? Все это кануло, растворилось, ушло в злобу дня или просто в злобу и ненависть. Художника подмял под себя и задавил публицист. Как тот медведь, что изображен на гербе швейцарского города Берна. ●

Элизабет МАРКШТАЙН (Вена)

СОБЛАЗНЫ ГЛАСНОСТИ

Язык искусства и жаргон публицистики

В 1924 году в журнале "Звезда" в разгар дискуссии о пролетарской литературе известный тогда ревнитель ПЛ, критик и литературовед проф. П.С.Коган пересказал следующий разговор с серапионовцем Львом Лунцем. Лунц: "Что бы вы сделали, если бы в наше время появилось гениальное художественное произведение религиозного содержания? Неужели бы вы его сожгли?" На это проф. Коган: "Если бы такое произведение появилось в наши дни, я отказался бы от своих марксистских взглядов; в том-то и дело, что оно появиться не может, как не могут в пустыне, лишенной влаги, расцвести деревья."

В моем архиве эта цитата хранится в папке "Булгаков". Дерево-таки выросло — роман "Мастер и Маргарита". А Лунц оказался провидцем: и жгли (руками автора и Мастера), и заморили (автора и Мастера), и книгу, которой "быть не может", — запретили. Но она появилась, правда, сорок с лишним лет спустя. А через двадцать лет, осенью 1986 года, "Новый мир" напечатал роман, где и Бог с большой буквы пишется, и местоимения, к Нему относящиеся, и определения, Ему присущие: Всевышний, Всевидящий, Вездесущий... Этот роман — "Плаха" Чингиза Айтматова, роман по всем статьям сенсационный. Сенсация не только в крупнонаписании слова Бог, нет, тут больше: тут и герой, положительный герой, по социальному статусу поповский сын и бывший студент духовной семинарии Авдий Каллистратов, тут и новая версия диспута Христа с Понтием Пилатом, тут и наркомания, которой в СССР ведь тоже "не может быть", тут и истребле-

ние природы ради плана или организации нового "безымянного почтового ящика", и конфликт "природного" человека работы Бостона Уркунчиева не только с его личным врагом пьяницей Кочкобаевым, но и со всей отчужденной и отчуждающей системой труда как таковой.

Отклики появились очень быстро. "Литературная газета" (15 октября 1986) провела дискуссию "не за круглым столом". Все едины в том, что роман "нужен или даже необходим", как подытожил В.Кожин, один из участников. В этой же дискуссии было высказано два соображения, которые кажутся мне существенными при оценке романа именно в плане его "сенсационности". Первое, официальное, редакторское, скорее не суждение, а опасение: "Не сложится ли впечатление, что нам подсказывают путь борьбы с несправедливостью не в плане социальных коллизий, а в призыве к "вере"?" Второе — мнение философа и религиоведа (оказывается, есть такое слово "религиоведение") С.Аверинцева, который, ссылаясь в частности на сцену с Христом и Понтием Пилатом, решительно воспротивился использованию "евангельской топики для вещей сиюминутных". Дискуссия в "Литературной газете" не случайно заострилась на христианской тематике романа. Перед нами, действительно, по П.Когану, произведение религиозного *содержания*. Не говоря уже о пространной сцене Христос—Пилат, многие и многие страницы отведены религиозным исканиям Авдия, в которых одно несомненно: искренность. Все это безусловно интересно, как и то, что Чингиз Айтматов, человек восточных корней, избрал христианство для обоснования своих мыслей о современности. Именно этой темой и ее художественным осуществлением я и хочу ограничить свои замечания.

Начну, и не только потому, что того требует литературно-критическая традиция, с бесспорных плюсов романа. История Авдия (первые две части) и Бостона (третья часть) обрамлена рассказом о волках, о волчьей паре с детенышами, которая хочет жить и выжить и которую человек уничтожает. Рассказ автономный — и он не только о волках, он о природе, о жизни, о мироздании, и — предвосхищая дальнейшее — Бога с большой буквы на этих страницах больше, чем на тех, где Он поминается и обсуждается. Эти главы глубоко драматичны — и литературны, то есть художественно убедительны, органичны. Как и последняя часть — трагедия Бостона. Но тут же и первый минус: и волчьей судьбы, и сквозного места действия — казахских степей как ведущего пейзажа — оказывается явно недостаточно для художественного сцепления частей очень разнородных. Автор о слишком многом хочет сказать, хочет как бы прошупать все "свободные пространства", которые оставляет ему нынешняя цензурная либерализация, и это слишком многое часто тянет его в публицистику, многословную патетику, обильно вкрапленную в художественный текст.

Я боюсь касаться вопросов чисто богословских, в них я просто некомпетентна. Никак не хочу ставить Айтматову в упрек, что он в христианстве человек "чужой". Христианство открыто всем, снобизм здесь неуместен. Но как читатель (ница) я ощущаю поверхностность, какое-то несоответствие; опять-таки чувство, что Айтматову хотелось быстро "откликнуться". Насколько такая быстрота для писателя опасна, хорошо знал Достоевский. Опасность кроется в публицистической подмене художественного замысла. Чингиз Айтматов ее не избежал.

Когда автор в сцене во дворце римского наместника заставляет Христа расставлять точки над *i* — это публицистика. Христос у Айтматова болтлив, что может быть хуже? Он, который говорил притчами и который поныне заставляет думать своих собеседников и толкователей, у Айтматова ломится напрямик. Только один пример: "Мне верят те, кого толкают ко мне притеснения, вековая жажда справедливости, — тогда семена моего учения падают на удобренную страданиями и омоченную слезами почву". Да, все верно, и может быть, даже "нужно или, даже, необходимо" говорить об этом "просто-му" советскому читателю. Может быть. Но вот ведь та же сцена у Михаила Булгакова (с этим сравнением Айтматов должен примириться) нареканий не вызывает.

И новый вариант богоискательства у Авдия (Бог-завтра, называет он его), и весь спор Авдия с Отцом Координатором перед исключением из семинарии — публицистичны и чуть-чуть несерьезны. Что касается меня, то я невольно стала на сторону ретрограда-церковника, который, мне кажется, совершенно прав, выговаривая своему ученику за юношескую поверхностность ("самодеятельность"). Беда Авдия, что он постоянно разглагольствует — даже в письмах к своей любимой, Инге Федоровне. Одержимый страстью обращения если не в веру, то в гуманность, он разглагольствует (мечет бисер) и перед бандитами—сборщиками конопли-анаши, и перед бандитами, уничтожающими в ходе мясозаготовок степных сайгаков в Моюнкуме. Да, он одухотворенный, бесстрашный человек и за свои разглагольствования расплачивается высокой ценой, распятый, как Учитель, на засохшем саксауле в степи. И последним живым существом предстает перед ним милосердная волчица Акбара — это опять написано пронзительно, страшно, но доказует, говоря жестоко, не силу Авдия, а немощь его. Думаю, не то хотел смертью Авдия показать Чингиз Айтматов. Крах Авдия не в вере, конечно. Поражение Авдия — вольно или невольно заложено в него самим автором, наделившим своего героя искренними словами, но неадекватным поведением. Публицистика одержала верх над художественной убедительностью образа.

Просчет симптоматичный. Публицистика в отличие от художественной литературы характеризуется прямолинейностью. *Воплощение* замысла заменяется его словесным изложением. Справедливости ради надо оговорить, что разговор Христа с Пилатом в романе Айтматова, сцена, вызывающая наибольшее внутреннее сопротивление, композиционно мотивирована как видение лежащего в беспмятстве Авдия. Но в том-то и дело, что эта сцена, и прямая речь героев, и внутренние монологи Авдия, как и его письма, написаны повествовательной речью от автора, то есть от Чингиза Айтматова, да еще Чингиза Айтматова стилистически нейтрализованного, как будто даже и иного, чем тот, кто написал историю волков и Бостона.

Публицистичность связана с тенденциозностью. В самой тенденциозности беды нет, но есть опасность. Ее хорошо сознавали и Толстой, и Достоевский. Поэтому Достоевский так настойчиво работал над индивидуализированием своих "идеологических" монологов (Мышкина, Шатова, Ивана Карамазова...), а Толстой умел свое "срывание масок" перевоплощать — методами сатиры, например, "этикетными" беседами, скрытым подтекстом — в художественную структуру.

Слово сказано: тенденциозность. Позволю себе краткое отступление о его (в нашем контексте) антониме, так называемом чистом искусстве. Оговорка "так называемом" существенна, ибо первый вопрос, возможно ли оно вообще, а второй — возможно ли оно сегодня. Ведь напиши сегодня поэт хрестоматийное фетовское "Я пришел к тебе с приветом... лес проснулся, весь проснулся, веткой каждой..." — "чистое искусство" звучало бы достаточно злободневно. Читатель понял, что этими добавочными строками я защищаю себя от упрека, будто ратую — применительно к роману Айтматова — против открытости литературы большим проблемам общества. Наоборот. Но сказать я хочу банальную истину: что *ставить* их она должна и может своими средствами, дабы не перестать быть самой собой, *решать* же их в одиночку она вообще не может. Помните Герцена: мы не врачи, мы боль. Автор "Плахи", выходя из литературы в публицистику, выражает нужное и наиболее, но так, что будь в Союзе свободная печать, это могло бы быть сказано хорошими журналистами, а будь свобода собраний и проповеди — хорошими ораторами. А если бы имелась правдивая статистика, она бы уже давно забила тревогу о наркомании. А решишь "Правда" написать всю правду о чернобыльской катастрофе, не надо было бы правдинскому же корреспонденту Владимиру Губареву в спешном порядке писать сверхзлободневную, но, увы, слабую пьесу "Саркофаг", недавняя премьера которой у нас в Вене "нашумела", но никак не улучшила ходячее (и неправиль-

ное) мнение о слабостях нынешней советской драматургии. А если бы... — список может быть продолжен. Но мы забежали вперед. Вернемся к банальной истине.

Итак, произведение искусства имеет свой язык, свой код, если хотите. Степень реализации этого кода определяет художественность. Тривиально, не так ли? Но вот С.Аверинцев, весьма резко критикующий книгу, заканчивает свое выступление следующей лапидарной сентенцией: "В конце концов книги делятся не на хорошие и плохие, — книги делятся на необходимые и те, без которых можно обойтись..." Меня эти слова озадачили, и не желая опять-таки выглядеть этаким эстеткой, я почти была готова капитулировать. Действительно, разве не нужны советскому, да и любому читателю книги, заставляющие думать? Роман Айтматова на своем уровне это несомненно делает. И разве стоит отказывать генеральному секретарю Горбачеву в помощи, которой он просит у писателей (см. "Страна и мир", № 11, 1986)? Кто откажет? Только ведь если приглядеться — здесь опять подмена. И все тот же вечный припев, неизменный в течение всех семидесяти лет партийного руководства постулат: литература "должна", "призвана", "обязана". Меняются генеральные секретари, припев остается. И не является ли по крайней мере частичная неудача Чингиза Айтматова симптомом *хронической перегруженности* советской художественной литературы задачами, выполнять которые *должны* были бы прямые органы общественного мнения, как-то: печать, радио, телевидение, собрания. А бороться против наркомании совсем не писатели *обязаны*, а например; школа, органы опеки, а вкупе с ними милиция, статистика и медицина. Условие успешной борьбы — гласность. Коль скоро гласность перестанет быть пресловутой и превратится в реальность, в нечто само собой разумеющееся, она очень может пойти на пользу и литературе, но не в том только смысле, что писателям обо всем теперь можно будет говорить, а и в том, что многое за них смогут сказать другие. У литературы окрепнут тылы, и она возьмется и за наркоманию, и за пьянство, и, конечно, — да ведь уже и взялась — за историю, дальнюю и поближе, но собственными средствами и в своем контексте — в контексте человеческой личности. И богоискательством займется, которое не противопоставлять ведь следует социальным коллизиям, а рассматривать как один из многих возможных путей к оздоровлению общества. И хорошо, если бы дело не ограничилось написанием слова Бог с большой буквы. Вот уж где литература была бы при своем деле: преодолеть модность религии, преодолеть распространенную ныне интеллектуальную и подчас кокетливо-стиляжную игру в "веру". Это-то и есть ее исконное призвание: всегда идти в глубину.

Литература — индикатор социальных проблем, порой катализатор духовных процессов, но не джинн, который одним словом и в единый миг мог бы решить эти проблемы. Художественная ткань прочна и может сохраняться, как известно, века. Она в силах выдержать и сиюминутность, — примеров достаточно в русской литературе. Однако — сиюминутность как импульс, но не как эрзац того, что идет от какой-то иной инстанции, которую можно назвать и вечностью, и вдохновением, и Богом. ●

Подписка на двухмесячный журнал СТРАНА И МИР принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека, высылаемого в редакцию. Стоимость подписки на год в европейских странах 60 немецких марок, в США, Канаде и Израиле 106 марок, в Австралии, Новой Зеландии и на Тайване 116 марок. Цена одного номера 12 нем. марок. Стоимость доставки включена в подписную плату. В неевропейские страны журнал доставляется подписчикам авиапочтой. Обращаем внимание уважаемых подписчиков на то, что наш адрес изменился: Das Land und die Welt e.V., Schwanthaler Str. 73, D-8000 München 2, Federal Republic of Germany. Банковский счет: Deutsche Bank München, Konto 331 9613 (BLZ 700 700 10). Почтовый счет: Postgiroamt München, Konto 223981-84 (BLZ 700 100 80).

Майя КАГАНСКАЯ (Иерусалим)

МИФ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОГО ВЕКА,

или Россия во мгле

ЧАСТЬ III

Одиссея Влесовой Книги

Миф, который трансформируется, переходя от племени к племени, в конце концов изнемогает, однако не до такой степени, чтобы исчезнуть. Остается еще одна альтернатива: путь романической разработки и путь использования мифа с целью узаконить историю.

Клод Леви-Стросс. Как умирают мифы.

“Что стоит за Влесовой Книгой?”. Под таким заголовком “Литературная газета” от 16 июля 1986 года поместила статью доктора филологических наук О.В.Творогова — ответ ученого на многочисленные письма читателей, которых заинтриговал поток публикаций в других газетах и журналах о сенсационной находке — древнем рукописном памятнике “Влесова Книга”.

Читатели удивлены молчанием “Литературной газеты”. Почему она уклоняется от обсуждения увлекательнейших проблем и захватывающих перспектив, открывшихся перед отечественной наукой в связи со столь необыкновенным открытием? Влесова Книга, говорится в одном из писем, “переворачивает привычные представления об истории нашего народа”. Другой читатель напоминает, что в “книге” повествуется о “бытовании наших предков за много веков до нашей эры”.

И не просто “бытовании”... Оказывается, еще в IX веке *до нашей эры*, за сто лет до основания Рима, у пращуров нынешних россиян не только была своя письменность, но существовало развитое чувство истории, характерное для зрелых культур, и соответствующая ему интеллектуальная рефлексия. “Влесова Книга — не летопись, не хроника в нашем понимании, а сборник языческих проповедей, которые читались народу, очевидно, во время богослужений... Деяния предков, то есть история, становились, таким образом, всеобщим, всенародным достоянием, традицией, передававшейся из поколения в поколение”. Так характеризует жанр, смысл и назначение памятника автор одной из публикаций. Если, однако, возникает новый и особый повод для национальной гордости, то с другой стороны, есть причина сокрушаться. “Описанные во Влесовой Книге победы руссов над готами, аланами и гуннами объясняют, почему славянам удалось отстоять и укрепить свои позиции в бурную эпоху великого переселения народов”. Выходит, что и созданная в 863 г. Кириллом и Мефодием глаголица, и крещение Руси, и ранние произведения древнерусской письменности и литературы — отнюдь не начало культурно-исторического “бытования” русского этноса, а скорее его упадок, не восход, а закат некогда великой и самобытной цивилизации.

По счастью, выступление О.Творогова избавляет поклонников "Влесовой Книги" от печальных раздумий: ученый доказывает, что это попросту фальшивка, притом достаточно неумелая.

История находки вкратце такова: в 1919 году некто А.Изенбек, полковник Белой армии, обнаружил в заброшенном помещицком доме, на полу в библиотеке раздавленные солдатскими сапогами деревянные дощечки с непонятными письменами. Повинуясь таинственному внутреннему голосу, полковник велел денщику собрать уцелевшие дощечки и с мешком драгоценных реликвий отбыл в эмиграцию. В 1925 г. в Брюсселе он знакомит с находкой этнографа-любителя, литератора и патриота Юрия Миролюбова. Тот сходу постигает судьбоносное значение дощечек и посвящает 15 лет жизни переписыванию текста, начертанного, по выражению Миролюбова, "сплошняком", неизвестными буквами. Популяризации памятника способствовали С.Лесной и А.Кур.

"Мир узнает о "Влесовой Книге", — пишет далее Творогов, — лишь в ноябре 1953 года из заметки под интригующим названием "Колоссальнейшая историческая сенсация!", опубликованной в издававшемся русскими эмигрантами в Сан-Франциско журнале "Жар-птица"... С 1953 г. в журнале начинают публиковаться фрагменты "Влесовой Книги", а начиная с 1957 г. и полный текст". Автор указывает на некоторые несообразности всей этой фабулы: каким образом, например, могли сохраниться столь древние деревянные дощечки? Сомнителен и самый облик первооткрывателей. "Все исследователи и издатели "Влесовой Книги" — дилетанты: Ю.П.Миролюбов — химик по образованию, С.Лесной — это псевдоним энтомолога (специалиста по насекомым) С.Парамонова, бежавшего в 1943 году из Киева с немецкими оккупантами, А.Кур — это генерал А.Куренков". И наконец, имеется прямая улика. "Влесова Книга" существует в двух вариантах: первый опубликован в "Жар-птице", второй представляет собой машинописный текст, найденный в бумагах Миролюбова после его смерти. Сравнение показывает, что там, где в журнальной публикации запись обрывается якобы из-за дефектов дощечек (о чем издатели уведомляют специально: "текст разрушен", "текст сколот", "ряд букв стерся или соскоблен" и т.п.), в миролюбовской машинописи читается вполне исправный текст. Стало быть, делает вывод О.Творогов, "издатели умышленно создавали иллюзию дефектов текста", дабы убедить читателя в его древности.

Далее ученый анализирует содержание "колоссальнейшего исторического памятника". Вот его выводы:

"Перед нами сочинение крайне примитивное, свидетельствующее не только об ограниченности знаний его создателя, но и об отсутствии у него чисто литературной фантазии... И если бы мы решились доверять "Влесовой Книге", внимать ее невразумительному противоречивому изложению, принять на веру ее абсурдные утверждения, то нам пришлось бы отказаться от устоявшихся представлений, основанных на археологических и лингвистических данных и, что не менее важно, на показаниях современников, античных историков и географов, отказаться от всех накопленных веками знаний".

Зачем же понадобилась эта мистификация? Проф. О.Творогов отвечает на этот вопрос. Автор фальшивки решил переписать историю, чтобы доказать, что в "русской душе — источник мистического прозрения вечного". По словам самого Миролюбова, "Влесова Книга" должна была служить оружием против "воинственного материализма" и большевиков.

Итак, научное опровержение завершается политическим разоблачением, и читатель, знакомый со стилем советской прессы, ожидает встретить в финале статьи призыв к суровому осуждению всех, кто вольно или невольно стал пособником этой идеологической диверсии. Ничуть не бывало.

"Было бы совершенно неправильно, — пишет О.Творогов, — ставить в один ряд создателей "Влесовой Книги" — носителей и пропагандистов враждебной нам идеологиче-

ской концепции, и тех людей, которые, не подозревая о ней, тем не менее позволили увлечь себя мифом о "языческой летописи", людей, искренне интересующихся историей своей страны и своего народа, но не обладающих достаточными знаниями и приемами научной критики. Такие люди есть и среди наших единоплеменников на Западе, есть и у нас".

Кто ж эти "единоплеменники на Западе"? В статье упомянуты лишь Миролубов, Парамонов и Куренков. Или, может быть, О.Творогов имеет в виду зарубежные издания "Влесовой Книги", о которых он упомянул в начале своей статьи? Похоже, что именно здесь, в лирическом зачине ("Вам повезло: вам удалось достать этот бесценный текст... С трепетным волнением вчитываетесь вы в непонятные загадочные фразы... Листки, которые вы держите в руках, — ксерокопия, снятая таким же любителем истории с заграничного издания 70-х годов нашего века..."), содержится разгадка тайны — что скрывалось за "Влесовой Книгой".

Прежде всего мы узнаем, что хотя о "книге" много писали и говорили, она никогда в СССР не публиковалась и дошла до потребителя нелегальным путем, а следовательно, и нелегально размножалась. Нелишне будет напомнить о том, что в Советском Союзе фотокопировальные машины не продаются. Они вообще не могут находиться в частных руках, а в тех государственных учреждениях, где эти аппараты имеются, они состоят под строжайшим контролем. Ксерокопирование любых эмигрантских изданий рассматривается как уголовное преступление. И можно было бы только порадоваться тому, что "Литературная газета" устами доктора наук Творогова провозглашает более спокойное и либеральное отношение к событиям общественно-культурной жизни, отказывается от агрессивной политизации всякого нового культурного явления за рубежом, можно было бы, повторим, порадоваться — если бы сама статья в свою очередь не вызывала недоумения.

Автор статьи умалчивает о самом важном: о длительном и воистину фантастическом "бытовании" сенсационной новинки не на Западе, а в Советском Союзе, где о ней стало известно ни много ни мало 30 лет назад. Дело в том, что еще в 1957 году знакомый нам С.Парамонов прислал (из Канберры) в Славянский комитет СССР свои статьи: "Влесова Книга — летопись языческих жрецов IX века, новый, неисследованный исторический источник" и "Были ли древние "русы" идолопоклонниками и приносили ли они человеческие жертвы?", — призывая советских специалистов признать научную ценность "дощечек Изенбека". После чего сотрудница Института русского языка Академии наук СССР Л.Жуковская провела анализ опубликованной С.Лесным фотографии одной из этих дощечек. В заметке "Поддельная докириллическая рукопись" (журн. "Вопросы языкознания", 1960, № 2) Жуковская пишет: "Фотография, опубликованная С.Лесным, не является снимком с доски: фотографировалась не сама дощечка, а бумажная копия с нее... Содержание "дощечек", язык и письмо их, а также имя Влес (Велес) позволяют предположить, что указанные "дощечки" являются одной из подделок А.И.Сулакадзева". (Сулакадзев — автор известных в XIX веке фальсификаций, в том числе так называемых "Велесовых гимнов").

На некоторое время "Влесова Книга" ушла в небытие. Но вот в мае 1976 г. в "Неделе", популярном приложении к "Известиям", появляется обширная статья под названием "Таинственная летопись. Влесова Книга — подделка или бесценный памятник мировой культуры?", за подписью В.Скурлатова и Н.Николаева. Оба — горячие сторонники "бесценного памятника". Их сочинение само по себе выглядит как переворот в науке. Оказывается, древнейшим индоевропейским народом были финикийцы¹, чей алфавит, как известно, стал основой древнееврейской, древнегреческой и других пись-

¹ Согласно современным представлениям, финикийцы, поселения которых возникли в V—IV тысячелетии до н.э. на берегах Средиземного моря, были не индоевропейцами, а семитами и принадлежали к ханаанской ветви западно-семитических племен. — *Ред.*

менностей. Кто же были эти финикийцы? Русы, о которых во "Влесовой Книге" прямо сказано, что они — потомки Ория, то есть орийцы. Поменяйте одну букву, и получатся арийцы. Те самые, которые в конце II тысячелетия до н.э. проникли в Северную Индию и, как пишут Скурлатов и Николаев, "по хозяйственному укладу, обычаям, обрядам, богам, горшкам и внешнему облику... очень походили на древних славяно-русов, изображенных во Влесовой Книге."

Дальше — больше. Выступление двух историков услышано и подхвачено. Писатель Д.Жуков завоевывает для "Влесовой Книги" место на страницах двух едва ли не самых читаемых в СССР изданий: массового бульварного журнала "Огонек" и более интеллигентного "Нового мира"; рецензируя в "Новом мире" (апрель 1979 г.) книгу Р.Гусевой "Индуизм", Жуков ссылается на "Влесову Книгу" как на бесспорное доказательство глубинной близости истинного праславянского язычества и индуизма на базе общего арийского корня.¹ К кампании присоединяются журнал "Техника — молодежи" и ежегодник "Тайны веков".

Но, как нетрудно заметить, "Влесовой Книгой" увлечены популярные, в лучшем случае научно-популярные издания и соответствующие им круги и авторы. Неужто столь актуальная научная проблема больше не волнует серьезных ученых — источниковедов, лингвистов, этнологов?

Вряд ли кто-нибудь в этой среде принимал всю эту историю всерьез. Тем не менее в 1977 г. три специалиста, в том числе упомянутая нами Л.Жуковская, публикуют в "Вопросах истории" заметку "Мнимая древнейшая рукопись", в которой настаивают на выводах экспертизы 1960 года. Любопытно, что в этой заметке указывается на сомнительное прошлое С.Парамонова (С.Лесного), то есть достаточно ясно обозначен не только псевдонаучный, но политически неприемлемый контекст "второго рождения" "Влесовой Книги". Еще два разоблачения появились в журнале "Русская речь" в 80-х годах.

Между тем триумфальное шествие "Влесовой Книги" в СССР продолжалось: в 1980 году альманах "Тайны веков" поместил подборку хвалебных материалов, а спустя два года вышла книга выдающегося советского борца против сионизма, профессионального юдофоба Л.Корнеева "Классовая сущность сионизма". В состав преступлений сионизма Корнеев включил "подчеркнутую враждебность ко всему русскому", которая проявляется, в частности, "в разного рода попытках очернительства русской национальной истории, культурного наследия, от "Слова о полку Игореве" и "Влесовой Книги" до "Тихого Дона"... Итак, величие и, главное, подлинность памятника удостоверены самой авторитетной инстанцией — Государственным издательством политической литературы. Что еще существенней, документ, повествующий о мнимых событиях III—II тысячелетий до нашей эры, оказался весьма кстати привязанным к злободневной теме — проблемам международного сионизма.

Несколько переиначив вопрос профессора Творогова, спросим себя: кто стоит за "Влесовой Книгой"?

Главной и наиболее колоритной фигурой влесовой эпопеи, без сомнения, является кандидат исторических наук В.Скурлатов, выступивший совместно с Н.Николаевым в 1976 г. с сенсационным сообщением, о котором мы уже упоминали. Его соавтор в дальнейшем сходит со сцены, вместо него на некоторое время появляется Ольга Скурлатова (статья "Загадки Влесовой Книги", журнал "Техника — молодежи", 1979, № 112), но довольно скоро становится ясно, что это все тот же В.Скурлатов. Кто он такой?

В 1965 г. в ЦК ВЛКСМ поступил любопытный документ — нечто вроде памятной записки под названием "Устав нравов", на тему о задачах и методах воспитания подрастающего поколения в надлежащем духе. Дух этот, по убеждению автора "Устава", дол-

¹ Отклик на рецензию Дм.Жукова появился в журнале "22", № 9, 1979 (Ю.Гофман. Ариец из Копотопа).

жен быть героическим, солдатским а, главное, антиинтеллигентским. Чтобы добиться торжества этой подлинной военно-социалистической духовности, необходимо, в частности, ввести телесные наказания. "Поголовное истребление чужеродного начала — залог достижения благородного конца... Нет более подлого занятия, чем быть "мыслителем", "интеллигентом", и нет более благородного дела, чем быть солдатом... Судьба человека равна его силе и его породе; кто рожден рабом — тот всю жизнь останется рабом, а кто рожден господином, тот и в смерти будет победителем. И чтобы народу не выродиться, надо возродить и утвердить навеки здоровый и ведущий к бессмертию культ — культ солдата..." И так далее. Документ, граничащий с пародией, был размножен на ротаторе московского городского комитета комсомола.¹

Произошел скандал: откровенно нацистский характер этой декларации был очевиден. Автор — молодой комсомольский деятель, сотрудник отдела агитации и пропаганды московского горкома Владимир Скурлатов — был отставлен от должности, даже исключен из партии, после чего, однако, сумел защитить диссертацию, "остепениться" и выпустить в свет новый труд — одну из наиболее воинственных книг антисоциалистической коллекции Политиздата "Сионизм и апартеид" (Киев, 1975). Имя Скурлатова в качестве автора комментариев мы встречаем и в другом бестселлере этого рода — произведении В.Бегуна "Вторжение без оружия" (Минск, 1980).

Перед нами яркий пример богато и разносторонне одаренной личности, деятельность которой подчинена одной теме, одной метафизической сверхзадаче.

В 1976 г. издательство "Молодая гвардия" выпустило сборник американской фантастики "И грянул гром...". Составители — Ю.Зарахович и В.Скурлатов, заметки об авторах подготовлены В.Скурлатовым, в числе переводчиков — Д.Жуков (о нем уже говорилось). Комментарии к сборнику перебрасывают мост между импортной научно-исторической фантастикой, крепнущей группой советских фантастов "школы Ефремова", которую мы подробно анализировали в первых двух частях этой работы, и... эпопеей "Влесовой Книги". Так выясняется роль Скурлатова как связного между различными представителями славяно-арийского направления. Сравним для примера разобранные нами во II части экскурсы писателей-фантастов Ю.Медведева, В.Щербакова, А.Сербы в славянскую праисторию с историсофским эссе Ольги Скурлатовой "Загадки Влесовой Книги" ("Техника — молодежи", 1979, № 12):

"В IV тысячелетии до н.э. наступление патриархальных пастухов-индивидуалистов... смело коллективистскую оседлую культуру "Старой Европы"... Волна за волной индоевропейские племена шли со своей прародины на запад, юг и север. К концу III тысячелетия до н.э. были освоены Северная Индия, Иран, Малая Азия, Греция, а также обширные области Центральной и Северной Европы. Особенно впечатляющим был марш "боевых топоров" в начале II тысячелетия до н.э., начавшийся из урало-волго-донских степей и закончившийся на берегах Атлантики... Люди "боевых топоров" хоронили своих покойников в одиночных подкурганых могилах и вкладывали им в руку главное, насущное средство жизни — боевой топор. Волна "боевых топоров" постепенно рассеялась под влиянием торговых групп "колоколовидных кубков". По курганным могилам Южной Скандинавии можно наглядно видеть, как элементы культуры "кубков", происходящих с юга Пиренейского полуострова и из стран Средиземноморья, постепенно вытесняют символы и культуру "боевых топоров". И вот уже вместо топора в руку покойника вкладывают кубок с опьяняющим зельем, в одной могиле хоронят не одного, а нескольких покойников, индивидуальная этика заменяется коллективистской. Но вскоре с Востока накатывается новый вал индоевропейских завоевателей, и обычаи далекой евразийской прародины восстанавливаются".

¹ Текст "Устава нравов" опубликован в журнале "СССР: внутренние противоречия", 1982, № 6. См. о нем также "Страна и мир", 1984, № 1-2 (статья "Фашизм в СССР").

Не требуется особой догадливости, чтобы на этом псевдоисторическом маскараде, разыгранном по мотивам "Влесовой Книги", разглядеть под маской "боевых топоров" — арийцев, а в "колоколовидных кубках" узнать их извечных врагов иудеев. Страна исхода (Средиземноморье), род занятий ("торгашеские группы"), способ покорения индоевропейцев ("кубок с опьяняющим зельем") — все это довольно недвусмысленно указывает на исконных — с III тысячелетия до н.э.! — губителей славянского этноса. Заметим, что современная наука действительно различает археологические культуры "кубков" и "топоров". Тем не менее сколько-нибудь однозначной корреляции между этническими границами и ареалами распространения материальной культуры не существует. Вместе с тем — сейчас об этом мало кто помнит — апология "боевых топоров" была одним из важных компонентов протонацистской концепции индогерманского пранарода, принадлежавшей Густаву Коссина (1858–1931), который задолго до Вл.Скурлатова усмотрел в экспансии "боевых топоров" доказательство ведущей роли арийцев в истории Европы.

 тнюдь не случайно жанр научной фантастики скрестился с идейным комплексом, который разрабатывает (вернее будет сказать — которым заворочен) В.Скурлатов, а также близкий к нему Д.Жуков. Вполне закономерно появление когорты авторов-фантастов, использующих жанр НФ для пропаганды самых экстремистских "фабул" мистического расизма и антисемитизма: исследователи давно обратили внимание на сходство между нацистской доктриной и западной фантастикой десятих—тридцатых годов, излагавшей в беллетристически-доступной форме расистские концепции теософской и оккультной мистики, которые питали мифологию Третьего рейха. Независимо от того, сознательно или повинувшись какому-то чутью апологеты отечественного арийства обратились к НФ, приходится признать, что выбор удачен: в советском обществе, где пропаганда расизма и антисемитизма официально запрещена и карается законом, научно-фантастическая литература, ставшая чрезвычайно популярной с 60-х годов, вот уже два десятилетия служит прибежищем неортодоксальных взглядов — от гносеологических до политических. Приютила она и расистов.

В шестидесятые годы на волне еще державшейся либерализации сверху, влияния и авторитета либерально-демократического диссидентства в широких слоях интеллигенции успех "Устава нравов" был так же невозможен, как реабилитация Сталина. Десятилетие спустя такой труд, как "Сионизм и апартеид", оказывается не только выполнением полученного сверху заказа, не только поводом к самовыражению исполнителя, но встречает широкую общественную поддержку: за книжкой Скурлатова стоит цельная доктрина, рожденная в глубинах неофициального общественного сознания и, разумеется, враждебная ортодоксальному марксизму. Эта доктрина рассматривает евреев как метаисторических и онтологических врагов России на всем протяжении человеческой истории — от "колоколовидных кубков" до нынешних сионистов. Как мы видели, она оказалась драгоценной находкой для научно-бульварной фантастики.

В судьбе и карьере такого мыслителя, как Владимир Скурлатов, можно усмотреть известную параллель с "Влесовой Книгой". Вслед за очередным разоблачением "бесценного памятника" он неизменно восстает, как Феникс из пепла. И было бы странно, если бы, скажем, статья доктора наук О.Творогова похерила его окончательно. ●

Статья М.Каганской "Миф Двадцать первого века" написана по материалам автора, опубликованным в "Bulletin of Jewish Topics in Soviet and East European Publications", № 3–4, 1987 (Израиль).

Ефим ЭТКИНД

ПИСЬМА ИЗ ПАРИЖА

СВОБОДА, РАВЕНСТВО, ГИЛЬОТИНА

Приближается юбилей Французской революции — двухсотлетие того дня, 14 июля 1789 года, когда парижская толпа взяла штурмом крепость-тюрьму Бастилию и, разгромив ее, покончила с так называемым Старым режимом. К этим торжествам Франция готовится давно: книги, спектакли, фильмы, телевизионные программы, журнальные статьи, выставки, посвященные кровавым и славным годам, появляются все чаще. 1985 год прошел под знаком столетия смерти Виктора Гюго, — это оказалось дополнительным поводом для того, чтобы вспомнить о Революции XVIII века: событиям Революции посвящены не только многие стихи Гюго, но и один из самых знаменитых его романов, "Девяносто третий год". Гуманист Гюго, непримиримый враг всякой тирании, неутомимый борец против смертной казни, мучительно размышлял над событиями Революции: мысленно он видел реки крови, пролитые якобинцами в месяцы террора, он понимал, каким ужасом был чреват одобренный ликующим Конвентом смертный приговор Людовику XVI. Гюго приводит сохранившиеся в протоколах того январского дня 1792 года фразы, которыми депутаты сопровождали подачу голосов:

Паганель: "Смерть. Король может принести пользу только своей смертью."

Милло: "Если бы смерти не было, ее надо было бы изобрести сегодня."

Фусседуар: "Одна мысль о пролитой человеческой крови внушает мне ужас, но кровь короля — не человеческая кровь. Смерть!"

Жан-Бон-Сент-Андре: "Народ не может быть свободен, пока жив тиран!"

Лавиконтери: "Пока дышит тиран, свобода задыхается. Смерть!"

Роман Гюго написан в 1874 году, через три четверти века после Революции и спустя три года после другой национальной трагедии Франции — разгрома Второй империи под Седаном и гибели Парижской Коммуны. События заставили Гюго еще и еще раз задуматься над важнейшим вопросом, который когда-либо ставило перед собой человечество: может ли насилие принести благо? Описав страшное заседание Конвента, проголосовавшего за казнь короля, Гюго подвел итог: "На каждое заседание Конвента, о чем бы там ни говорилось, ложилась тень от эшафота Людовика XVI." Казалось бы, гуманисту было достаточно этого вывода, чтобы осудить Революцию. Однако тут же рядом он заявляет нечто иное: "Углубляя и очищая революцию, Конвент попутно двигал цивилизацию. Он был не только горнилом, но и кузницей. В этом котле, где klokотал кипящий террор, отлагался прогресс..." Лучше многих своих современников Гюго понимал, в какую чудовищную деспотию выродилась Революция; но, сознавая это, он не отворачивался от нее с ужасом и отвращением, он видел и кошмар Террора, и сияние Справедливости; пассаж о Конвенте продолжается так: "...Из этой хаотической тьмы, из этих бешено мчащихся туч вырывались яркие лучи света, лучи вечных законов. Эти лучи не погасли: они остались на небе на вечные времена сиять всем народам. Они зовутся справедливостью, терпимостью, разумом, истиной, гуманностью, любовью." Гюго не декламирует — он произносит именно те слова, которые в революционные годы были у всех на устах, и заключает: "Конвент провозгласил великую аксиому: свобода каждого гражданина кончается там, где начинается свобода другого гражданина, — две строчки, вмещающие в себя всю человеческую общечеловечность."

Оценка Революции, которую более ста лет назад дал В.Гюго, преобладала во Франции и, может быть, преобладает до сих пор. "Может быть", потому что в последнее время крепнет лагерь разоблачителей Революции, все громче звучат голоса ее ниспровергателей и хулителей. Передовая статья октябрьского номера шикарного журнала "Figaro-Magazine" за прошлый год, подписанная главным редактором Луи Пауэлсом, была озаглавлена так: "Не пора ли попросту покончить с Французской революцией?" Партия

Пауэлса, правое крыло РПР (Объединение в защиту республики), в недавнем прошлом находилась в оппозиции; с марта 1986 года она входит в правительственное большинство. Пауэлс со всей категоричностью утверждает, что "Революция, террор и геноцид составляли нерасторжимое единство", что "якобинизм и большевизм объединились, чтобы произвести на свет ГУЛаг" и что "1981 год развенчал 1936", — последнее означает, что социалисты, пришедшие к власти в 1981 г., провалились с таким треском, что скомпрометировали даже реформы Народного фронта, управлявшего Францией с 1936 по середину 1938 года. Луи Пауэлс опирается на несколько только что переизданных исторических сочинений, вроде знаменитой книги Ипполита Тэна "Корни современной Франции", или другой — Алексиса де Токвиля — "Старый режим и Революция", или работы Огюста Кошена, показавшего, каким образом якобинская диктатура породила "идеологический тоталитаризм современного типа". Историк Сеше в нынешнем году защитил в Сорбонне докторскую диссертацию о Вандее, где имел место, как он выражается, "франко-французский геноцид". Якобинец Каррье, которого охотно цитирует Сеше, будто бы сказал: "Скорее мы превратим Францию в кладбище, чем позволим управлять ею не нашему."

Только что вышла в свет книга популярного писателя, эссеиста и политического деятеля социалистического толка Макса Галло; она называется "Открытое письмо Робеспьеру". Галло говорит о заговоре правых историков и политиков, стремящихся развенчать Великую революцию; он узнает в них тех же самых людей, которые скорбят о маршале Петэне, реабилитируют коллаборационистов, тех, кто готов бросить тень на движение Сопротивления, кто отвергает принципы Свободы, Равенства и Братства; эти же правые, по Макс Галло, хотят вернуть школу под эгиду католической церкви и подменить героические воспоминания о революционных годах жуткими картинами подавления Вандейского восстания и казней священников. М. Галло видит в этом наступлении на историю Революции часть пропагандистской кампании против французской демократии.

...Франция верна себе: в этой стране гражданская война не прекращается ни на день. Впрочем, это не столько война всерьез, сколько эффектный спектакль, изображающий гражданскую смуту. Франция — страна театра. Театр — в крови у всего народа. Конечно, теперь уже не бывает ослепительных мушкетерских дуэлей на шпагах, но поединки в прессе и на телевидении продолжают в том же старинном мушкетерском стиле. Не успел Макс Галло выпустить свою книжку, адресованную на тот свет Робеспьеру, как на него бросился Жорж Сюффер, статья которого, озаглавленная "Покончим с революцией", начинается так:

"Похороны происходили чрезвычайно тихо и сдержанно. Каждый год несколько французских или английских историков публиковали по новой книге и таким образом бросали новый комок земли на гроб Французской революции, на этот исчезнувший в могиле труп..." Хороша образность, не правда ли? Однако зловещая метафора развивается дальше. "Французская интеллигенция, — продолжает Ж. Сюффер, — провожала катафалк Революции в Пантеон. Везти ее в крематорий казалось неприличным. И вдруг — трах-тарарах! — Макс Галло, писатель, бывший уполномоченный Президента по связи с прессой, кидается в полемику, объявляет себя великим инквизитором Революционной Церкви и обращается к Робеспьеру, как Гамлет к тени своего папаша."

Для Сюффера и его единомышленников Французская революция — мертвец, которого осталось только похоронить. Трудную задачу они поставили перед собой! Если из истории Франции выбросить героиню ее четырех революций, что останется? Заодно придется ошельмовать и Наполеона, о котором Пушкин сказал: "Сей всадник, вольностью венчанный..." Но раз не было Вольности, то и Всадника не было. Одни Бурбоны не создали бы легенду Франции, даже король-солнце Людовик Четырнадцатый не смог бы... Ну, а что делать с национальным праздником Франции — 14 июля, днем взятия Бастилии? Объявить его днем траура по старому режиму? Любопытно то, что и эмблема неоголлистской партии, к которой принадлежат Пауэлс и Сюффер, — это *фригийский колпак*, символ свободы, почему-то в паре с лотарингским крестом; как же быть с этим гербом, который ненароком связывает Пауэлса с Маратом? Да и с "Марсельезой" придется распрощаться: ведь национальный гимн Франции рожден Революцией.

Ответить на эти и подобные им вопросы трудно, и не наша это задача. Пусть ответит гробовщикам Революции все тот же Виктор Гюго, перечисливший в "Девяносто третьем году", чем Франция обязана Конвенту: "Оставаясь национальным, он был общечеловечен. Из 11 210 изданных им декретов треть преследовала политическую цель, а две трети — интересы гуманности. Он объявил общественную нравственность основой общества и общественную совесть — основой закона. И все это... сделал Конвент, раздираемый такой гидрой, как Вандея, и имея на плечах такую стаю тигров, как коалиция королей."

Гг. Пауэлс и Сюффер, теперь ваше слово, отвечайте старику Гюго, которого вы так превозносили в дни его юбилея. Дуэль между французами продолжается... Имеет ли это какое-нибудь отношение к нам, россиянам? Увы, — самое прямое. Дело в том, что главным доводом против Французской революции служит революция русская, Октябрьская революция 1917 года, выродившаяся в небывалую деспотию. Правые идеологи стремятся дискредитировать революционное прошлое Франции, ссылаясь на исторический опыт русских учеников и последователей Робеспьера, Сен-Жюста, Демулена, Марата... Но Французская революция перешла в феерический спектакль наполеоновской эпопеи, а русская — в мертвечину и вампиризм сталинской бюрократической империи. Как писал Гюго по другому поводу: *ceci tuera cela*, "одно убьет другое", русская революция всадила нож в спину французской.

ТЕНЬ АПОКАЛИПСИСА

В наши дни французы (как, впрочем, и другие люди Запада) все чаще вспоминают об Апокалипсисе. Еще недавно они жили, объятые страхом ядерной бомбы. Сегодня идея Конца мира приобрела иные черты, бомба раздробилась на множество малых бомбочек, рвущихся где попало: среди покупателей дешевых универмагов, среди скромных служащих, зашедших в перерыв пообедать в ресторан самообслуживания, среди пассажиров метро, школьников или посетителей почтовой конторы. Между Большой Бомбой и бомбочками разница лишь количественная; и тот, и другой снаряд поражают без разбора самых разных, далеких от политики, мирных и ни в чем не повинных людей. Какой рыцарственной представляется нам сегодня война наполеоновской поры, когда кирасиры в сверкающих нагрудниках, "уланы с конскими хвостами" и гренадеры в медвежьих шапках вступали в открытый бой, сохраняя благородное уважение к храброму противнику!

Владеющее Европой *ожидание*, сменившееся в Париже летом и на склоне минувшего года *переживанием* Апокалипсиса, выражает не только ужас перед смертью или страданием, которые в буквальном смысле слова могут грянуть, как гром среди ясного неба. Оно заключает в себе понимание катастрофической деградации человечества, утратившего фундаментальные представления о чести и красоте отношений и даже с агрессивной злобой отвергающего нравственность, вообще всякие нормы, созданные тысячелетием развития культуры.

Все современное искусство, и в первую очередь французское, — кино, театр, живопись, музыка, литература, поэзия — подчинено этому небывалому и, в сущности, невообразимому мироощущению: ожиданию конца. Люди верующие или просто помнящие Писание, перечитывают Откровение Иоанна, находя в нем пророчество о грядущем дне:

"...и вот, произошло великое землетрясение, и солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь...

...И небо скрылось, свившись как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих,

и цари земные, и вельможи, и богатые, и тысяченачальники, и сильные, и всякий раб, и всякий свободный скрылись в пещеры и в ущелья гор,

и говорят горам и камням: падите на нас и сокройте нас от лица Сидящего на престоле и от гнева Агнца,

ибо пришел великий день гнева Его, и кто может устоять?" (6, 12—17).

Устоять не может никто. Однако эсхатология восьмидесятых годов проявляется в искусстве по-разному и даже, пожалуй, противоположным образом. Прямое отражение:

истерика, безумие, судороги, порождающие рваные, уродливые, кошмарные художественные формы, — не формы, а бесформенность; то, что прежде было формой, разваливается, музыка уступает место оглушительному скрежету, зодчество становится нагромождением рваных и ржавых кусков металла, поэзия теряет не только ритм и рифму, но всякое воспоминание о гармонии, песенности, красоте и даже смысле, превращается в пугающее нагнетение бессодержательных звуковых или словесных повторов. В парижском парке Багатель, созданном лучшими мастерами садово-парковой архитектуры XVIII века, открыта выставка металлической скульптуры: на дырявых бетонных блоках высятся завязанные в узел трамвайные рельсы и спрессованные кузова старых автомобилей... А кругом, как говорил русский поэт, "зеленый снизу, Голубой и синий сверху, Мир встает огромной птицей, Свищет, щелкает, звенит..." Мир верен себе, и он верит в свое бессмертие, скульптор же бьется в истерических судорогах — в ожидании конца света. Да и может ли быть иначе? Малые бомбы рвутся среди парижской толпы, а над головой, там, где мир "голубой и синий", висит на тонкой ниточке Большая Бомба, готовая убить наповал эту огромную птицу, которая пока еще свищет, все еще звенит.

Но есть и другое устремление сегодняшнего искусства: чем неотвратимее наступление хаоса и варварства, разрушения и всеобщего конца, тем упорнее выковывает художник гармоничные формы, — это его эстетическое сопротивление небытию. Совершенствуется ритм, углубляется ассоциативная содержательность поэтического слова, недавно еще модный авангардистский бунт вытесняют классические пропорции. Разумеется, по-прежнему существует левый театр, развивающий революционные находки Мейерхольда и Брехта, но постепенно над театральными экспериментами Антуана Витеза, директора театра Шайо, берут верх классические спектакли Штрелера в театре Одеон, который стал теперь "Театром Европы". В наши дни авангард и классика вступили в новый поединок, мотивированный совсем иначе, чем несколько десятилетий назад. Тогда, в эпоху русских футуристов и французских дадаистов, эстетический бунт был формой социального протеста, антибуржуазной революционности, он был разрушением косного "старья" во имя нового будущего. Футуристы и дадаисты намеревались начать с нуля; для этого надо было стереть в порошок все прежнее. В этом смысл скандального каламбура Маяковского: "Почему не расстрелян Расстрелли?.."

Куда все это делось... И как тут не процитировать пушкинские строки:

Все изменилось. Ты видел вихорь бури,
Падение всего, союз ума и фурий...

Если князь Юсупов видел это в конце XVIII века, то насколько мы богаче его: "союз ума и фурий", какой пережили мы, в те поры разве только намечался. В наши дни революционеры остались где-то в глубинах "третьего мира"; название коммунистического журнальчика "La Révolution" кажется смешным и нелепым огромному большинству французов. Недавно я видел по телевидению Даниэля Кон-Бендита; он был вождем студенческих волнений в мае 1968 года, пользовался огромной популярностью среди молодежи именно как революционер. Читателю в СССР эта фигура знакома по роману Р.Мерля "За стеклом". Кон-Бендит выпустил книгу о судьбе бунтарей 1968 года в разных странах Европы и Америки: один сделался солидным профессором, другой крупным бизнесменом, многие стали преуспевающими торговцами, промышленниками, чинными буржуа; все они с лирической иронией вспоминают о своем революционном прошлом. Может быть, сказывается возраст? Со времен прославленной "ирреволюции" прошло почти двадцать пять лет, тогдашним студентам теперь за сорок. Но Кон-Бендит относит эти перемены не за счет повзрелости; он понимает, что изменился мир. Сегодня вера в благотворность революционных потрясений сохранилась либо в тиранически подавляемых странах Латинской Америки, либо в управляемых религиозными догматами исламских государствах — да еще в среде таких безнадежно архаических политиков, как твердокаменные французские коммунисты.

Так вот, в нынешних демократических странах недавно еще столь привлекательный авангард отступает под натиском недавно еще столь презируемой классической эстети-

ки. Свободный стих вытесняется рифмованным и строфически организованным, возвращается фигуративная скульптура и живопись, оживает давняя и, казалось, погребенная традиция в архитектуре и музыке. Сопrotивление Апокалипсису достойнее, чем уступка надвигающемуся хаосу. Может быть, варварство и одолеет культуру, может быть, Большая Бомба сметет людей и искусство на Земле. Но постепенно приходишь к пониманию того, что если даже Культура и обречена — умереть она должна стоя.

ЖОРЖ ДЮМЕЗИЛЬ,

ИЛИ МЕТОД ГЛУБИННЫХ СОПОСТАВЛЕНИЙ

Один за другим уходят большие ученые, которые вместе с деятелями кино, художниками, поэтами стяжали славу Франции в XX веке. Среди них одно из почетных мест занимает Жорж Дюмезиль, скончавшийся в октябре прошлого года от кровоизлияния в мозг в возрасте 88 лет.

Дюмезиль, автор полусотни книг и бесчисленных статей, соединял в себе лингвиста, историка, антрополога, исследователя мифологий разных народов, специалиста по древним литературам, археолога. Объем его эрудиции представляется неправдоподобным: он знал более сорока языков, говорил на двадцати. Он был знаком с культурами всех стран, которые относятся к так называемому индоевропейскому пространству: от берегов Балтики и Северного моря до Ближнего Востока, Ирана и Индостана. Он питал особую симпатию и интерес к Кавказу, к обычаям, фольклору и, разумеется, языкам этого далекого от Франции края. Отдав Кавказу шестьдесят лет жизни, изучив 12 кавказских языков (он сам считал их труднейшими в мире), ученый особенно увлекся исчезающим убыхским языком; этот язык — чемпион по консонантизму, в нем на один гласный звук приходится 80 согласных. Можно сказать, что Жорж Дюмезиль спас убыхский язык от гибели: в последние годы своей жизни он работал над грамматикой убыхского языка. Хорошо знавшие Дюмезиля ученики и собратья по Коллеж де Франс, где он много лет был профессором, рассказывают, что отдыхая, — это бывало с ним нечасто, — он читал не романы, а учебники неизвестных ему языков: такое чтение его развлекало.

Эрудиция, по определению Амброза Бирса, автора "Словаря сатаны", — это "пыль, вытряхиваемая с книжных полок в пустой череп". В этих словах есть резон. Для Дюмезиля, однако, ученость была необходимым условием научного творчества. Целью его работы было установить взаимосвязь и даже единство всех культур индоевропейского региона. То, что в основе всех языков этой части мира лежит общий праязык, по-видимому, сомнений не вызывает. Дюмезиль любил вспоминать, что он заинтересовался сравнительным языкознанием, когда мальчиком, листая книгу Мишеля Бреалья "Латинские слова", вдруг обнаружил, что на санскрите слово *pater* (отец) звучит '*pitar*', а *mater* (мать) — '*matar*'. "Это меня поразило (*cela m'a ébloui*), — рассказывал Дюмезиль. — Здесь корни моей индоевропейской страсти."

Итак, существовал некогда индоевропейский праязык, из которого развились германские, романские, кельтские, славянские и некоторые другие ныне существующие или вымершие языки. Гипотезу праязыка, ставшую прочным достоянием науки, создали и разработали в XIX веке Франц Бопп, Уильям Джонс, Август Шлегель и Бертольд Дельбрюк, автор "Введения в изучение индоевропейских языков" (1893—1900). Дюмезиль продолжил исследования Дельбрюка. Он пришел к выводу, что существование общего языка неминуемо определяет и общность культуры; необходимо сопоставлять не только языки, но и мифологию, фольклор, факты материальной культуры. Комплексность в такого рода исследованиях не прихоть ученого, но условие научной работы: чтобы постигнуть античный Рим, надо знать санскрит и ведийскую мифологию; все индоевропейские культуры предстают в своей индивидуальности, но также и с теми чертами, которые позволяют связать их между собой. Следует вспомнить интеллектуальный климат десятилетий, на которые приходится деятельность Жоржа Дюмезиля, огромную популярность Шпенглера с его идеей замкнутости великих культур, и Тойнби, про-

следившего рождение, зрелость и закат двадцати четырех цивилизаций,¹ — чтобы оценить значение этой позиции Дюмезиля.

В тридцатых годах стало ясно, что узкие филологи, компетентность которых ограничена сугубо специальной областью, должны уступить место филологу-универсалу: необходимо знать все, чтобы все сопоставлять. "Я — сопоставляющее животное", — говорил о себе наполовину в шутку, наполовину всерьез Дюмезиль. В комплексном изучении все предстало в новом свете, по-иному заговорили известные тексты — на латыни, санскрите, на кельтских, скандинавских, индийских языках, обновились мифологические повествования, казалось бы, так хорошо знакомые. Комплексность стала у Дюмезиля ведущим методологическим принципом. Конечно, для того чтобы усвоить четыре десятка языков и столько же мифологий, надо обладать не только большим упорством, но, пожалуй, и редкостным дарованием; но кто сказал, что наукой должны заниматься бесталанные люди? Жорж Дюмезиль, наделенный неправдоподобной памятью, феноменальным воображением (которое он считал необходимым для ученого свойством) и, само собой разумеется, небывалой усидчивостью, был, можно сказать, рожден для того, чтобы создать сопоставительную мифологию, достойную нашего столетия.

Многие коллеги не могли простить Дюмезилю, что он отодвинул их в тень, собственным примером показав их безнадежную отсталость. Дюмезиля не то чтобы травили, но, как всякому новатору, ему всячески затрудняли движение вперед. Только в 1949 году, когда ему было уже за пятьдесят, для него была создана кафедра индоевропейской цивилизации в Коллеж де Франс; тридцать лет спустя он стал "бессмертным" — одним из сорока членов Французской Академии. Ритуальную речь в честь нового собрата произнес другой великий ученый Франции, ныне здравствующий Клод Леви-Стросс. Характеризуя заслуги Дюмезиля, он сказал тогда, что научный мир обязан Жоржу Дюмезилю возрождением сопоставительного метода, — компаративистика была скомпрометирована поверхностным, легкомысленным отношением к сравнениям.

Одним из главных открытий Дюмезиля можно считать "тройственную идеологию". Под этим он понимал структуру, которая представляется образцовой для древнейших индоевропейских цивилизаций. Общество должно было состоять из трех каст: жрецов, воинов и производителей. Жрецы — это специалисты в сакральной области, воины — по военному делу, все остальные, в основном крестьяне, — масса, производящая пищу для себя и других. Отражение этой трехчленной структуры Дюмезиль обнаружил в мифологии многих народов: такова римская "капитолийская триада" Юпитер — Марс — Квирин; в древней Индии трехчленный ряд божеств Митра-Варуна (жреческо-сакральная функция), Индра (военная функция), Насатья (хозяйственная функция); то же можно найти и в других пантеонах — древнегерманском, кельтском. Сам Дюмезиль указывал, что во Франции аналогичная структура сохранялась вплоть до революции 1789 года; общество состояло из трех сословий: духовенства, аристократии и третьего сословия — производителей. Крупнейший филолог нашего века гордился тем, что в его стране "тройственная идеология" уже давно принадлежит прошлому; он был убежденным сторонником демократии. "Жить в условиях тройственной системы — сказал он одному журналисту, — было бы для меня равносильно тюремному заключению. Да, я изучаю эти три функции, но не хотел бы при них жить. Если бы я попал к людоедам, я бы постарался узнать о них как можно больше, но держался бы подальше от их котла." Развивая эту мысль, Дюмезиль утверждает, что в нынешнем научно-промышленном мире жреческо-сакральная и военная функции изжили себя. "В наши дни тройственную структуру легче других воспроизводят тоталитарные государства. Они делают это в известном смысле сознательно. В Третей империи различали *партию* как руководящий орган, вермахт — армию и *Arbeitsfront*, трудовой фронт, — производителей. В Советском Союзе вы обнаружите нечто эквивалентное: первая функция представлена Центральным Комитетом, вторая — Красной Армией, лишенной индивидуальностей; третья — массой трудящихся ("Le Matin", 13 октября 1986).

Жорж Дюмезиль постоянно утверждал, что ученый должен быть вне политики, вне идеологии и даже вне научных школ; его оценка тоталитаризма, сближение Третей

¹ Об историософии О.Шпенглера и А.Тойнби см. в "Стране и мире", № 1–2, 1986; С.Гафнер. В тени истории. Прыжок в царство свободы, или что осталось от истории. — *Ред.*

империи и советского режима обусловлены не партийно-политическими пристрастиями, но все тем же научным методом, который Леви-Стросс назвал "глубинно-сопоставительным."

ХОД КОНЕМ, ИЛИ ДЕБЮТ НАБОКОВА

Российская судьба Владимира Владимировича Набокова — самая, быть может, характерная писательская биография нашего века. Прежде всего, Набоков — один из знаменитейших писателей современного мира. На всех континентах о нем пишутся диссертации, исследования, биографические очерки, многостраничные монографии. В Нью-Йорке выходит в сентябре обширный труд Эндрю Филда "The Life and Art of Vladimir Nabokov", в Новой Зеландии — обзор творческого пути Владимира Набокова, подготовленный Брайеном Бойдом, в Монтре, в Швейцарии, вдова и сын Набокова готовят книгу воспоминаний о нем, а также альбом его рисунков. На многих языках выходит все, что написал когда-либо Набоков: письма, дневники, ученые статьи о бабочках, шахматные этюды, университетские чтения. Вот французское издательство Arteme Fayard только что опубликовало три увесистых тома лекций, которые Владимир Набоков читал 30 лет назад в Корнельском университете в США о книгах и писателях, его особенно интересовавших. В первом томе — лекции о Джейн Остин, Диккенсе, Флобере, Стивенсоне, Прусте, Кафке, Джойсе; второй и третий тома посвящены русской литературе. На обороте титульного листа приведен список других книг Набокова, вышедших по-французски: их более двух десятков. Во всевозможных антологиях русской поэзии на всех языках печатаются стихи Набокова. Недавно появился роман "Волшебник", считавшийся утраченным. "Liberation" посвятила этому событию шесть полос, а ведь эта газета не литературная. Журнал "Magazine Littéraire" вышел с портретом писателя на обложке, весь номер посвящен жизни и творчеству В.В. Набокова.

Нет сомнений в том, что сегодня Владимир Набоков не только прославленный, но и чрезвычайно читаемый автор. Оба показателя отнюдь не всегда совпадают. Чтобы привести доступный пример: кто в СССР не знал имени Константина Федина, впрочем, не такого уж плохого прозаика? А кто читал его длинные и скучные романы? Когда-то колючий Лессинг писал о своем соотечественнике Клопштоке:

Вы почитаете Клопштока?
Но кто читал его хоть раз?
Не почитайте нас высоко,
А лучше — почитайте нас.

Набоков — из числа тех избранных, которых одновременно почитают и читают. И мало сказать — читают. Им увлекается огромное множество людей в странах, где он переведен. А переведен он на все важнейшие языки мира.

Только Россия не знает Владимира Набокова, не признает его, не упоминает о нем. По крайней мере так было до самого последнего времени. В Краткой Литературной энциклопедии ему отведено 37 строк. (В статье, посвященной Федину, 250 строк.) Тон заметки о Набокове подчеркнуто брезгливый: книги его "отмечены чертами литературного снобизма... стиль отличается вычурностью..." Далее говорится о том, что Набоков "подверг сам себя денационализации: с 1940 года начал писать по-английски". Так написано в пятом томе энциклопедии, появившемся в 1968 году, и уже в сентябре следующего года авторам тома сделал выговор журнал "Коммунист": слишком много внимания уделено зарубежным столпам модернизма, налицо отход от партийной принципиальности. Советскому читателю, разъясняет "Коммунист", внушают "примиренчество с модернизмом".

Брань идеологов, стремление игнорировать Набокова удивления не вызывают. Этот писатель не может не раздражать их. Во-первых, Набоков — принципиальный противник общих идей, он не только напуган их воздействием на мир, но питает к ним нечто вроде изначальной неприязни. Во-вторых, он с неподобающим вниманием рассматривает

"внутреннего человека", сознательные и бессознательные побуждения людей. Советская литература к этому не привыкла. В-третьих, мир Набокова фантазмагоричен, его персонажи окружены фантомами и монстрами, со всей этой сложностью простому человеку не совладать. В-четвертых, Набоков не чурается весьма откровенных сексуальных эпизодов. В-пятых, Набоков отличается абсолютной независимостью суждений, он может презирать великого автора и возвысить малого... Все это в СССР абсолютно неприемлемо. Партийные власти не в силах отказаться от общих идей, не могут позволить писателю слишком пристально всматриваться в психологию, не могут допустить фантазмагорий; они неспособны преодолеть свою боязнь эротизма и уж во всяком случае не согласны признать вызывающую самостоятельность непредсказуемой личности.

Что же делать? В наши дни трудно продолжать не замечать Набокова. Все-таки любой грамотный читатель в Советском Союзе знает, что Федин не лучше Набокова в семь раз (судя по числу строк в Литературной энциклопедии), что серые тома Федина вообще не сравнимы со сверкающим талантом, иронией, выдумкой, наблюдательностью Набокова. Решено скрепя сердце напечатать Набокова, приходится проявить созвучный эпохе "либерализм".

Но вот еще в чем затруднение. Не переводить же Набокова с английского! Вышла недавно в Москве толстая книга всемирно известного русского ученого Романа Осиповича Jakobsona. На титульном листе значится: "Перевод с немецкого, французского и английского". Какой позор! Краткая Литературная энциклопедия нашла в свое время оскорбительное словечко и для Jakobsona. И он "денационализировался". На самом деле Jakobson, как и Набоков, сохранив богатство — и какое богатство! — живой русской речи, поднялся выше своей национальности в сферу общемировой литературы и науки. Недавно французский критик и переводчик Набокова Жиль Барбедетт прекрасно написал о том, что Набоков — писатель, поднявший изгнание на высший биографический и художественный уровень; да и вообще участь изгнанника — характерное состояние для писателя в нашем веке.

Так что же выбрать из Набокова? Выбрали шахматы. Журнал "Москва" печатает роман о шахматисте — "Защита Лужина" (1930 г.), а еженедельник "Шахматное обозрение" поместил главку из автобиографической книги "Другие берега", 1954 года, где опять же идет речь о составлении шахматных этюдов. Свести Набокова к шахматной теме — это, так сказать, ход конем. Из главы, напечатанной в "Шахматном обозрении", вычеркнута одна фраза, цензура есть цензура. Вот эта фраза: "В свое время Россия изобрела гениальные этюды. Ныне же прилежно занимается механическим нагромождением серых тем в порядке ударного перевыполнения бездарных заданий". Разумеется, смысл этих слов выходит далеко за пределы шахмат. Так же, впрочем, как и следующая фраза, выражающая отношение Набокова не только к шахматным этюдам, но и к литературе, философии и даже политике. Она осталась в тексте, опубликованном в "Шахматном обозрении". "Меня лично, — продолжает Набоков, — пленяли в задачах миражи и обманы, доведенные до дьявольской тонкости. И хотя в вопросах конструкции я старался по мере возможности держаться классических правил, как, например, единство, чеканность, экономия сил, я всегда готов был пожертвовать чистотой рассудочной формы требованиям фантастического содержания".

Итак, советского читателя угостили "Защитой Лужина". Выбор этот, разумеется, лукав. Но, как говорили в старину, *abyssus abyssum invocat*, "одна бездна зовет за собой другую". Вслед за этой книгой неминуемо потянутся "Приглашение на казнь", "Другие берега", "Весна в Фиальте", "Пнин", "Король, Дама, Валет", "Ада", — а там, глядишь, дойдет дело до "Дара", а то и до "Политы". Набоков — русский писатель, и как бы ни относиться к его чрезмерностям, русская литература имеет все основания им гордиться.

Но как забавно, что в конце абзаца корректору и веку вопреки, тень русской ветки будет колебаться на мраморе моей руки.

Если, среди многих других, существует истина, которая опирается на полнейшей очевидности и на тяжелом опыте последних годов, то эта истина есть несомненно следующая: нам было жестоко доказано, что нельзя полагать на умы безусловное и слишком продолжительное стеснение и гнет без существенного вреда для всего общественного организма. Видно, всякое ослабление и заметное умаление умственной жизни в обществе неизбежно влечет за собой усиление материальных наклонностей и гнусно-эгоистических инстинктов. Даже сама власть с течением времени не может уклониться от неудобств подобной системы. Вокруг той сферы, где она присутствует, образуется пустыня и громадная умственная пустота, и правительственная мысль, не встречая извне ни контроля, ни указания, ни малейшей точки опоры, кончает тем, что приходит в смущение и изнемогает под собственным бременем еще прежде, чем бы ей суждено пасть под ударами злополучных событий. К счастью, этот жестокий урок не пропал даром. Здравый смысл и благодушная природа царствующего императора уразумели, что наступила пора ослабить чрезвычайную суровость предшествующей системы и вновь даровать умам недостававший им простор. Итак (я это говорю с полнейшим убеждением), для всякого, кто с той минуты следил в общих чертах за умственной деятельностью в том виде, как она выразилась в литературном движении страны, оказывается невозможным не радоваться счастливым последствиям этой системы. Не более других и я нисколько не желаю скрывать слабые стороны и подчас даже уклонения современной литературы; но нельзя по справедливости отказать ей в одном достоинстве, весьма существенном, а именно: что с той минуты, когда ей была дарована некоторая свобода слова, она постоянно стремилась сколь возможно лучше и вернее выражать мнение страны. К живому сознанию современной действительности и часто к весьма замечательному таланту в ее изображении она присоединяла не менее искреннюю заботливость о всех положительных нуждах, о всех интересах, о всех язвах русского общества. В смысле предстоящих улучшений она, как и сама страна, озабочивалась только теми, которые были возможны, практичны и ясно указаны, не позволяя себе увлекаться утопией — этим недугом, столь присущим литературе.

ИСЛАМ В СТРАНЕ И В МИРЕ —

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ